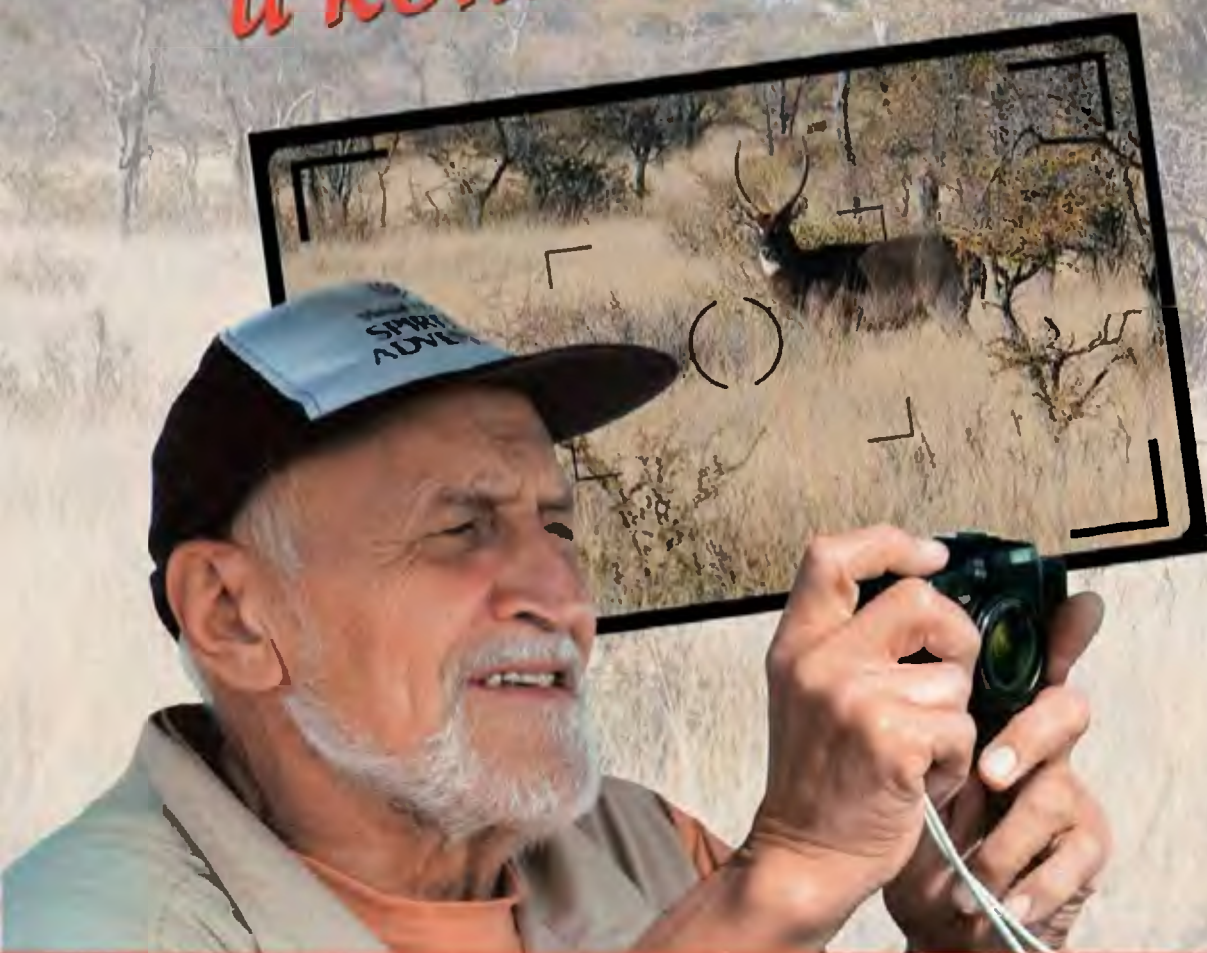

Николай Дроздов

Удивительные
путешествия
по странам
и континентам

Николай Дроздов

*Удивительные
путешествия
по странам
и континентам*

Москва
«Вече»

УДК 59
ББК 28.688 + 76.032
Д75

Дроздов, Н.Н.
Д75 Удивительные путешествия по странам и континентам /
Николай Дроздов. — М.: Вече, 2017. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-4444-1105-6

Знак информационной продукции 12+

В своей новой книге популярный телеведущий делится личными впечатлениями и наблюдениями от многочисленных путешествий в самые удаленные уголки нашей планеты как во время съемок телепередачи «В мире животных», так и в результате научных экспедиций. Автор не только рассказывает о тайнах живой природы, но и отвечает на наиболее интересные вопросы телезрителей, касающиеся особенностей поведения отдельных видов мировой фауны.

УДК 59
ББК 28.688 + 76.032

ISBN 978-5-4444-1105-6

© Дроздов Н.Н., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

От издательства

Николай Николаевич Дроздов — доктор биологических наук, профессор кафедры биогеографии географического факультета МГУ, популярный телеведущий — наш многолетний и, без всякого преувеличения, любимый автор. Многие читатели, конечно, помнят его совместные с известным журналистом-экологом Алексеем Кузьмичом Макеевым прекрасные сборники по следам телепередачи «В мире животных», а уж «Экологически чистые анекдоты» — просто без комментариев.

Встречи с этим остроумным рассказчиком, замечательным собеседником и горячим поборником защиты окружающей среды — это всегда живо, весело, интересно. Посему мы с готовностью откликнулись на предложение Николая Николаевича выпустить его новую книгу наблюдений за живой природой, накопленных в многочисленных поездках и путешествиях как в составе съемочной группы телепередачи «В мире животных», так и в результате научных экспедиций в самые отдаленные уголки нашей еще во многом загадочной планеты.

Ведь мы, издатели, считаем одной из главных своих задач воспитание экологического сознания, ответственности всех и каждого за состояние окружающей нас природы. Пытаясь «переделать» природу, подчас с самыми благими намерениями, человек получает неожиданные и часто очень неприятные для себя результаты. Наша обязанность — сберечь природу, частью которой мы являемся, сохранить ее для самих себя и будущих поколений.

Итак, предложение принято. Вместе с автором отправляемся в путь!

Пользуясь случаем, сердечно поздравляем Николая Николаевича Дроздова с 80-летием. Желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемого оптимизма, творческого долголетия, новых путешествий и приключений!

Одиссея Николая Дроздова

Гомер в своей «Одиссее» описал возвращение героя Троянской войны домой — 10-летнее странствие, насыщение пространством и временем. С тех пор любое мало-мальски длительное путешествие называется одиссеей. Одиссея нашего любимого героя — Николая Николаевича Дроздова продолжается из года в год уже много-много лет. Его острый ум и цепкий взгляд умудряются заметить в любой стране то, что обычно ускользает от внимания уставших или излишне восторженных путешественников.

Путешествует он с песней, как аборигены Австралии. У них есть свои тропы песен — дороги, по которым они ежегодно обходят родные уголки: существование мира надо регулярно подтверждать песнями. Если на пути аборигена должна быть гора, она окажется на месте только в том случае, если он о ней заранее споет то, что завещали предки. Обычные путевые заметки глазами необычного человека — это совершенно не-

похожие на другие описания стран, континентов и их обитателей. Они помогают нам перенестись в воображении в удивительные места нашей планеты, вдохновляют совершить кругосветное путешествие вместе с автором.

Великий Мухаммед когда-то сказал: «Не говори мне, насколько ты образован, — просто скажи, сколько ты путешествовал».

Вот и мой прекрасный друг Николай Дроздов томим жаждой странствий. И вот «беда»: заразил он этой бациллой и меня. Вместе с ним мы совершили новогоднее путешествие в Антарктиду. Это все равно, что побывать на другой планете. Янтарно-чистый воздух, хрустальные айсберги, переливающиеся разными цветами под лучами полярного солнца, и непуганные жители этой «планеты» — пингвины. А чудо еще в том, как умеет общаться с ними Николай Николаевич. Он приближается к ним вплотную и о чем-то с ними беседует. Такое впечатление, что они внимательно слушают и все понимают. А потом он выдает удивительные подробности их поведения. Например, свою подругу-наседку охраняет ее партнер — пингвин. Но стоит ему отлучиться, как другой пингвин — охранник соседнего гнезда и своей подруги — ухитряется украсть яйцо у приятелей.

О нашем путешествии я выпустил фотоальбом. В предисловии к нему Дроздов напишет: «Какая радость окунуться в ледяные воды Арктики! Увидеть пингвинов и морских слонов. А главная радость — мы получаем альбом, в котором есть свист ветра, грохот шторма, шуршание льда, крики чаек и пингвинов. Сверкание полярного льда — да, это Антарктида!»

А потом было наше с ним путешествие в Африку. Мы не переставали удивляться способностям Дроздова общаться с аборигенами Танзании — масаями. Он разговаривал на их родном языке. Иногда мы возмущались его трюкам. Гид строго-настрого запретил

подходить к реке, кишасей крокодилами. А Дроздов, как ребенок, знай себе марширует вдоль этой реки. На краю кратера Нгоронгоро он надолго задержался возле памятника Бернхарду Гржимеку. Об этом удивительном человеке Дроздов много рассказывал мне еще в Москве, повторяя любимую фразу Гржимека: «Вместо того чтобы ругать темноту, нужно зажечь хотя бы одну свечу». Гржимек вместе со своим сыном Михаэлем изучал животный мир Серенгети. Сын погиб. Его самолет столкнулся с грифом. Благодарный ученый мир собрал огромные средства на монумент Михаэлю. Но отец его распорядился этим состоянием по-своему. Из средств, пожертвованных на установку памятника, а это довольно крупная сумма, удалось открыть в Серенгети международный научно-исследовательский центр. А вместо монумента стоит скромная пирамидка. После смерти Бернхарда Гржимека его прах был перенесен в Танзанию и захоронен рядом с могилой сына на краю кратера Нгоронгоро.

Любит Дроздов неординарных людей. Его герои: Николай Пржевальский, Федор Конюхов, Жак-Ив Кусто, Юрий Сенкевич, Тур Хейердал... Бесконечно много можно рассказывать об этом Человеке с большой буквы, но...

*Я скажу Вам с любовью, мой друг и мой кумир:
Задумкою любой Вы покорите мир.
Мир в праздничном убранстве сегодня Вам дарю —
Шальные ветры странствий, и звезды, и зарю!
Без светлых приключений пусть не проходит дня,
Вы дружбу и почтение примите от меня.*

*Леонид Аникеев, президент Международного
объединения сторонников активного долголетия
«Клуб 100 лет».*

Тайны живой природы

Каждый год съемочная группа телепередачи «В мире животных» выезжала в различные уголки природы зарубежных стран. Мы побывали во многих национальных парках и заповедниках, питомниках и зоопарках. И каждый раз из таких поездок привозили немало интересных наблюдений и впечатлений. О некоторых из них и пойдет речь в этом разделе книги.

На Мадагаскаре

Остров Мадагаскар, на котором расположена Малагасийская Республика, по размерам примерно вдвое превосходит Великобританию и находится в Индийском океане на расстоянии около 400 км от юго-восточного побережья Африки. Мне посчастливилось несколько дней провести на этом замечательном острове и понаблюдать за его удивительной природой.

Мадагаскар знаменит своим уникальным животным миром. Островные фауны в той или иной мере всегда уникальны и потому привлекают внимание исследователей и многочисленных любителей природы. В этом плане широко известны, например, Гавайские и особенно Галапагосские острова. А вот Мадагаскар почему-то остается несколько в тени, притом неза-

служенно. Ведь уникальность его фауны будет классом выше, чем на Галапагосах.

Из шести фаунистических областей, на которые зоогеографы разделили всю сушу земного шара, только две группы островов удостоились высокой чести именоваться фаунистической областью — древняя-преддревняя Новая Зеландия и остров Мадагаскар.

А это значит, что в зоогеографическом отношении, по уникальности и своеобразию своей фауны, Мадагаскар признается равным всей Африке к югу от Сахары и даже всему Северному полушарию. Основание для этого — высокий уровень эндемизма фауны, т.е. большой процент видов животных, которые встречаются только на Мадагаскаре и нигде более. А эндемизм мадагаскарской фауны действительно очень высок. К примеру, из 184 видов наземных птиц 125 видов, то есть почти 70 %, обитают только на этом острове. Здесь, и только здесь, живут около 70 видов эндемичных млекопитающих, в том числе такие интересные группы, как тенреки.

Тенреки, самые примитивные из ныне живущих настоящих плацентарных млекопитающих, обитают только на этом острове. Есть у них, как полагают, отдаленные родственники, но они почему-то далеко-далеко, на Кубе.

Широко распространено мнение, что тенреки похожи на ежей. Это не совсем так. Действительно, есть виды колючих тенреков, которые и внешним обликом, и иголками, и образом жизни, и питанием, и поведением удивительно сходны с ежами. Они даже в клубочек сворачиваются, как ежи. И все же по происхождению тенреки очень далеки от них. Наряду с колючими есть тенреки, похожие на землероек, мышей и даже на кротов. Это значит, что в условиях длительной изоляции и отсутствия конкуренции одна лишь группа тенреков повторила в своей эволюции почти все разнообразие жизненных форм отряда насекомоядных в целом.

Среди тенреков есть удивительные животные. Например, колючий тенрек — самый плодовитый зверек в мире. Самка за один раз приносит до 24 детенышей. У некоторых видов предполагают наличие эхолокации, как у летучих мышей, т.е. зверек улавливает издаваемые им и отраженные от других предметов щелчки и посвисты. Наконец, у пятнистых тенреков обнаружен уникальный звуковой аппарат — вибрирующий позвоночник.

Большинство тенреков доверчивы и непугливы. Мне не раз с фотоаппаратом доводилось подходить к ним на довольно близкое расстояние. Их доверчивостью нередко пользуются местные браконьеры. Они неплохо зарабатывают на том, что отлавливают этих животных и продают тем, кто содержит их в домашних условиях.

Еще одна группа удивительных животных, которых мне посчастливилось повстречать в лесах Мадагаскара и понаблюдать за их поведением, образом жизни, — это настоящие лемуры из приматов. Группа красочных, со своеобразной пестротой лемуров, или полуобезьян, настолько знаменита, что некогда Мадагаскар именовали страной Лемурией.

Семейство лемуриновых объединяет лемуров, которые обитают как на самом Мадагаскаре, так и на некоторых соседних островах. Есть древесные, полудревесные и наземные виды. Лемуры ведут ночной, дневной и сумеречный образ жизни. А само слово «лемур» в переводе с местного языка означает «привидение», «дух усопшего».

Все семейство лемуриновых ученые подразделяют на два подсемейства. К первому относят истинных лемуров (их три рода: обыкновенные лемуры, кроткие лемуры и изящные лемуры), а ко второму — мышинных лемуров (три рода: собственно мышинные лемуры, карликовые лемуры и фанеры). В наши дни численность представителей семейства лемуриновых в естественных

местах обитания сокращается, поэтому почти все виды занесены в Международную Красную книгу.

Род обыкновенных лемуров, или маки, включает пять видов: кошачий лемур, вари, черный, монгоц и краснобрюхий лемур. Зверьки всех этих видов довольно подвижны. В неволе они забавны и легко приручаются. Их содержат в зоопарках, и они там хорошо размножаются. Известен случай, когда черный лемур прожил в Лондонском зоопарке около 30 лет.

Маки, как правило, древесные животные. Но вот кошачий лемур немало времени проводит на земле, на скалистых выступях Южного Мадагаскара. Маки активны как в сумеречное время, так и днем. А вот лемуры — кошачий, вари и краснобрюхий — ведут явно дневной образ жизни.

Обыкновенные лемуры — отменные верхолазы. Они предпочитают толстые горизонтальные ветви деревьев, по которым ловко и быстро передвигаются, управляя хвостом в качестве балансира.

Кормятся эти животные разнообразными фруктами, охотно поедают бананы, а также листья и цветки. Некоторые маки разоряют гнезда птиц, поедая яйца и птенцов. В их меню — разнообразные насекомые.

Маки обитают небольшими стадами, от 5 до 20 особей. В них входят самцы, самки и разновозрастной молодняк. Стада живут на определенной территории. Время они проводят в поисках корма и в различных играх. Очень любят очищать шерсть друг у друга.

Обыкновенные лемуры общаются друг с другом при помощи хрюкающих и мурлыкающих звуков, но маки иногда пронзительно кричат.

Очень забавно спят эти животные: кисти и стопы обхватывают ветку дерева, голова находится между коленями, а хвост обвивается вокруг туловища.

Род изящных лемуров широко распространен на Мадагаскаре, и в нем единственный вид — ласковид-

Кошачьи лемуры-катта на лесной поляне

ный лемур. Обитают эти животные в лесах на ветвях деревьев на высоте до 10 м. Спускаясь на землю, нередко передвигаются прыжками. Спят в дуплах или в кроне деревьев, свернувшись в клубок. Активны в ночное время. Питаются фруктами, листьями и корой деревьев.

Род мышинных лемуров состоит из трех видов — большой, средний и волосатый лемуры. Размеры их тела — как у большой крысы. Это ночные обитатели тропических лесов Мадагаскара. Питаются они разнообразными фруктами, охотно ловят насекомых. Держатся поодиночке или парами. Спят, свернувшись в клубок, в дуплах деревьев или в гнездах. В сухое время года у этих лемуров — период физиологического оцепенения. В благоприятный дождливый период они активны, много питаются и накапливают жир, который расходуют во время оцепенения.

К роду карликовых лемуров относят всего два вида. Это самые мелкие представители приматов, они весят около 60 г.

Эти обитатели тропических лесов гнездятся в дуплах деревьев, устраивая гнезда из сухих листьев.

По деревьям карабкаются подобно белкам и прыгают по земле. Активны в ночное время. Кормятся различными плодами, охотятся за насекомыми и, возможно, другими мелкими животными.

В роду фанер один вид — развилколобый фанер валуви. И хотя этот вид был обнаружен свыше 100 лет назад, известно о них лишь то, что обитают они в тропических дождевых лесах Мадагаскара и ведут ночной образ жизни, а питаются фруктами, насекомыми и медом.

Замечательны амфибии и рептилии Мадагаскара. Нигде мне не доводилось видеть такого обилия изумительных по окраске золотисто-зеленых квакш, как на цветах и даже на окнах отеля у озера в 150 км от столицы острова — города Антананариву. Там же я видел и даже ловил знаменитых мадагаскарских хамелеонов. Ведь почти половина их из более 80 видов хамелеонов мировой фауны обитает именно на Мадагаскаре: от гигантов размером более 0,5 м до пигмеев 23 см.

Главная причина уникальности фауны Мадагаскара — длительная ее изоляция. Как считают, Мадагаскар отделился от африканского материка около 200 млн лет назад. Млекопитающие на нем появились около 30—60 млн лет назад. Вероятно, они приплывали к острову на стволах деревьев. При богатом разнообразии биотопов и отсутствии конкуренции

КАК И ЧТО ПЬЮТ ХАМЕЛЕОНЫ, КОТОРЫЕ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ПРОВОДЯТ НА ДЕРЕВЬЯХ?

Проблема воды у хамелеонов стоит довольно остро. На землю, к ручьям, они спускаться не решаются. Можно хищнику и на зуб попасть. И им ничего не остается, как дожидаться дождя или выпадения росы.

Тогда они начинают ползать по ветвям и кончиком языка слизывают каждую капельку воды, повисшую на листе. Вот так им удается хотя и не так быстро, но все-таки напиться.

Лемур рыжий вари

пришельцы быстро заняли остров и освоили все подходящие места обитания. При этом в процессе приспособления к новым условиям формировались все новые виды.

Характерно, что на Мадагаскаре процветают как раз те группы животных, которых ученые считают наиболее примитивными в своих отрядах. Например, тенреки в отряде насекомоядных или настоящие лемуры в отряде приматов. Такое оказалось возможным лишь в отсутствие более высокоорганизованных сородичей, например настоящих обезьян, которые на других материках давно уже вытеснили своих более слабых конкурентов.

По счастливой случайности настоящие обезьяны на Мадагаскар пока не попали. И будем надеяться, никому в голову не взбредет их там акклиматизировать. Печальных результатов таких вмешательств в естественную фауну островов уже предостаточно. А потому на Мадагаскаре и сложились условия для процветания и эволюции группы лемуров.

Правда, в последние десятилетия лемурам и другим обитателям острова серьезно угрожает сведение

девственных лесов. Нам во время путешествия на протяжении многих десятков километров приходилось видеть заросли кустарников или монотонные посадки эвкалиптов на месте вырубленных или выжженных первичных лесов. По этой причине уже все 24 вида лемурув Мадагаскара занесены в Международную Красную книгу.

В Танзании

Танзания — африканская страна, которую называют раем для животных. Во всем мире она известна благодаря своим национальным паркам. В Танзании их 11. Есть среди них всемирно известные — такие как Серенгети или Нгоронгоро, но есть и такие, о которых знают меньше или совсем ничего не знают. К таким относится национальный парк Микуми.

На 283-м километре от Дар-эс-Салама, на обочине шоссе, пересекающего Танзанию с востока на запад и связывающего ее с Замбией, установлены указатели. На них на языках суахили и английском написано, что дальше шоссе проходит по территории национального парка Микуми. Следующие 50 км — дикие животные. А вот и уникальный дорожный знак: «Осторожно — слоны!»

Шоссе это было построено в середине 50-х гг. прошлого столетия. До этого дороги сюда не было. О Микуми (так называлась небольшая деревушка, по имени которой позже был назван национальный парк) никто не знал.

Но с началом строительства дороги, даже еще до его завершения, сюда устремились охотники, разузнав о том, что в этих местах еще немало диких животных. Колониальные власти объявили эту территорию контролируемой охотничьей зоной, а уже позже,

Дружное семейство слонов

в годы независимости, в 1964 г., здесь был организован национальный парк. В 1975 г. его территория была увеличена до нынешних размеров, и сейчас площадь парка Микуми 3230 км². По размерам он занимает третье место в Танзании после национальных парков Руаха и Серенгети.

Вот и въезд в национальный парк. Он расположен в долине между двумя горными цепями — Улугуру на востоке и Рубехо на западе. На юге граничит с крупнейшим в Африке резерватом (заповедником) Селус и вместе с ним составляет единую экологическую систему. Некоторые животные мигрируют из северной части зоны резервата в Микуми и обратно.

Значительную часть территории национального парка занимают заливные луга в бассейне реки Мката и ее притоков. Ближе к горам местность становится холмистой. Травянистая саванна сменяется лесистой, а затем и лесом. Соответственно рельефу и растительным зонам там обитают и разные животные. Жирафов, например, не встретишь на открытых пространствах саванны, так как питаются они исключительно листвой деревьев и некоторых кустарников. А вот

антилопы гну и некоторые другие травоядные предпочитают открытую, поросшую травой равнину. Так же как и птицы, питающиеся рыбой или лягушками, они обитают, естественно, там, где есть вода.

В 1986 г. в Микуми был произведен подсчет животных. Операция эта трудоемкая и дорогостоящая, поэтому проводится нечасто, так что с большей или меньшей точностью можно сказать, что в национальном парке Микуми обитают более 12 тыс. антилоп гну и примерно столько же кафрских буйволов. Далее по численности идут зебры — 3 тыс. Слоны на четвертом месте — их примерно 2 тыс., но они, несомненно, производят наибольшее впечатление на посетителей парка. Пожалуй, только здесь можно увидеть на открытом пространстве так много спокойно пасущихся слонов. В других национальных парках Танзании большую часть времени они проводят в лесу и найти их бывает трудно. Здесь слоны питаются главным образом травянистыми растениями. Удивительно, как ловко орудуют они своими хоботами.

В этом национальном парке слоны в основном небольшие, хотя африканский слон крупнее своего азиатского собрата. Но сейчас крупные особи встречаются довольно редко, они уже давно выбиты браконьерами.

КТО СИЛЬНЕЕ – СЛОН ИЛИ МУРАВЕЙ?

Казалось бы, что здесь двух мнений быть не может: слон раздавит муравья и даже не заметит. Как мы понимаем, суть этого вопроса в другом: имеется в виду относительная сила, т.е. сила по отношению к массе собственного тела. В этом случае придется пальму первенства отдать муравью. Дело в том, что слон, весящий до 5 т, не сможет сдвинуть с места предмет такой же массы. А муравей способен тащить поклажу, в сто с лишним раз превышающую массу. Так что в этом смысле муравей гораздо сильнее слона.

*Кафрские буйволы пасутся на сочных лугах
по берегам озера Маньяра*

К посетителям парка слоны привыкли. По крайней мере, большинство из них. И машины не вызывают у них особого раздражения. Но если подъехать к ним на достаточно близкое расстояние, реакция может быть иной. Особенно когда в стаде или группе есть слонята. А если по какой-то причине стадо разделилось на две группы, то опасно оказаться посередине. В этой ситуации слоны могут проявить свою силу.

Несколько слов о так называемой социальной организации слонов.

Смешанная группа из 10 особей (или побольше) почти наверняка семья, хотя встречаются и чисто мужские группы. Родственные связи у слонов очень крепкие, особенно по женской линии. Дочери всегда остаются в том же стаде, где находятся их матери и бабушки. А вот сыновья, достигнув совершеннолетия, покидают стадо. Молодые слоны могут образовывать группы холостяков, состав которых часто меняется.

Мы останавливаемся возле стада кафрских буйволов. Крупный самец может весить 800 кг, а рост в холке у него 1,5 м. Массивные изогнутые рога прида-

ют буйволу грозный вид. Но вообще-то эти животные спокойные, правда там, где на них не охотятся. Разъяренные и особенно раненые буйволы чрезвычайно опасны.

Питаются кафрские буйволы в основном травой, и, как правило, ночью. Днем они предпочитают валяться в грязи, спасаясь от перегрева и от мух цеце, которых в отдельных районах, чаще лесистых, очень много. Видимо, по этой причине буйволы концентрируются на равнине — открытом пространстве, где мух цеце немного. Далеко от воды звери не удаляются, потому что нуждаются в регулярном питье.

Обычно буйволов сопровождают птицы. Они выклеывают с их кожи клещей и мух-кровососов, а когда возникает опасность, издают предупреждающие крики и взлетают. Тем самым они оповещают буйволов о приближении хищников.

Немало в долине и антилоп гну. По своей окраске они заметно отличаются от тех гну, которые обитают на севере Танзании. В Микуми они гораздо светлее. Этот вид называют «голубая антилопа гну». И у них нет светлой бороды, как у северного вида.

Живут гну большими стадами. Питаются только травой и, хотя предпочитают открытые пространства, в поисках сочных трав заходят и в зону редколесья. Эти животные очень шумные, постоянно издают звуки, напоминающие хрюканье, громко фыр-

КАКИЕ ИЗ НАЗЕМНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ САМЫЕ КРУПНЫЕ?

Слоны были довольно многочисленны как в Африке, так и в Юго-Восточной Азии, но с появлением огнестрельного оружия их численность, особенно в Африке, стала резко снижаться. Огромные территории, ранее занятые слонами, со временем опустели. И если бы не были организованы национальные парки, эти великаны, наверное, исчезли бы с лица земли. В Африке слонов сейчас более 200 тыс. — не так много, если учесть, что в конце XIX в. их там было в несколько раз больше — свыше 1 млн.

Семья жирафов в саванне Серенгети

кают. Когда обороняются от хищников, то образуют круг и фыркают, пытаясь отогнать врага. Главный враг для них, да и для других копытных, — лев. В Микуми львов не всегда можно увидеть. Как правило, большую часть дня они отдыхают, причем в труднодоступных местах. Добраться к ним нелегко, особенно в сезон дождей, когда многие дороги в парке становятся непроезжими.

Мы, признаться, потеряли всякую надежду увидеть царя зверей, но нас выручил одинокий лев. Наверное, была серьезная причина, побудившая его среди дня идти прямо по дороге. Он даже ни разу не повернул голову в сторону нашей машины. Хотя мы то заезжали сбоку, то выезжали вперед, то останавливались. Поскольку он шел в направлении антилоп, которые паслись вдали, можно было предположить, что к ним его гнал голод.

В парке Микуми, как и в северных парках, обитают зебры Берчелла. От живущих на севере зебр здешних отличает то, что у них более узкие полосы на теле и крупнее грива. Расположение полос у каждой зебры и их форма различные, и это позволяет сравнительно

*Гепард — самый быстроногий зверь,
охотится на мелких антилоп*

легко опознавать отдельных животных. При дневном свете зебры видны очень хорошо. Но на рассвете и в сумерках полосы как бы сливаются с окружающей средой и увидеть животных становится трудно.

Живут зебры семейными группами, которые состоят из жеребца-вожака, нескольких самок, жеребцов, которые подчиняются вожаку, и потомства; в Микуми такие группы небольшие. Жеребцы иногда сражаются друг с другом за право быть вожаком, кусаются, лягают один другого, но раны редко бывают серьезными.

Тот вид жирафов, который обитает в Микуми, называется масайским жирафом. Тело этих животных почти полностью покрыто пятнами неправильной формы. Конфигурация и расположение пятен сугубо индивидуальны, что особенно хорошо заметно на шее. Как по полосам у зебр или по размеру и форме бивней у слонов, так и по форме пятен на теле жирафов легко различать отдельных животных.

Внешне жирафы не производят впечатления массивных, но весят они довольно много, крупные сам-

*Зебры кочуют по саванне в поисках
свежей травы*

цы — от 800 до 1000 кг при росте около 5 м. Самки на метр ниже и соответственно легче. Кстати, несмотря на большую длину, шея жирафа имеет только 7 позвонков. При своем громадном росте жираф не соперничает с другими животными из-за пищи, что позволяет им мирно сосуществовать на одной территории.

Самца жирафа легко отличить от самки по рогам. У самца они больше. На самом деле это не рога, а костные утолщения, покрытые кожей, а у самок — еще и пучком волос. Ученые считают, что в древности у жирафов были рога наподобие оленьих. Удивительна и необычна походка этих животных. Мы обратили внимание на то, что они обе ноги на одной стороне тела выдвигают вперед одновременно.

У самцов существует строгая иерархия. Они часто дерутся, причем своеобразно — шеями. При этом становятся плечом к плечу и, размахивая головами, ударяют один другого шеями так, что шеи иногда сплетаются.

Немало в Микуми и других животных. В различных частях парка нередко можно увидеть борода-

вочников. Обычно это группы самок с детенышами. Самцы, а их легко опознать по впечатляюще загнутым бивням, живут поодиночке. Чаще всего бородавочников можно увидеть пасущимися в траве, причем едят они, стоя на коленях. Нередко их можно увидеть убегающими, потому что при любой угрозе они пытаются спастись бегством, при этом высоко поднимают хвостики.

В отличие от других национальных парков, в Микуми по каким-то причинам нет газели. Эту экологическую нишу заполняют здесь импалы, стада которых можно встретить в различных районах парка.

Обычно стадо импал состоит из самок, молодняка и одного самца. Самец имеет рога, а самки — безрогие. Может быть и чисто мужское стадо импал — стадо холостяков. Как правило, оно пасется поблизости от основного, и наиболее сильный из холостяков время от времени бросает вызов хозяину гарема. Если соискатель побеждает, он становится главой стада. В результате постоянной конкуренции редко какой самец возглавляет стадо более трех месяцев подряд.

Импалы постоянно начеку, так как у них есть грозные враги — прежде всего леопарды. При возникновении угрозы стадо импал как бы взрывается: огромными высокими прыжками животные устремляются в разных направлениях, тем самым затрудняя хищнику возможность выбора жертвы.

Немало в Микуми и обезьян, желтых бабуинов. В отличие от оливковых бабуинов, живущих на севере, местные бабуины светлее по окраске и меньше по размерам. Большая часть рациона бабуинов состоит из трав, фруктов и насекомых. Не отказываются они и от угощений. Более того, некоторые обезьяны привыкли попрошайничать у посетителей парка. Получив подарок, усаживаются прямо у дороги и с удовольствием его едят. Обезьяны, обитающие в парке, демонстрируют полное доверие к человеку, потому

*Бегемоты весь день проводят в воде,
а по ночам выходят на сушу*

что здесь их никто не обижает. А вот за пределами парка бабуинам достается за то, что они совершают набеги на крестьянские сады и огороды.

Бабуинов нельзя, однако, отнести к вегетарианцам. Они с удовольствием поедаят яйца птиц, пожирают птенцов. Более того, нередко охотятся на молодых антилоп импал и других антилоп.

Живут бабуины группами — от 15 до 100 обезьян в каждой. В ней есть самки с детенышами, подростки обоего пола и несколько взрослых самцов. Последние отличаются от самок размерами и клыками.

Новорожденные бабуины — черного цвета и висят у матери на животе. После того как им исполняется месяц, малыши перебираются ей на спину, ближе к хвосту, и так путешествуют, как жокеи. Примерно в возрасте 6 месяцев начинают приобретать окраску взрослых бабуинов.

В парке немало других животных, кроме тех, о которых мы рассказали. Не всех нам удалось увидеть и снять за несколько дней пребывания в парке. Мы почти не встречали хищников: как правило, днем они

отдыхают в укромных местах. Но в Микуми немало львов, леопардов, гиеновых собак, гиен, шакалов.

В некоторые районы парка проехать не удалось. В сезон дождей это сделать практически невозможно. Не удалось нам снять и бегемотов, хотя их здесь немало. А от многочисленного стада эландов, крупных антилоп, похожих на коров, нас отделяло большое болото. По этой же причине не увидели мы и водяных козлов и еще два или три вида антилоп.

В Микуми немало пернатых, здесь зарегистрировано почти 300 их видов. Некоторые прилетают сюда из Европы и Азии и зимуют с октября по апрель. Но многие виды живут здесь постоянно.

Чего нет в Микуми, так это носорогов, хотя совсем недавно они еще обитали в этих местах. Эти животные стали первыми жертвами браконьеров.

Браконьерство — это самая серьезная проблема, с которой сталкивается не только этот национальный парк, но и все остальные.

Процветает два вида браконьерства. Первый — когда животных убивают ради мяса. Дело в том, что население деревень, которые окружают национальный парк, не разводит домашний скот. Этот район заражен мухами цеце, и домашний скот погибает от их укусов, а точнее — от болезней, возбудителей которых переносят мухи. Что касается диких животных, то в процессе эволюции у них выработался природный иммунитет против этих болезней. Поэтому браконьеры и убивают диких животных, обычно кафрских буйволов и жирафов, чтобы обеспечить мясом себя и иметь излишки для продажи. В этих местах цена на мясо очень высока.

Второй вид браконьерства — убийство слонов ради получения слоновой кости — бивней.

Несмотря на принимаемые правительством Танзании меры, браконьерство продолжается. Появляющиеся периодически в печати сообщения о том, что в том или другом регионе страны у браконьеров изъяты

огромные запасы слоновьих бивней, свидетельствуют о том, что проблема эта по-прежнему остается острой. Нетрудно представить себе, что произошло бы здесь, не будь в стране национальных парков. Слоны исчезли бы в этих местах в первую очередь. А вслед за ними ту же участь разделили бы и другие виды.

Поэтому так велико значение национальных парков. И конечно же не только всемирно известных, но и таких, как Микуми, достаточно скромных, но не менее необходимых.

На Кубе

Мне удалось посетить многие уголки этой страны, встречаться с учеными, работниками охраны природы. Обо всем увиденном и пережитом рассказать очень трудно. Выделю, пожалуй, посещение Кубинского национального аквариума. Почему? Дело в том, что это одно из самых посещаемых в Гаване мест, причем не только туристами. Думаю, в этой стране не найдешь взрослого кубинца, который, хоть раз побывав в столице, не посетил бы этот аквариум. О детях и говорить не приходится — они основные посетители. Кстати, вход в аквариум бесплатный. В течение года здесь встречаются с животным миром тропических морей около миллиона человек.

Открыт он в 1962 г. в одном из районов Гаваны, который называется Мирамар. Стоит только войти в довольно сложный комплекс, который раскинулся на площади 5000 км², как сразу ощутишь ту любовь, знание и талант, которые вложены в это уникальное сооружение.

Национальный аквариум находится в ведении Академии наук Кубы. В него входят 47 аквариумов и 6 бассейнов, которые располагаются в нескольких напоминающих приморский парк патио. Довольно

длинные коридоры и галереи с аквариумами по бокам составляют единый ансамбль, кстати, очень удобный для демонстрации морских животных.

Яркое кубинское солнце щедро освещает постройки цвета морской волны, проникает в воду аквариумов и бассейнов, подчеркивая экзотичность их обитателей, играет на буйной тропической зелени, украшающей открытые площадки, отражается в синем бархате волн Мексиканского залива.

В аквариуме содержат около 240 видов морских животных. За всем этим богатством нужен тщательный уход. Здесь трудятся более 60 квалифицированных специалистов, среди них — рабочие, в обязанность которых входит правильное содержание и кормление животных, биологи, инженеры, художники-анималисты, аквалангисты, занимающиеся отловом животных в море, администраторы.

В мире не много мест, где успешно содержат в неволе морских животных, в частности беспозвоночных. В Кубинском аквариуме этого достигли благодаря эффективности гидротехнических сооружений. Здесь главное сооружение — специальный механиче-

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ТАК НЕНАВИДЯТ И БОЯТСЯ АКУЛ?

Хорошо известно, что акулы нападают на людей. Крупные могут проглотить человека целиком, средние — запросто откусить руку, ногу, голову, «перепилить» человека пополам. В этой теме существует немало выдумок и преувеличений, но немало и правдивых рассказов, подтвержденных документами, киносъемкой. Статистика показывает, что за последние 300 лет в Мировом океане было зарегистрировано 790 случаев нападения акул на людей, то есть в среднем 2,5 случая в год. Из 350 видов акул, обитающих в Мировом океане, лишь около 30 видов повинны в нападении на людей. Остальные никакой опасности не представляют. Кроме того, акулы агрессивны только в летнее время при температуре воды 18–22 °С. Если вода ниже 18 °С, они ведут себя спокойно. И еще: нападает на человека только голодная акула, сытая же даже такой попытки не сделает.

ский фильтр. Вода в искусственные водоемы поступает из моря. Она постоянно циркулирует и надежно очищается от вредных примесей.

Одно из неперемennных условий — забота о здоровье обитателей аквариума. Начинается все с карантина. Вновь поступающих животных приучают к условиям содержания в неволе постепенно. Исследуют их здоровье, больным оказывают необходимую помощь. Специальная группа заботится о правильном кормлении подопечных. Важно, чтобы корм был полноценным и соответствовал тому, которым питались животные на воле. И еще. Чистота в аквариумах и бассейнах — основа основ. Порядок на территории — образцовый: стекла тщательно вымыты, дорожки подметены. Это подтягивает и посетителей. Здесь даже дети не сорят и не пытаются кормить животных.

Особая гордость аквариума — морской дьявол. Так называют гигантского ската манту. Он плавает в мелководном естественном заливчике, где стоит «флот» аквариума: пара моторных катеров и яхта. Для него отгорожена в бухточке солидная территория, где рыба ходит по кругу, поедая фитопланктон, которого ей требуется немалое количество. Эта рыба — не самый характерный представитель своего вида: размах крыльев всего около 3 м, а масса тела чуть меньше 200 кг. Знатоки и почитатели морской фауны приходят посмотреть на манту и часами стоят у заливчика, наблюдая за плавными движениями этого морского чудища с белыми «бивнями», косыми крыльями и гибким, словно пастуший кнут, тонким хвостом.

В самом большом аквариуме резвится пара дельфинов. Один из них порой подплывает к стеклянной стенке, которая отделяет его от посетителей, и с любопытством их разглядывает. К фотографам он особенно благоволил: мило «улыбался», очень смешно переваливался с боку на бок и даже как бы одобрительно

кивал в такт движению фотокамеры. А неподалеку в открытом бассейне девушка кормила мелкой рыбешкой двух крохотных пингвинов. Но это были взрослые птицы — галапагосские пингвины, единственный вид из группы арктических птиц, который приспособился жить в тропиках.

Содержат здесь и морских черепах, которые обитают в кубинских водах, — суповую, или зеленую, логерхерда, или головастую, ибиссу. Все три вида относятся к промысловым. Как известно, люди издревле использовали мясо, жир и панцири морских черепах. Сейчас численность этих животных резко сократилась, поэтому в ряде мест промысел их запрещен.

Сотрудники Национального аквариума постоянно пополняют живые коллекции музея. Они отлавливают новые виды, обеспечивают всех обитателей аквариума живым кормом. Не так давно там был разработан метод сохранения и содержания глубоководных рыб. Чтобы при подъеме на поверхность они не гибли, у них предварительно удаляют шприцем воздух из плавательного пузыря — снимают внутреннее давление. Это позволяет доставлять рыб в аквариум жизнеспособными.

Ведется в аквариуме и научная работа, ведь Национальный аквариум — это не только морской музей, зоопарк и место, где показывают работу некоторых дрессированных животных. Это еще и научное учреждение. Здесь постоянно совершенствуют методы содержания животных и ведут серьезную научную работу — она связана с охраной фауны тропического моря и рациональным использованием его богатства.

На Кубе создан Институт океанологии и рыбного промысла. Здесь исследуют хозяйственные возможности акваторий острова, а их немало, более 1600. Изучают продуктивность шельфа морей, окружающих Кубу.

Мне приходилось любоваться подводным миром в зоне шельфа — зрелище незабываемое. Несколько

В иерархии «разумных животных» на второе место биологи ставят дельфинов. Они могут решать самые сложные задачи, которые им предлагают ученые

раз я нырял, правда, на небольшую глубину. Богатый мир тропического моря открывается на Кубе любому пловцу с маской. Ну а если у тебя еще и акваланг, то можешь нырнуть и на довольно большую глубину, чтобы полюбоваться актиниями, кораллами, разнообразными моллюсками. Можешь повстречать хищных барракуд и мурен. И все это — на коралловых рифах недалеко от берега, на глубине до 10 м.

Кубинские воды настолько привлекательны для ныряльщиков, что здесь уже несколько раз успешно проводили международные фестивали подводной фотографии. Президент Всемирного союза акванавтики Жак Дюма назвал прибрежный шельф Кубы «одним

из лучших подводных районов мира и самым интересным для различной подводной деятельности», особенно для фото- и киносъемок.

Для Кубы ее моря — плодородная нива. Здесь добывают большое количество ценных пищевых рыб, моллюсков, креветок, крабов и лангустов. Серьезная работа идет в бухте Хагуа возле города Сьенфуэ-гос — это работа по рациональному использованию и приумножению уникального объекта — ценнейших кубинских лангустов. Сегодня уже без действенных мер охраны морских богатств немислимо вести хозяйство. На Кубе многое сделано и делается в этом направлении.

В США

Как-то зимой, по приглашению Орнитологического общества США мы в составе небольшой группы телевидения и журналистов-экологов вылетели из Москвы в Йеллоустонский национальный парк. Путь долгий и довольно трудный. Вначале летели самолетом по маршруту Москва — Шеннон (Ирландия) — Гандер (Канада) — Нью-Йорк. С высоты Нью-Йорк — как на ладони. Все в нем узнаваемо. Особенно Манхэттен с его небоскребами. Город впечатляет, но заслуживает особого разговора.

На следующий день после прилета нам предстояло еще одно путешествие — в небольшой городишко Бозмен, штат Монтана. По пути — остановка для дозаправки самолета. В аэропортах Америки очень строгие правила безопасности: просвечивают не только твой чемодан или сумку с вещами, но и куртку, и даже зимнюю шапку.

Утром 31 декабря выезжаем на джипе из Бозмена в направлении Йеллоустона. Снег уже покрыл все вокруг толстым, до полуметра, одеялом, но дороги

очищены. Не видно уборочных машин, видимо, они работают по ночам. Поражает чистота. Нигде вдоль дорог мы не видели ни старых шин, ни ржавых автомобилей и вообще никакого мусора.

Сопровождавший нас Маршалл Кейс, один из руководителей Орнитологического общества США, торжественно объявил, что мы въезжаем в «страну Дикого Запада», на землю ковбоев и салунов. Нравы здесь крутые, ни с кем нельзя связываться, потому что стреляют без предупреждения. Конечно, это шутка, но в ней есть доля правды.

А пока слева от нас, метрах в ста от шоссе, протекает живописная река Йеллоустон. Она неглубокая, шириной метров пятьдесят. Река дымится, значит, еще не остыла. По берегам много старых деревьев. На обнаженных толстых ветвях кое-где величественно сидят белоголовые орланы. Чаше поодиночке, реже — по 2—3 особи. Орланы — известные рыболовы, вот почему их так много у реки. А еще по берегам обосновались фермеры. От одного ранчо до другого несколько километров.

У одного ранчо делаем остановку. Несколько строений покрыты серым сайдингом — любимым материалом деревенской Америки. Красиво и практично. Ранчо почти не огорожены — так, низкий штакетник или между кольями натянута пара проволок. Они скорее обозначают границы ранчо и уж никак не защищают от непрошенных гостей. Но заходить за ограждение без разрешения хозяина никто не решится: стреляют, как сказал орнитолог, без предупреждения.

Чем нам приглянулось это ранчо? Здесь, у берега на открытой воде, средоточие нескольких сотен водоплавающих птиц. Около полусотни лебедей-трубачей, немало канадских казарок и разных уток. Хозяин ранчо, давний знакомый Маршалла Кейса, большой любитель птиц. За доброе отношение к пернатым, за то, что он всю зиму их подкармливает и охраняет, Орнитологическое общество США отметило его заслуги.

Хозяин ранчо стал местной знаменитостью. Мы снимали птиц и то, как хозяин за ними ухаживает.

Вечерело. Не забывайте, что это было 31 декабря и до наступления Нового года оставалось несколько часов. В Москве уже давно встретили этот праздник, разница во времени 10 ч. Но в Америке главное торжество не Новый год, а Рождество Христово. Его празднование плавно переходит к встрече Нового года.

Направляемся на другое ранчо. Там тоже живут друзья Маршалла Кейса, и о нашем приезде он сообщил им заранее. Одноэтажный просторный дом. Рядом — космическая тарелка, обеспечивающая связь, телевидение и радио. Вскоре удалось связаться с Москвой, поздравить родных. Слышимость изумительная. Закусили тем, что Бог послал. Вечер удался на славу. Были песни, танцы, бенгальские огни, хлопушки, петарды, ракеты. И была большая, красиво наряженная елка. Что еще нужно для встречи Нового года в хорошей компании? Но пора уже и в Йеллоустон.

По дороге еще несколько ярких впечатлений от Дикого Запада. Вот ранчо, где выращивают бычков, — они уже огорожены капитально: двухметровый забор из металлической сетки. В каждом загоне пасется несколько сотен бычков. Что удивило? Никаких коровников или телятников. Лишь небольшое крестообразное деревянное строение без крыши в центре загона — защита от сильных зимних ветров. Бычки сами добывают корм из-под снега, но их еще и подкармливают. Привозят сено, комбикорма, кукурузу. Вода рядом — горный ручей или большие деревянные корыта с водой. Вот и все животноводство.

У ранчо мы повстречали двух ковбоев на лошадях. Мужики что надо, под два метра ростом, подтянутые, жилистые. Джинсы, ковбойские сапоги, легкие меховые куртки, широкополые шляпы — все, как в фильмах с ковбоях. Сколько достоинства в осанке, как красиво ковбои смотрятся на лошадях!

Главная цель нашего путешествия — Йеллоустонский национальный парк. По дороге в парк мы любовались рекой Йеллоустон. Возле некоторых ранчо обитают лебеди-трубачи, канадские казарки и разнообразные утки. Фермеры их подкармливают

Мы остановились, снимая их. Проезжая рядом с нами, они улыбнулись и помахали руками. Чувство восхищения шевельнулось в душе, ведь ты повидал настоящих ковбоев на настоящем Диком Западе. Маршалл Кейс решил усилить это впечатление и пригласил нас отобедать в салуне.

Небольшой городок Гардинер, за ним, чуть дальше, уже въезд в Йеллоустонский национальный парк. Гардинер — настоящий ковбойский городок. Центр бережно охраняется, за 200 лет почти никаких изменений. Городок разрастается вширь. Нет смысла его описывать. Вспомните любой ковбойский фильм, и вы представите себе Гардинер. В центре — двухэтажное здание. Колеблющиеся двустворчатые двери — это салун. Внутри бар, ресторан, казино, обилие игровых автоматов — «одноруких бандитов». Просторный бильярдный зал. Стены декорированы шахтерскими касками, лампами, кирками — это из прошлого, но все

настоящее. Где-то поблизости была шахта. Ее закрыли, снаряжение не выбросили. Американцы бережно относятся к своей старине.

Звучит музыка кантри. Официанты, бармены — в ковбойской одежде с широкополыми шляпами. Заглядываем в меню. Выбираем бифштекс по-ковбойски, но Маршалл укоризненно качает головой: лучше заказать четверть бифштекса. Нет, целый, — мы не уступаем. Маршалл улыбается. Посмотрим, дескать, как вы с ним справитесь.

И вот официант приносит первое блюдо с бифштексом. Оно металлическое, в диаметре сантиметров шестьдесят. Блюдо под колпаком. Официант снимает колпак — и что же мы видим! На нем от края до края в окружении картофеля и зелени лежит нечто овальной формы и толщиной в три пальца. Горячий бифштекс дымит ароматным, необычайно манящим парком.

Все дружно рассмеялись, даже официант. Тот, кто заказал бифштекс, должен его осилить — таково правило. Пришлось осилить, но что это было за мясо! Нежное, душистое, удивительно вкусное.

Так что, если окажетесь на Диком Западе, да еще в салуне, обязательно закажите бифштекс по-ковбойски. И не четвертинку или половинку, а обязательно целый. Осилите.

Еще одна необычная встреча по дороге в парк. Недалеко от въезда, почти у границы парка, вновь небольшое ранчо. Огромное чистое поле, а в дальнем углу жилой дом под огромными вязами. В центре поля — стадо баранов, причем не домашних, а диких. Это большерогие бараны — одно из украшений Йеллоустона.

Маршалл Кейс объяснил, что парк не огорожен, поэтому дикие животные спокойно пересекают его границы и забредают на ранчо — там, видимо, трава посочнее. Иногда животные кормятся сеном. Фер-

Дикий баран. Эти звери пасутся недалеко от национального парка и даже заходят на ранчо к фермерам, но на ночь всегда возвращаются в парк

меры не трогают диких животных, а если те наносят ощутимый урон, национальный парк возмещает убыток.

Как бы в награду за наше терпение, стадо баранов покинуло ранчо и направилось к национальному парку. Животные прошли рядом с нами — и ни тени страха. Вот это удача! Даже Маршалл Кейс сказал, что в Йеллоустоне мы можем такого и не увидеть. И он оказался прав. Поодиночке или небольшими группами большерогие бараны нам встречались в парке, но такого многочисленного стада мы в дальнейшем не видели.

Въезд в парк с севера — это целое архитектурное сооружение, величественное и красивое, чем-то напоминающее европейский средневековый замок. Все строения из камня. У въезда — охрана, рейнджеры в очень нарядной форме. Все стилизовано под ковбоев, только широкополые шляпы не загнуты кверху. Проверка приглашения, билетов — и вот мы уже на территории парка.

Направляемся к центральной усадьбе. Это хорошо спланированный, с добротными постройками, городок Маммот-Хот-Спрингс. Здесь находится администрация парка. Есть гостиницы, кафе, рестораны, почта, телефон, телеграф, больница, станция автообслуживания, церковь. На самом видном месте, у въезда в городок, на высоком флагштоке — флаг США. Мы знаем, как в Америке почитают свой флаг, это святыня для каждого американца.

Устраиваемся в гостинице. Через некоторое время нас ждет встреча с дирекцией парка.

В парке есть научно-просветительный центр. Каждый, кто приезжает в Йеллоустон, обязательно его посетит. Здесь есть хорошо оборудованные кино- и видеозалы. Можно посмотреть фильмы о самом парке, его достопримечательностях, о животных, которые здесь обитают. В ларьках и магазинчиках — обилие буклетов, книг, проспектов, слайдов, календарей, различных сувениров. И все это посвящено Йеллоустону. В центре можно также послушать лекции, получить ответы на все интересующие вопросы об истории парка и современной жизни.

Еще в начале XIX в. в Йеллоустоне, этой сказочной стране гейзеров, каньонов и желтой реки, побывали первые белые американцы и принесли весть о необычной, сказочной природе этих мест. В 1870 г. для проверки их рассказов туда была снаряжена специальная экспедиция. Да, участники экспедиции увидели и гейзеры, и каньоны, и еще немало других чудес, в которые до этого мало кто верил. Надо было решать судьбу этой страны чудес. Можно было распродать эти земли — такая идея высказывалась. Но большинству понравилась другая мысль, которую высказал популярный судья из Монтаны Корнелиус Хедже: «Эти места слишком велики и прекрасны, чтобы принадлежать кому бы то ни было. Они должны быть выделены правительством для пользования и

Центральная усадьба Йеллоустонского национального парка — городок Маммот-Хот-Спрингс

на радость народа на все времена в качестве общенационального парка».

Предложение Корнелиуса Хедже вскоре было доведено до многих американцев и понравилось им. В Йеллоустон направили еще одну экспедицию, и именно ею позже был разработан законопроект о передаче этого региона «американскому народу на все времена». В начале 1872 г. его принял конгресс США, а 1 марта 1872 г. президент Улисс Грант подписал акт о вступлении этого закона в силу. Именно в этом документе впервые в мире появился термин «национальный парк». Вскоре эта идея широко распространилась по Земле.

Йеллоустон занимает довольно большую территорию, около 900 тыс. га. Парк раскинулся на землях трех штатов — Монтана, Айдахо и Вайоминг. По его территории проходит водораздел двух океанов — Тихого и Атлантического. До Тихого отсюда более 1000 км. Средняя высота Йеллоустонского нагорья около 2300 м над ур. м.

Климат Йеллоустона резко континентальный. В течение долгих зимних месяцев постоянно дуют

сильные ветры, принося мощные снежные бури. Как нам сообщили, снег в парке может пойти в любой месяц года, кроме июля. Зимой морозы бывают за 30 °С. Лето короткое и довольно жаркое. В июле температура поднимается до 30 °С, а сильные ветры вызывают пыльные бури.

Растительный мир Йеллоустона очень богат и разнообразен. Девяносто процентов территории парка покрыто хвойными лесами, в которых господствует сосна скрученная. Кое-где встречается сосна гибкая, высокая и стройная горная ель Энгельмана и величественная дугласова пихта. Есть и голубая ель. В верхнем поясе лесов преобладает горная пихта. На полянах и опушках много можжевельника и золотистой смородины. По берегам рек густые заросли ольхи и ивняка. В долинах рек кустарниковая лапчатка и ивняки местами образуют непролазные заросли. А на великолепных лугах цветут огненная кастилея и небесно-голубые люпины. В затененных местах немало водосборов, колокольчиков и, конечно, горечавки бахромчатой — цветка-символа Йеллоустона.

На северо-востоке парка имеется небольшой участок сухих прерий, где обитает стадо вилорогих антилоп и живут степные бизоны.

Довольно разнообразно пернатое население парка. Здесь много синиц и гаичек, постоянно встречаются канадские сойки, реже перелетают в ветвях воротничковые рябчики. Среди мелких птиц обычны западные танагры — ярко-желтые, с красной головой, черными крыльями и хвостом. У рек много американских оляпок. Крупных птиц обнаружить трудно. Гнездятся здесь белоголовый орлан — национальный символ США (его изображение можно увидеть на гербе), беркут и сокол-сапсан. В местах, где редко бывают туристы, вьют гнезда виргинский филин, бородастая неясыть и карликовый сычик. Есть колония и канадских журавлей.

Йеллоустон занимает огромную территорию — около 900 тыс. га. Парк раскинулся на землях трех штатов — Монтана, Айдахо и Вайоминг

Млекопитающих в парке тоже немало. Обращает на себя внимание обилие бурундуков и красных белок. В каменистых участках на склонах летом можно увидеть красивого суслика — с золотой мантией. Из крупных зверей чаще других можно встретить небольшого чернохвостого оленя, которых в парке более 1000 голов, а благородных американских оленей вапити еще больше, около 20 тыс. Ими парк перенасыщен, и надо уже решать эту проблему, но пока это не удастся.

В северо-западной части парка водятся лоси — их сейчас здесь более 1000 голов. На горе Уошберн можно наблюдать за горными баранами. Обитает на территории парка и древесный дикобраз.

Хищных животных, за исключением медведя, да и то лишь в теплое время года, в Йеллоустоне увидеть трудно, хотя здесь обитают пума, рысь, красная лисица, американская куница и даже россомаха. Обычны койоты, их легко увидеть даже зимой. Волка в парке давно уже нет. Медведей в парке два вида — черный

и гризли; черного медведя около 600, а гризли более 250 особей.

Сейчас зима, и многих обитателей Йеллоустона вряд ли увидишь. Одни (медведи, например) уснули в берлогах, другие (птицы) улетели в теплые края. И все же даже в это время года животных в парке немало.

Одно из чудес Йеллоустона — террасы из натеков Мамонтовых горячих источников, недалеко от северного въезда в парк. Им дали разные названия — террасы Клеопатры, Минервы, Юпитера. Они поднимаются на головокружительную высоту, цвета террас — желтый, коричневый, красный, серый. Все это перемешано живыми потоками грязи в удивительную цветовую симфонию. Над террасами поднимается парок, отовсюду доносится бульканье. Мороз тоже поработал над ними — повсюду гряды сосулек зеленоватых оттенков. Такого творения природы нам видеть еще не доводилось.

Путешествовать, где захочется, в парке нельзя. Здесь всюду проложены тропы, маршруты. Есть смотровые площадки, есть благоустроенные дороги. Сходить с них запрещено, но зимой из-за снежных заносов это сделать трудно, поэтому все путешествуют по указанным маршрутам.

Главная тропа парка — Большая петля Йеллоустона, протяженностью 230 км. Проехав по ней на джипе или снегоходе, а кое-где и пройдя пешком, можно увидеть почти все важные достопримечательности: Мамонтовы горячие источники, долины гейзеров, побережье озера Йеллоустон, водопады, реки, каньоны.

У Мамонтовых горячих источников мы уже побывали, и теперь по Большой петле направляемся дальше. Слева от дороги, у зарослей невысокого кустарника, замечаем двух рейнджеров и останавливаемся. Что там случилось? Один рейнджер подошел к нам. Оказывается, недалеко в кустах лежит погибшая оле-

Жизнь дикой природы не затихает и зимой. Вот у трупа погибшей оленухи появился койот. Здесь же ожидают своей очереди и сороки

нуха. Подойдя к кустарнику, мы обнаружили, что три койота уже терзают падаль, а птицы, сороки и вороны, сидят на ветвях и наблюдают за пиршеством. Конечно, это не Африка, где у трупа животного собираются гиены, шакалы и крупные птицы-падальщики. Но в Йеллоустоне и эта картина впечатляет. Подходим совсем близко, чтобы снять крупные планы. Койоты отбежали от трупа оленухи метров на восемь, но зато осмелели птицы. Особенно сороки. Одни дружно налетели на растерзанную оленуху и стали отщипывать кусочки мяса. Стоило нам отойти, как койоты снова подбежали и, отогнав птиц, продолжили трапезу.

Снова в путь. С нами известный американский фотограф-натуралист Перри Конвей. Мы разговорились. Он много раз бывал в парке и неплохо знает жизнь его обитателей. Однажды Перри снимал гнездо сычика и увлекся. Хозяйка гнезда заметила фотографа, налетела на него и острыми когтями поранила ему голову. Это для него наука на всю жизнь. А видел ли он здесь пуму или, как ее еще здесь называют, горную

львицу? Да, видел, но всего один раз. Пума — скрытный ночной хищник. Но фотографу повезло, и он ее снял. Пума завалила небольшого оленя-вилорога и, чтобы койоты не съели добычу, затащила ее на дерево. Там ее Перри и снял. Это очень редкий случай.

Пересекая мост через реку Ламару, на левом берегу, среди заснеженных деревьев, замечаем стадо бизонов, более 20 голов. Рядом с нами остановилось еще несколько машин с туристами. Все высыпали на обочину дороги — фотографируют, снимают на видеокамеры, просто любуются гигантами. Эти могучие и красивые звери естественно вписываются в окружающий пейзаж. Вскоре стадо бизонов тронулось в путь. Когда звери стали пересекать дорогу, нам удалось их рассмотреть с близкого расстояния. Огромные морды в снегу, с шерсти свисают сосульки, на спинах иней — сказочная картина. Пока животные пересекали дорогу, вблизи них собралось около двух десятков автомобилей с туристами. Все вдоволь налюбовались хозяевами здешних мест.

На реке тоже оживление. У моста собрались канадские казарки и разнообразные утки. Есть немного лебедей-трубачей. Туристы с моста бросали птицам корм из пакетиков — его специально продают в мно-

ЕСТЬ ЛИ НА ЗЕМЛЕ ЯДОВИТЫЕ ЯЩЕРИЦЫ, И ЕСЛИ ЕСТЬ, ТО ГДЕ ОНИ ОБИТАЮТ?

В нашей стране ядовитых ящериц нет, так что можно без боязни брать в руки любую. Но вообще такие ящерицы известны. Два вида ядозубов живут в Мексике и в Центральной Америке. Ядовитые зубы и ядовитые железы устроены у них совсем иначе, чем у змей. У змей железы имеются в верхней челюсти и соединены протоком с каналом двух ядопроводящих зубов. А у ядозубов яд содержится в нижнечелюстных железах и выделяется в полость рта. Все зубы у ящериц одинаковые, специальных ядопроводящих зубов нет. Поэтому при укусе яд из ротовой полости попадает в ранки, нанесенные зубами при укусе.

гочисленных магазинчиках парка. Корм предназначен только для водоплавающих.

В очередной раз удивляемся благоустройству парка. Очищенные от снега дороги — это хорошо. Но нужно сказать и о местах с удобствами. Такой номер, как у нас — мальчики налево, девочки направо, — в Йеллоустоне не пройдет: очень большие штрафы. Здесь все сделано, чтобы туристы не мучились. Вдоль дорог сооружены туалеты, к ним ведут асфальтированные дорожки. Туалеты теплые, чистые, без запахов, и их не два, как у нас, а три: работники парка позаботились об инвалидах на колясках. Тут же рядом — кабинка с телефоном. На полочке толстенный справочник с номерами телефонов, кодами городов и стран. Звони хоть в Париж, хоть в Москву или в далекую Австралию, только заранее нужно позаботиться о жетончике. Маршалл Кейс позвонил в Нью-Йорк, в Орнитологический центр, сообщил, где мы сейчас находимся. Слышимость изумительная.

Движемся дальше и вскоре замечаем в открытом поле красную лисицу — редкого в этих местах хищника. Лиса мышковала. В бинокль хорошо было видно, как ввысь вздымались фонтанчики снега. Непросто добыть из-под снега лакомую добычу — полевку или какого-нибудь грызуна покрупнее.

Делаем остановку у придорожного кафе. Не все, как мы, путешествуют в теплых автомобилях. Многие, особенно молодежь, выбирают снегоходы — с два десятка их уже стояло у кафе. Само здание — рубленый одноэтажный дом. Внутри очень просторно и тепло. В кафе можно отогреться, заказать пиццу, сэндвич, горячий чай, кофе, шоколад. Здесь разнообразие чипсов, попкорна, баночного пива, сосисок с гарниром. На первое предлагается куриный или говяжий бульон.

У кафе мы увидели лесных гостей — нескольких красивых канадских соек, юрких синиц и черных во-

рон. Птицы знают, что их здесь обязательно покормят. На площадке перед кафе чисто. Для мусора — большие баки с крышками. Это для того, чтобы не приучать лесных обитателей к помойкам. Мусор регулярно вывозится за пределы парка.

Дорога приводит нас к одной из самых больших усадеб парка — Олд Фейтфул. Здесь почти такие же удобства, как и на центральной усадьбе.

Йеллоустонский национальный парк известен во всем мире горячими источниками и грязевыми вулканами. Сейчас в нем насчитывается более 120 термальных районов, ведь Йеллоустон — вулканическое плато. Кальдера Йеллоустона огромна — 45 x 75 км. Более 600 тыс. лет тому назад здесь было извержение вулкана, а сейчас бывает до 20 землетрясений в год.

Почти все известные гейзеры находятся в этом районе. Рекордная высота струи, 90 м, принадлежит гейзеру Эксельсиору. Гейзер Джайент фонтанирует на 75 м. Со временем некоторые гейзеры могут на какое-то время «уснуть». Эксельсиор, например, «спит» уже несколько десятков лет. Джайент «работает» постоянно через каждые 7—15 дней, его соседи извергаются чаще. Так, Гран-Гейзер каждые 16 ч выбрасывает горячую струю на высоту почти 60 м. Его извержение продолжается более получаса. Через каждые 7 ч 15 мин «включается» гейзер Риверсайд.

Наибольшей популярностью пользуется гейзер Олд-Фейтфул, что в переводе означает «Старый служака», а еще чаще его называют «Верняк». Он работает всего 4 мин, но регулярно, в среднем каждые 65 мин. Именно к нему мы и подъехали. Картина «гейзерова бассейна» завораживает. Действие происходит на сцене длиной около 7 и шириной около 3 км. Через Долину гейзеров проложена дорога из деревянных брусков. Это очень важно, ведь под ногами ручьи, лужи, болотца. Легко можно и провалиться, такие случаи бывали. Тропа спускается к реке и, продолжаясь по

мосту, поднимается по пологому склону к темнеющему вдали хвойному лесу. Десятки струй пара выбиваются из-под земли в разных местах бассейна.

Вид всей гейзеровой долины напоминает пейзаж из фантастического фильма, действие в котором происходит на какой-нибудь далекой планете. И все же это наша планета, Земля, и на ней такое чудо.

Солнечно, мороз под 20 °С. Воздух необычайно прозрачен. Фантастичность пейзажа дополняют крупные звери — бизоны и вапити. Бизонов мы насчитали более полусотни, оленей — гораздо больше. Звери рассредоточены по всей долине небольшими группами. Вот они, постоянные свидетели ежедневного таинства природы, которое здесь происходит. А мы, люди, всего лишь гости. Чем животных привлекают эти места? Снежный покров в долине гораздо тоньше, а во многих местах его вовсе нет. Здесь зеленая трава — отменный корм для животных, теплые источники, где можно погреться, и обилие чистой воды. А возможно, животные, как и люди, приходят сюда полюбоваться извержениями гейзеров.

У лесной кромки, рядом с гостиницей, сооружены деревянные трибуны для туристов. Они разной высоты. Оттуда можно любоваться гейзером «Старый служака», который в 100 м от трибун, рассчитанных на несколько сотен туристов.

Здесь мы повстречали директора парка Боба Барби и попросили у него разрешения снять извержение гейзера не с трибуны, а с более близкого расстояния, где разместились животные. Он разрешил и попросил одного рейнджера сопровождать нас — мало ли что. Бизоны и вапити — животные крупные, сильные, им наше присутствие может и не понравиться. Но когда мы проходили рядом с животными, они на нас даже не посмотрели. Занимаем очень удобную точку для съемок: солнце у нас за спиной, а гейзер и трибуны с туристами как на ладони. Смотрим на часы. Точно

в назначенное природой время из большого грифона, выступающего на 1 м над землей, вырвалась наружу «копна» воды и пара и в несколько толчков достигла 60-метровой высоты. Вода шумела, гудела, ревела и, достигнув пика, большими водяными хлопьями сыпалась на поверхность земли. На трибунах дружно зааплодировали, засвистели, закричали от радости — это традиция американцев. У природы получилось! От мощной струи гейзера ввысь, в морозное небо, взметнулись клубы пара. Огромное белое облако зависло над долиной и тихо поплыло, гонимое ветерком. Быстро пролетели 4 мин «работы» гейзера. Он стал затухать и вскоре совсем уgomонился. Лишь полноводный курящийся ручей побежал от грифона в низину, к реке.

Туристы стали покидать трибуны. А что же бизоны и вапити? Они никак не реагировали на извержение

КОЛИБРИ – КАКИЕ ОНИ?

Колибри – удивительно красивые птицы. Они – дальние родственники наших стрижей. Известно около 400 видов колибри, и почти все они живут в Южной Америке. Только 6 видов проводят лето в Северной Америке. Большинство этих птичек необычайно маленькие. Длина самого маленького колибришмеля всего 6 см, а весит такая кроха немногим более 1,5 г. Самые крупные – патагонские колибри – бывают в длину до 20 см и весят около 40 г. Не менее удивительна и окраска оперения птиц. Оно сверкает и переливается, словно драгоценные камни или металлы. Об этом говорят даже названия различных видов колибри: «топазовые», «сапфировые», «рубиновые».

Жизнь этих замечательных существ неразрывно связана с цветами. словно бабочки-бразники, целый день порхают они вокруг цветущих растений. Колибри машут крыльями так часто (50–60 взмахов в 1 с), что взмахов практически не видно. На какое-то время птицы останавливаются у цветка и, засунув клюв в чашечку, начинают выбирать оттуда мельчайших насекомых – свою основную пищу. Питаются они и нектаром.

гейзера. Так же мирно паслись, а многие лежат отдыхали. Видимо, звери уже давно привыкли ко всему, что здесь происходит.

Рейнджер рассказал нам, что иногда зимой и бизоны, и олени проваливаются в горячие источники и гибнут. Трупы достаются койотам и воронам. Особенно много падальщиков бывает весной, когда растает снег. У одного трупа оленя как-то насчитали более 20 орланов.

Далее дорога вела в горы. Даже на джипе там путешествовать опасно: крутые подъемы и спуски. Машину может занести, и тогда легко свалиться в пропасть. Для этого участка Большой петли в парке имеется очень надежный транспорт — снегомобили. Это вездеходы на гусеничном ходу. Интересуемся: их специально заказывали для парка? Нет, это военные вездеходы. Их заказали еще во время Второй мировой войны для армии, которая дислоцировалась на Аляске. Там ждали вражеский десант, но он не объявился. После войны стали решать, куда деть всю эту технику, и вспомнили про Йеллоустон. Так десятки снегомобилей появились в парке и пришлось, что называется, ко двору. Гусеничным вездеходам более чем по 50 лет, а они все на ходу и краска не облупилась. Внутри тепло и очень уютно.

Проезжаем мимо черных стволов деревьев. Делаем остановку. До самого горизонта тянется частокол обугленных деревьев. Несколько лет назад телевидение показывало серию репортажей о гигантском пожаре в Йеллоустоне. Это и есть тот лес. Мы знали, что тогда было принято решение не тушить пожар. Руководство парка и ученые сказали, что в природе всегда были пожары и они гасли сами собой. Пусть так и будет.

Пожар поглотил тогда сотни гектаров хвойного леса, погибли многие животные. Но природа стала возрождаться. На следующий же год после пожара ученые отметили здесь «взрыв зелени», обилие цве-

тов. Сюда стали возвращаться насекомые, мелкие и крупные звери, прилетели птицы. Для многих ученых это место — своеобразная лаборатория природы, где они могут наблюдать за тем, как оживает природа после нанесенного ей урона.

Побывали мы и на берегу озера Йеллоустон. Там было затишье. Озеро покрылось ледовым панцирем, и жизнь замерла до весны. Но в другое время года жизнь здесь кипит. Много на озере птиц. Гнездятся на нем большие голубые цапли и американские болотные луни. Для большого белого пеликана здесь создан резерват. Много бывает водоплавающих на пролете: лебедей, канадских казарок, разнообразных уток. Лебедь-трубач одно время был здесь на грани исчезновения, но его удалось сохранить и сейчас гнездятся более 100 пар. Часто встречаются на озере калифорнийская чайка, кряква, утка-каменушка.

Нам сопутствовала удача: мы заметили парочку речных выдр. Они резво перемещались от одной полыньи к другой, видимо, добывали свой основной корм — рыбу. Время от времени они выбегали на берег и затевали веселые игры.

Озеро Йеллоустон — центр национального парка. Здесь немало глухих мест, и именно их облюбовали медведи для зимовки. На одной из смотровых площадок установлена табличка с надписью, что в ближнем лесу постоянно находится более 20 берлог, в которых проводят зимнюю спячку медведи. Это место называется Медвежий угол.

В теплое время года встретить медведя на дорогах парка, возле кемпингов или у палаток — дело обычное. Этих хищников привлекают подачки туристов. В парке образовалась даже особая популяция медведей, которые существуют за счет человека. Хищники перестали бояться машин и пешеходов. Посетители, желая сфотографировать медведей, кидают им угощение. Вот и становятся хищники назойливыми попро-

В Йеллоустонском парке берет начало знаменитый каньон, который протянулся к югу на многие сотни километров. Когда светит солнце, скалы отсвечивают всеми оттенками желтого цвета

шайками. Уже известны случаи нападения медведей на людей. Как с этим бороться? Медведей-попрошак обездвигивают и увозят далеко от людных мест, но звери возвращаются. Замкнутый круг. И все же сотрудники парка не сдаются. Сейчас они огораживают кемпинги, палаточные городки, более требовательно относятся к поведению туристов в парке.

Не менее сложная проблема и с оленями вапити. Их в парке более 20 тыс. голов — это очень много для национального парка. Такая численность животных в несколько раз превышает пищевые возможности

Йеллоустона. Расселяться оленям некуда — вокруг освоенные человеком земли, а за границей парка их встречают браконьеры. Если оставить все как есть, олени погубят всю растительность парка. Приходится их отстреливать. Это делают сотрудники парка в зимнее время. По мнению экологов, пока отстрел оленей незначителен, численность изымаемых животных нужно увеличить вдвое.

Назрела в парке и проблема, связанная с благополучием бизонов. Их здесь более 3 тыс., и экологи считают, что это не предел. Но численность зверей возрастает с каждым годом. Что делать? Пока этот вопрос остается открытым.

Просхав вдоль берега озера Йеллоустон несколько десятков километров, мы очутились в местечке Каньон. Густая сеть дорог и троп позволяет туристам полюбоваться водопадами Йеллоустона и каньоном с разнообразных точек.

Все водопады в причудливом ледовом панцире. По этому зеленоватому желобу с ревом падает вниз гигантская масса воды. Водопады очаровывают своей дикой, первозданной красотой. Рядом с ними, где вода уже успокоилась, на каменистых берегах мы заметили американских оляпок. Птицы дружно ныряли в воду за мелкой живностью. Жизнь для них не замирает и зимой.

Неизгладимое впечатление произвел и Большой каньон. За многие тысячи лет река пропилила, прогрызла в земной тверди глубокую, метров триста, и широкую, с полкилометра, трещину. Дальше, к горизонту, она углубляется и расширяется. Уже не обрывистые скалы уходят вниз к реке, а широкие террасы.

Выглянуло солнце — и обрывистые скалы каньона вмиг ожили. Они заиграли, засветились желтоватым и светло-коричневым цветом. Вот откуда название Йеллоустон — «желтый камень». Рассказывают, что в каньоне реки Йеллоустон сохранилась скопа.

Если бы нам повезло, мы смогли бы снять хорошие кадры охоты этого хищника и телезрители полюбовались бы виртуозной ловкостью, с которой скопа выхватывает из воды форель или сига. Но, к сожалению, скопу мы так и не увидели. Возвращаемся на центральную усадьбу парка. Кто-то уже любезно подогнал наш джип к гостинице. Но что это? На лужайке, рядом с управлением парка, целая группа вапити, мы насчитали около 30 особей. Подходим к оленям на расстояние нескольких метров. Многие из них лежат на снегу. Некоторые повернули головы в нашу сторону, но не выказали никакого страха. Видимо, звери решили, что они здесь хозяева, а все остальные — гости.

Покидаем Йеллоустон через те же северные ворота. Прощай, национальный парк! Ты подарил нам столько незабываемых впечатлений!

На Гавайях

Жизнь на островах, особенно на таких, как Гавайские, необычайно разнообразна и интересна. Животный и растительный мир, сами острова привлекают ученых самых разных направлений.

Гавайский архипелаг протянулся посреди Тихого океана почти на 2,5 тыс. км и состоит из 24 островов, из которых 8 крупных. Острова эти вулканического происхождения и наиболее изолированные на Земле. До ближайшего материка почти 4000 км.

Могучие вулканы, извергающие потоки лавы, буйная растительность на горных склонах, крутые черные скалы, омываемые бирюзовым морем, — все это можно увидеть на Гавайях. Эти острова наиболее удалены от суши. От ближайшего континента, Северной Америки, они удалены на 3 тыс. км, а по просторам

Тихого океана эта длиннейшая цепь больших и малых островов растянулась почти на 3 тыс. км.

Гавайские острова никогда не соединялись с континентами. Они типично океанические — поднялись с морского дна. Подъемной силой им служила вулканическая активность, каждый остров украшен кратером — потухшим или действующим.

На островах обитают разные животные, но их там не так уж и много, ведь предок каждого из островных видов должен был преодолеть 3000 км морской глади. Кто же не смог попасть на Гавайи? Нет здесь пресноводных рыб, нет коренных видов амфибий и рептилий. Эти группы животных не способны к дальним странствиям через океан. Достичь этих островов смогли только летучие мыши и птицы, которых здесь довольно много — в течение столетий они постепенно заселили этот удаленный от суши архипелаг. Птицы на Гавайях в основном родом из Северной Америки. Здесь живут особые виды ворон и уток, географические разновидности болотной совы и ходулочника, камышницы и лысухи. Родом из Америки и гавайская казарка, или нене.

Некоторые виды птиц прилетели сюда из Азии и Австралии, например мухоловки и медоносы (в Америке этих птиц нет).

Самые примечательные на Гавайях гавайские цветочницы. Их здесь 22 вида девяти различных родов. Произошли они, очевидно, от одного американского предка, какого-нибудь вида американских пищух. Поскольку конкуренции с другими видами птиц у них не было и практически не было на островах других воробьиных, гавайские цветочницы стали приспосабливаться к самым разным кормам, в результате чего среди них и появились различные виды. Те, что предпочли в качестве корма нектар цветов, имеют длинный, тонкий, изогнутый клюв. У тех, что охотятся на насекомых, клюв тонкий и почти прямой. Некоторые

цветочницы увлеклись поеданием семян и зерен, и клюв у них стал толстым, коротким и очень крепким.

Удивительная история приключилась с гавайской казаркой. Она чуть было не вымерла, но в последний момент люди спасли ее. Впервые этих птиц увидел капитан Кук во время своего плавания в 1779 г. В то время их было на островах примерно 25 тыс. Эти непугливые птицы становились легкой добычей моряков. Китобойные суда все чаще стали заглядывать на острова. Здесь, вдали от суши, можно было спокойно запастись пищей и водой. Высаживаясь на берег, моряки заготавливали казарок... бочками, доверху набивая их тушками несчастных птиц. Птиц становилось все меньше, а к началу XX в. их практически невозможно было увидеть в природе. Надо было предпринимать срочные меры, и в 1911 г. охоту на казарок наконец-то запретили. Но оказалось, что эта мера запоздала: в природе казарок к тому времени не осталось.

К счастью, один гавайский фермер стал в это время разводить казарок в неволе и к 1927 г. у него сформировалась уже целая стая этих симпатичных маленьких гусей. Пару раз попытались выпустить их в природу, но, поскольку делалось это без всякого научного обоснования, выпущенные птицы вскоре погибали. Оказались неудачными и места, и сроки выпуска пернатых. Особенно критическим оказался 1946 г., когда над Гавайскими островами пронесся циклон с цунами. На ферме любителя птиц большинство казарок погибли, осталось всего 17 особей. К счастью, к тому времени казаркой заинтересовались международные центры по охране природы. В 1951 и 1952 гг. несколько птиц с фермы были отправлены в Слимбридж — местечко в Южной Англии, где сэр Питер Скотт основал международный трест водоплавающей дичи.

Питер Скотт был замечательным орнитологом, великодушным художником и выдающимся деятелем охраны природы, одним из основателей Междуна-

ного союза охраны природы и создателем Международной Красной книги. Он не раз приезжал в нашу страну и каждый раз находил время, чтобы выступить в телепередаче «В мире животных», так что зрители его помнят.

Больше всего Питера Скотта интересовали водоплавающие птицы, а гавайская казарка была его любимицей. Он успешно размножил этих птиц у себя в Слимбридже, доведя их численность к 1979 г. до 200 особей. Теперь можно было попробовать выпустить крупную партию птиц в природу. Для этого подобрали подходящие места — склоны горы Мауна-Лоа и кратера Килауса на главном из Гавайских островов, а также склоны кратера Халеакала на острове Мауи. Всего были выпущены около 200 казарок. Выпуск оказался успешным, сейчас на этих островах уже около 1000 особей. Надежный резерв сохраняется и в Слимбридже. Гавайская казарка спасена от вымирания.

Мы познакомились с ролью человека в исчезновении и восстановлении казарки нене. Однако влияние человека на природу островов было гораздо шире. Он завез сюда различных домашних и даже диких животных: коз, свиней, собак, кошек, крыс и даже мангустов. Трудно даже оценить весь ущерб, нанесенный природе островов этими пришельцами. Они полностью уничтожили многие эндемичные виды — пастушков, цветочниц и других пернатых.

Коренных земноводных и пресмыкающихся на Гавайях нет, но именно коренных. Однако человек завез на эти острова лягушек и жаб (8 видов), ящериц (9 видов), змей и пресноводных черепах (по 1 виду). Ученым еще предстоит выяснить, какой диссонанс внесли эти новые виды в природное равновесие экосистем островов.

На острове Лайсан чудом сохранился лайсанский чирок — маленькая изящная утка. Но сюда выпустили кроликов. Они уничтожили практически всю растительность, и все эндемичные птицы Лайсана вы-

мерли, так как гнездиться стало негде. Остров превратился в настоящую пустыню, на нем осталось только с десяток чирков — таковы данные учета 1922 г., которые заставили провести кампанию по уничтожению кроликов. Теперь остров снова покрылся зеленью и на нем уже около 1000 чирков.

Многое на Гавайях потеряно безвозвратно. За последние 200 лет вымерли 14 видов местных птиц, но зато появились 36 видов, завезенных человеком. Особенно тревожно положение с сохранившимися видами цветочниц.

Замечательная цветочница нукупу считалась вымершей, ее не видели с 1896 г. (остались только музейные чучела). И вдруг в 1967 г. эту птицу увидели живой в долине Кипахулу на острове Мауи. Теперь там создан резерват — подобие нашего заповедника. Такие же резерваты созданы теперь и на некоторых мелких островах — Лайсане, Нихоа и на острове Лисянского. А на острове Гавайи организован Гавайский вулканический национальный парк (на его территории находятся два активных вулкана — Мауна-Лоа и Килауеа), который объявлен и биосферным резерватом международного значения под эгидой ЮНЕСКО.

Сеть охраняемых территорий на Гавайском архипелаге следует расширять, поскольку еще многие виды находятся на грани исчезновения. Сохранение уникальной природы Гавайских островов — задача глобального значения.

Гавайский архипелаг во многих отношениях уникален для науки. Эти острова наиболее изолированные на Земле, причем изоляция сохранялась в течение всего периода их существования. Первый вулканический остров этой цепи появился около 70 млн лет тому назад, а самому молодому острову, Гавайи, более 1 млн лет.

Острова появлялись последовательно, как с конвейера, из одной вулканической точки, а цепь остро-

вов образовалась в результате движения Тихоокеанской плиты в северо-западном направлении. Остров Гавайи и по сей день имеет самую интенсивную на Земле и практически непрерывную вулканическую активность, которая сопровождается излияниями лавы, пожарами и выделениями ядовитых вулканических газов, вызывающих кислотные дожди. На этом острове, самом крупном (площадь 10 400 км²), хорошо выражена вертикальная зональность — от тропических лесов до горных тундр. Перепад высот здесь — от уровня моря до высоты 4205 м, а среднегодовых температур — от плюс 23 до минус 4 °С. Растительные зоны распределены на территории острова следующим образом: дождевые тропические леса занимают 30 % площади, сухие леса — 47, низинные кустарниковые пустыни — 7,5, горные пустыни — 12,5 и горная тундра — 3 % площади. Из-за северо-восточных пассатов и высоких гор здесь создается самый сильный в мире градиент атмосферного

КАК ОХОТИТСЯ РЫБА-БРЫЗГУН?

Эти рыбки живут в реках и озерах Юго-Восточной Азии. Они питаются не водными животными, а наземными — мухами, бабочками, стрекозами. Выследив сидящую над водой бабочку или муху, рыба-брызгун подплывает поближе и, высунув кончик рта из воды, с силой выбрызгивает струйку воды изо рта. Рыбка очень точно попадает стружкой воды в жертву, сбивает ее в водоем и поедает.

С ученым, который проводил исследования одного из водоемов в Юго-Восточной Азии, произошел такой случай. Однажды вечером он сидел на веранде над прудом и курил сигарету. Неожиданно из воды вырвалась струйка воды и погасила сигарету. Оказывается, рыба-брызгун в темноте приняла огонек сигареты за какое-то светящееся насекомое и решила «обстрелять» его.

Многие наблюдатели заметили: стоит лишь наклониться над аквариумом, в котором обитает рыбка-брызгун, как она тут же норовит попасть стружкой воды прямо в глаз.

увлажнения — от 8000 мм в год на наветренной стороне острова, где растут дождевые тропические леса, до 200 мм в год — с подветренной стороны, где ярко выражена сухая кустарниковая растительность.

Такое географическое положение, возраст и природные условия Гавайских островов определили высокую степень эндемизма: от 90 до 99 % видов растений и животных. Причем многие эндемики численно доминируют (на Галапагосских островах степень эндемизма почти вдвое ниже).

Пресобладают на островах легкомигрирующие споровые растения, а из животных — мелкие насекомые, пауки. До прихода человека здесь не было земноводных и наземных пресмыкающихся, а из млекопитающих обитали только летучие мыши (1 вид). До освоения острова древними полинезийцами (500-е гг. н.э.) Гавайский архипелаг являлся природным хранилищем древних форм жизни.

Редкий, но непрерывный приток мигрирующих видов сочетался с интенсивным видообразованием. Оно происходило из-за большого количества потенциальных мест обитания, островной раздробленности и сильного изменения среды под влиянием естественной радиоактивности от вулканизма. Хорошим примером видообразования служат наземные моллюски эндемичного рода ахатинелла, которые встречаются на одной горе острова Оаху и представлены тридцатью близкородственными формами.

Гавайские нектарницы — еще один пример приспособления к радиации. Из этой группы пернатых на островах ныне обитают 27 видов, остальные 16 вымерли, но их останки хорошо сохранились.

Приход полинезийцев из Южной Океании сопровождался завозом культурных растений (около 30 видов), которые начали изменять облик островов. К ним относятся прежде всего кокосовая паль-

ма, встречающаяся у побережья по всем островам, и дерево кукуи, ставшее символом штата Гавайи. Из домашних животных, завезенных в древности, следует отметить мелких полинезийских свиней, собак и кур.

Ущерб природе, наносимый полинезийцами в то время, был ничтожным, так как их система землепользования состояла из узких полос сельскохозяйственных угодий, которые занимали территорию от моря и до гор. К тому же количество завозимых видов-интродуцентов было небольшим.

С открытием Гавайских островов (1778 г.) начался активный ввоз сельскохозяйственных животных и растений. В XX в. при массовой эмиграции из Японии, Китая и Филиппин люди везли с собой местные растения и животных как память о родине, а контроля за ввозимой продукцией тогда еще не было.

В настоящее время на Гавайях проживают 1,5 млн человек — выходцев из Океании, Европы и Азии. Ежегодно сюда приезжают до 5 млн туристов со всего света, которые многократно увеличивают вероятность случайного ввоза новых видов. Опыты ученых Гавайского вулканического национального парка наглядно показали перенос растений даже на подошвах обуви туристов.

В настоящее время интродуценты доминируют в низинных частях островов (до 600 м высоты). Здесь почти не осталось аборигенных видов, а выше они часто образуют смешанные сообщества.

На острове Гавайи сейчас практически полностью изменены прибрежные экосистемы, а это 11 % территории острова. Нетронутыми человеком остались лишь тропические леса — 18 % территории. Остальная часть острова (71 % общей территории) частично деградирована. На нетронутые человеком экосистемы (национальные парки, которые занимают 6 % территории островов) в настоящее время сильно влияют

интродуценты, внедряющиеся из окружающих районов.

На примере Гавайских островов мы видим еще один тип загрязнения природы — биологическое. Если его представить в цифрах, то сегодня оно выглядит так: цветковые растения — эндемичных видов более 1000, аборигенных — 90, интродуцированных — 4000; споровые растения — соответственно 105, 40, 21; наземные моллюски — 300, 600, 10; членистоногие — 8000, 160, 2000; пресноводные рыбы — эндемичных видов 6, аборигенных — нет, интродуцированных — 19; земноводные — эндемичных и аборигенных видов нет, интродуцированных — 4; пресмыкающиеся — эндемичных и аборигенных видов нет, интродуцированных — 13; птицы — эндемичных видов 44, аборигенных — 12, интродуцированных — 130; млекопитающие — эндемичных видов нет, аборигенный вид — 1, интродуцированных видов — 19.

Такой наплыв интродуцентов, которые успешно прижились и одичали, не мог не привести к нарушению устойчивости коренных экосистем. Эндемичные виды истребляются, заболевают или не выдерживают конкуренции.

Ранимость островных экосистем связана с сильной специализацией видов, ограничением пространства для расселения, медленным размножением и отсутствием защитных приспособлений (это способность к полету, шипы, ядовитость). Многие гавайские эндемики имеют очень узкие ареалы.

Наиболее мощный пресс на естественные экосистемы оказывают в настоящее время млекопитающие. Вот перечень одичавших млекопитающих Гавайских островов с указанием (в скобках) времени их завоза: полинезийская крыса, полинезийская свинья, собака (500-е гг.); домашняя коза, европейская свинья (1778 г.); домашняя овца (1790 г.); корова, домашняя кошка (начало XIX в.); муфлон, олень аксис

(1868 г.); черная крыса (1870—1890 гг.); индийский мангуст (1883 г.).

Часть из перечисленных видов были завезены случайно, например крысы, большинство животных завезли для развития сельского хозяйства, а оленей и муфлонов — для охоты на них. Крысы расселялись вслед за человеком и сейчас превратились в угрозу для гнездящихся на земле птиц. Одичавшие копытные стали серьезной проблемой только в XX в., и некоторые ученые связывают это с появлением в коренных экосистемах питательных интродуцированных покрытосеменных растений. В одичавшем состоянии, размножившись, эти животные способны разрушить бедные видами и слабоустойчивые островные экосистемы. Причем некоторые из прижившихся копытных открывают дорогу новым видам покрытосеменных и другим копытным, так как распространяют интродуцированные растения на большие территории, естественно увеличивая эрозию и обедняя почвы. Все это приводит к полной деградации аборигенных сообществ.

К 1970 г. на остепненных участках Гавайского вулканического национального парка площадью 88 тыс. га одичавшие козы сильно размножились — их стало более 15 тыс. Это притом что за 29 лет, начиная с 1920 г., их было уничтожено около 70 тыс. Животные сильно повредили травянистую растительность и почву на склонах. В 70-х гг. XX в. с козами пришлось бороться путем огораживания национального парка и планомерной охоты. Сейчас они полностью истреблены. За последние годы в национальном парке восстановились многие растения-эндемики.

Естественные дождевые тропические леса в настоящее время сильно разрушают одичавшие свиньи, которые полностью утратили облик домашней свиньи. Эти крупные животные почти совсем вытесни-

ли более мелких полинезийских свиней и обитают на острове только в непроходимых тропических лесах, где охота на них очень затруднена. Они уничтожают эволюционно незащищенные эндемичные растения. Например, гавайский эндемик — древовидный папоротник рубус — не имеет шипов. Одичавшие свиньи способны его повалить, используя в пищу сердцевину растения. Мелкие полинезийские свиньи не могли это делать. Выедание сердцевины приводит к образованию полостей, куда скапливается дождевая вода, а образовавшиеся водосмы служат хорошим местом для размножения комаров. Раньше их не было на островах, потому что дождевая вода нигде не застаивалась. Размножившиеся комары стали переносчиками малярии от интродуцированных птиц к местным, отчего последние тяжело болеют и гибнут.

Осветленные вывалом папоротниковые леса становятся более сухими и теплыми. В почву поступает меньше опада. Низины заболачиваются и становятся пригодными для заселения покрытосеменными интродуцентами, семена которых разносят птицы и свиньи, поедая опавшие плоды и удобряя почву экскрементами с семенами. Все это изменяет режим света, влажности и питания растений. На смену естественной флоре приходят интродуценты, приспособленные к воздействию копытных, в результате чего структура леса изменяется вторично.

В ходе исследований в дождевом тропическом лесу острова Гавайи я пришел к выводу, что почвенные беспозвоночные одними из первых реагируют на вытаптывание, порой и эрозию почвы, связанную с деятельностью одичавших свиней. Наиболее сильное воздействие приходится на почвенных микроартропод — членистоногих размером от 0,1 до 5 мм, обитателей естественных трещин и скважин почвы. Эти животные неспособны сопротивляться увеличению плотности почвы в результате вытаптывания.

Даже при умеренной нагрузке одичавших свиней, которые вдвое увеличивают плотность поверхности почвы, численность и биомасса микроартропод снижается в 3 раза, а биомасса — в 7 раз. При этом исчезают эндемичные виды. Микроартроподы — основные редуценты. Уменьшение их деятельности ведет к обеднению почвы, нарушению внутриэкосистемных связей и регулирования. Что касается видов мезофауны, то наиболее страдают от деятельности свиней наземные моллюски. Их численность уменьшается в 2,5 раза, а биомасса — в 5 раз.

Завезенные растения тоже успешно конкурируют с аборигенными. Например, лиана пассифлора, завезенная на острова в 1920 г. как декоративное растение, в настоящее время стала самым опасным интродуцентом в лесах из древовидного папоротника.

Она способна оплести папоротниковые деревья, не давая им света, за очень короткое время. Кроме того, своими сладкими плодами она привлекает птиц и свиней.

Другое растение — гуава, завезенное в 1821 г., — быстро внедрилось в дикую природу и теперь успешно конкурирует с соседними растениями благодаря созданию сильной тени вокруг себя, а возможно, и химическому ингибированию. В настоящее время гуава — распространенный сорняк. Распространению способствуют в основном птицы-интродуценты, питающиеся ее плодами.

Интенсивная интродукция, проводившаяся в последние 200 лет, и экономическое освоение Гавайских островов нанесли ощутимый урон местной природе. В целях сохранения уникальных природных экосистем были созданы крупные биосферные резерваты — парк Халекала на острове Мауи и Гавайский вулканический национальный парк на острове Гавайи (1918 г.). В этих парках ведется механическая борьба с интродуцентами (растения выкорчевывают), отлов

и отстрел животных, огораживание больших территорий против проникновения на них копытных, опробуются гербициды и биологические регуляторы численности интродуцентов.

Биологическая борьба с интродуцированными растениями началась с 1902 г. С тех пор для борьбы с 21 видом растений было интродуцировано более 70 видов насекомых, однако успех редко где превысил 50 %.

Как призер биологической борьбы с животными поучительна история с интродукцией индийского мангуста. Он был завезен с Ямайки в 1883 г. в качестве биологического метода борьбы с черной крысой, вредящей на плантациях сахарного тростника. Но метод не дал эффекта, так как мангуст активен днем, а крыса — ночью. Зато легкой добычей мангуста стали кладки и птенцы редких и исчезающих гавайских птиц, например плохо летающей гавайской казарки, которая гнездится на земле.

В настоящее время апробация биологических методов борьбы с интродуцентами проводится в специальных изоляторах. На борьбу за сохранение эндемичной биоты и уникальных экосистем Гавайских островов направлена деятельность всех местных научных учреждений, университетов и работников национальных парков.

В Зимбабве

Ранним декабрьским утром мы вылетаем из Хараре, столицы Зимбабве, в небольшой городок Виктория-Фолс. Он расположен на северо-западе страны, ближе к границе с Замбией.

Декабрь в Южном полушарии — первый месяц лета. Сухо, не очень жарко, где-то под 30 °С. В столице Зимбабве, расположенной примерно на высоте

Кисловодска, воздух в декабре такой же, как на Северном Кавказе или в Крыму в августе: сухой, пахнущий пылью.

Городок Виктория-Фолс — главный туристский центр страны. Он раскинулся на берегу знаменитой реки Замбези — одной из крупнейшей на Африканском континенте. Ежегодно его посещают тысячи туристов из многих стран мира. Здесь открыт национальный парк. Но главная достопримечательность этих мест — водопад Виктория. В туристских проспектах его называют восьмым чудом света.

Стюардесса предупреждает, что мы подлетаем к Виктория-Фолс. Нужно не упустить счастливого случая поглядеть на водопад с воздуха. Вот городок, утопающий в зелени, широкая лента Замбези. Да и водопад. С высоты хорошо видно, что река низвергается в узкий проем, возникший на ее пути. Над каньоном висит гигантское белоснежное облако водяных паров.

Нельзя сказать, что ты потрясен видом водопада. Возможно, в этом повинна высота, поэтому не ощущается живого дыхания неукротимого, падающего вниз потока.

Виктория-Фолс поражает обилием зелени и цветущих растений. Бросаются в глаза ярко-красные цветы «пылающей акации». В городке сразу растворяешься в многоязычной толпе. Теперь к английской, французской, японской и немецкой речи прибавилась русская. Всех, словно магнитом, притягивает сюда самый большой в мире водопад — Виктория.

Гид приглашает посетить памятник Давиду Ливингстону. Имя этого великого путешественника чтут не только в Зимбабве, но и на всем Африканском континенте.

После провозглашения независимости в стране обсуждался вопрос о сохранении колониальных монументов и переименовании городов. Было решено

Столица Зимбабве — Хараре. Городок этот хотя и небольшой, но очень уютный и зеленый

оставить памятник Давиду Ливингстону, установленный недалеко от водопада, в неприкосновенности. Сохранили и название городка — Виктория-Фолс. В этом признание заслуг замечательного исследователя Африки, миссионера и путешественника. Выходец из Шотландии, он первым из европейцев прошел по этим землям и описал их. Он открыл их для Европы и всего мира. Ливингстон способствовал познанию жизни народов, населяющих Африканский континент, его богатой природы и уникального животного мира.

Видел Ливингстон пустыню Калахари, приобщился к таинству рождения крупнейших рек континента — Конго, Нила и Замбези. Он доказал, что Замбези единственная из великих африканских рек впадает в Индийский океан. В 1855 г. он побывал у водопада. Вот как это случилось.

Предпринятая Ливингстоном экспедиция была очень трудной, утомительной и опасной. Нельзя было рисковать жизнью людей. Далее по Замбези на лодке он отправился один. Путешественник хотел повидать

*Главный туристический центр Зимбабве — городок
Виктория-Фолс. Именно там находится водопад
Виктория, который называют восьмым чудом света.
Местные жители зовут его «моси оа тунья»,
что в переводе означает «гремящий дым»*

поразительное творение природы, которое местные жители называли «моси оа тунья», что в переводе означает «гремящий дым».

Проплывая по Замбези, он был поражен красотой реки. Вот, наконец, показался остров Казеруку. Оттуда отважный путешественник увидел ошеломившую даже его, повидавшего в Африке немало красот, картину. Потрясенный и оглушенный, стоял он на маленьком клочке суши посередине реки и все не мог оторвать взгляда от падающей воды. Позже он запишет в своем дневнике: «Зрелище настолько прекрасное, что им наверняка восхищались пролетавшие ангелы».

Тогда же Ливингстон посадил на острове несколько абрикосовых косточек и кофейных зерен. А на дереве, растущем неподалеку, вырезал свои инициалы и дату — 1855 год. «Это был единственный случай, — сделал он запись в своем дневнике, — когда я позво-

Африканские слоны — самые крупные сухопутные животные этого континента

лил себе такое проявление тщеславия. У меня нет сомнений, что здесь будет первый из садов, которые воздвигнут в этой молодой стране».

Но надежды Ливингстона не сбылись. Слоны, которые время от времени заходили на остров, вытоптали все посадки. Не сохранилось и дерево с инициалами путешественника.

Мы любовались памятником Ливингстону. Английский скульптор Уильям Рейд-Дик изобразил его во весь рост, в походной одежде. Путешественник всматривается в даль, а перед ним кипит и пенится Замбези.

По хорошо утоптанной тропе направляемся в сторону водопада Виктория. Кстати, это название дал водопаду Ливингстон. Выходим на берег. С самолета река казалась неподвижной и молчаливой. И вот на наших глазах она переламывается под прямым углом и всей своей массой падает в каньон. Его ширина более 100 м, такого же размера высота, в длину он около 2 км.

Вода начинает дробиться сразу, едва исчезает под ней горизонтальное русло. Она превращается в бе-

лую кипящую лавину, стонет, ревет, грохочет. Трудно оторвать взгляд от вспененных, разбитых на брызги, разьединенных падающих струй.

Непрерывным потоком вода летит в пропасть, сверкая на солнце, и тобой владеет лишь одно желание: смотреть и смотреть на это чудо природы, видеть ежесекундное рождение нового, исчезающего и вновь возникающего потока.

Вниз, к подножию ущелья, ведут ступени. Они выложены из неправильной формы гранитных плит и так хорошо вписываются в пейзаж, будто сотворила их сама природа. Чем ниже спускаешься, тем больше водяных паров и брызг. Снимать водопад невозможно: объектив фотоаппарата сразу покрывается влагой. Через несколько минут одежда промокает насквозь, словно ты только что окунулся в Замбези. Быстрее наверх, на солнышко.

Сама река и водопад — в драгоценной оправе пышной тропической растительности. Зелень подступает вплотную. Это — знаменитый «плачущий», или дождевой, лес.

Водяная пыль, рожденная водопадом, стекает как слезы по листьям прозрачными капельками. Вот уже многие годы ботаники изучают местную флору и находят в здешних лесах все новые виды растений.

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛОСЬ ВЫРАЖЕНИЕ «КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ»?

На самом деле, в основе этого явления есть нечто реальное. Ученые, изучавшие крокодилов, убедились в том, что эти рептилии на самом деле «плачут». Но, конечно, не из жалости к жертве, а от избытка в организме солей. Дело в том, что у всех пресмыкающихся почки — довольно несовершенный орган. Чтобы удалить избыток солей из организма, у рептилий в процессе эволюции развились особые железы, которые помогают почкам. У крокодила они располагаются около глаз. Когда железы работают с полной нагрузкой, создается впечатление, что крокодилы роняют горькие слезы.

*Одни из самых высоких животных Африки — жирафы.
Они хорошо вписываются в местный пейзаж*

Разнообразие растительного мира способствует сложившийся здесь микроклимат, ведь водопад расположен на высоте более 900 м над ур. м. Средняя годовая температура этих мест 15 °С; в год выпадает до 700 мм осадков.

В царстве гигантских папоротников, спутанных лиан, фиговых и колбасных деревьев всегда сыро и полутемно. Немало здесь растений-эндемиков. Среди них — мученья, или хурма мушмуловидная. Это дерево с прямым стволом, темной корой, продолговатыми листьями и овальными желтыми плодами размером с небольшую сливу. Кожица у плодов жесткая, но вполне съедобная и по вкусу напоминает хурму.

Интересна и дикая финиковая пальма, которую местные жители называют «нзалу». Растет здесь африканская маслина. Встречается растение с экзотическим названием «муломбеломбе», которое можно узнать по листьям с тремя прожилками и по круглым черным плодам, сочным и приятным на вкус.

В Африке во многих водоемах обитают бегемоты, или гиппопотамы, что в переводе означает «водяные лошади»

В дождевом лесу обилие орхидей, диких горечавок и множество других цветов и трав, которые еще недостаточно изучены.

Любуемся водопадом с противоположной стороны каньона. Отсюда он как на ладони. Ширина базальтового уступа, с которого низвергается Замбези, около 700 м, но даже во время половодья водяной занавес не бывает сплошным. Торчащие из пены утесы делят водопад на пять частей, и у каждого микроводопада свое название. У правого берега Замбези kloчочет самый узкий, но и самый бурный, своенравный — Дьявольская Катаракта. Ширина его небольшая, всего около 30 м. За ним почти на 900 м протянулся Главный водопад. Остров Ливингстона — тот самый, с которого любовался водопадом отважный путешественник, — отделяет Главный водопад от Лошадиной Подковы. Ширина последнего около 100 м. Затем следует Радужный водопад. Его ширина чуть больше, а водяная вуаль здесь не такая плотная. Когда светит солнце, его

Одни из самых массовых животных в местном национальном парке — кафрские буйволы. Они выходят на берег Замбези большими группами

лучи, преломляясь в мириадах капелек, расцветают всеми красками радуги.

Неподвижная радуга повисает над пропастью. А радуга, по суеверным представлениям некоторых африканских народов, — отблеск зла и несчастий, дух, пожирающий влагу. Но здесь, над Замбези, радуги радостны, они предвещают счастье.

Наконец, к левому берегу Замбези примыкает Восточный водопад. Ширина его более 500 м. Но это уже территория соседнего государства — Замбии.

В зависимости от времени года уровень воды в Замбези колеблется. Меняет свой лик и водопад Виктория. Он знает периоды спада и моменты неистовства, исступления. В такие дни адский рев исполина разносится далеко вокруг. Вершины своего могущества Виктория достигает в апреле. В это время в каньон обрушивается более 600 млн л воды в минуту. Рекордный сброс был зарегистрирован в 1964 г. — 1,5 млн л. Это в несколько раз больше годовой потребности многомиллионного города. Так что в дека-

Самый крупный хищник — лев. Ему по зубам довольно крупные животные

бре мы видели Викторию не в лучшей своей форме. Где-то около 300 млн л воды в минуту низвергалось вниз. И все же водопад произвел на нас неизгладимое впечатление.

Сколько лет водопаду? Когда он образовался? Ученые установили, что Виктория не остается на месте. Водопад отступает все выше и выше по течению реки. Около 30 тыс. лет назад водопад находился в 8 км ниже по течению. С тех пор отмечено 7 мест, где он задерживался.

Полагают, что в ближайшие 2—3 тысячелетия новая Виктория «уйдет» от своих нынешних координат еще на несколько километров вверх по течению. Возможно, наступит время, когда водопад исчезнет. Геологические условия здесь таковы, что река Замбези может образовать серию порогов, каждый из которых будет по высоте ниже предыдущего. И река будет просто пересекать местность через постепенно углубляющееся русло. Так что можно считать, что нам повезло. Все мы — современники одного из самых красивых и самых крупных на Земле водопадов. Он притяги-

*На берегах реки Замбези встречаются самые крупные
нелетающие птицы Земли — страусы*

вает к себе, словно волшебный магнит. Невозможно оторвать глаз от этого феерического зрелища. Как гигантское сказочное существо, водопад дышит, двигается, что-то кричит своим громоподобным голосом.

В туристский маршрут включен и осмотр знаменитого баобаба Ливингстона. Он находится недалеко от водопада. Дерево выделяется размерами даже среди самых крупных своих собратьев: ствол в окружности 27 м, высота около 33 м. Возраст этого супербаобаба около 700 лет.

Ливингстон, потрясенный видом исполина, записал в своем дневнике, что каждая его ветвь могла бы быть по размерам стволом большого дерева. Он сравнил баобаб с морковью, перевернутой вниз. Образное и точное сравнение. Баобабы живут до 5 тыс. лет. В этом отношении они — спутники нашей эры — могут сравниться только с секвойями.

Каков животный мир у водопада Виктория? В дождевом лесу мы обнаружили немало птиц. Изредка их голоса были слышны сквозь гул и рев водопада. А рядом с разломом увидели пятнистых оленят. Они не боялись людей и разрешали себя фотографировать с расстояния в несколько метров. Но вот послышался голос из зарослей. Видимо, это их мать подавала сигналы: идите ко мне! И оленята вскоре скрылись в зарослях.

Река Замбези порадовала нас обилием животных, которых мы увидели, путешествуя на речном судне. К вечеру многие из них выходили на берег реки, чтобы утолить жажду. Вот большая группа слонов вышла на песчаный берег. Они дружно пьют воду и с любопытством поглядывают в нашу сторону. Время от времени слоны оглашали все вокруг своими мощными трубными голосами. Что они пытались сказать? Возможно, это сигналы для хищников, чтобы не приближались к ним. Повидали мы и других животных —

жирафов, большие стада зебр и антилоп гну. Буйволы тоже пришли к водопою. Их всех напоила Замбези — великая африканская река.

Еще раз нам удалось взглянуть на водопад, когда по дороге в Ботсвану мы пересекали реку Замбези по мосту, построенному еще в начале века. Мост-красавец, произведение инженерного искусства. Легкие округлые арки не нарушали гармонии природы. Они протянулись параллельно разлому в реке Замбези и были чуть выше водопада. Шофер притормозил, и в открытое окно ворвался грохочущий голос Виктории. Легкие облака «гремящего дыма» поднимались над разломом и исчезали в голубом небе Африки.

В Индии

Экзотическая природа Индии вот уже много веков волнует народы других стран, притягивает к себе, словно магнитом, путешественников и натуралистов.

Самое главное впечатление от этой страны — чувство восторга, восхищения природой Индии. Она очаровывает человека надолго. Больше всего поражает богатство и разнообразие животного мира на территориях, практически полностью освоенных человеком. Разного рода антропогенные ландшафты — от крестьянских полей и крохотных деревенских прудов вплоть до столицы страны — буквально насыщены дикими животными — сотни видов зверей и птиц. К примеру, только в Дели и его окрестностях отмечено более 400 видов птиц, из которых 150 гнездятся. О птицах Дели написаны книги.

Согласно наиболее полной десяти томной сводке «Птицы Индии и Пакистана» (авторы Салима Али и Лиллон Рипли), здесь свыше 1200 видов. Стало быть, в столице Индии и ее окрестностях обитают треть, а гнездятся около 12 % всех птиц страны. Это очень

высокий показатель. В данном случае речь идет о видах относительно обычных или даже многочисленных.

Есть в этой стране, как и везде, виды редкие и даже исчезающие. Это, во-первых, животные крупные, объекты нещадной охоты во время колониального прошлого или жертвы злостного браконьерства относительно недавнего периода. К ним можно отнести тигра, носорога, оленя Давида, большую индийскую дрофу и др. Во-вторых, редкими становятся виды, способные жить только в строго определенных местах обитания. Иначе говоря, стенобионты — так их называют биологи. При изменении этих условий, например при вырубке лесов или распашке целины, виды-стенобионты исчезают. Их сохранение возможно только при охране мест обитания. Для этих целей в Индии учреждено немало национальных парков и заповедников.

Нам посчастливилось побывать в Бхаратпурском заповеднике. Этот заповедник известен также под названием Кеоладес Гхана. А расположен он в 180 км к югу от Дели, неподалеку от Агры, где находится всемирно известный беломраморный мавзолей Тадж-Махал.

ОПАСНЫ ЛИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ГИГАНТСКИЕ ЗМЕИ?

Из всех змей, обитающих на Земле, а это 2700 видов, 80 видов относят к семейству ложноногих. Среди них есть настоящие гиганты — сетчатый питон и анаконда, их размеры достигают 10 м. Известен рекордный размер анаконды длиной 11 м 43 см. Излюбленные места их обитания — слабопроточные рукава и заводи, озера и заболоченные низины бассейнов рек Амазонки и Ориноко. В таких укромных уголках анаконда, лежа в воде, подстерегает добычу — различных мелких млекопитающих, которые приходят на водопой. Жертвой могут оказаться небольшие домашние свиньи и собаки, а также куры и утки. Анаконду нельзя считать опасной для человека. При охоте за этой змеей она оказывает сопротивление, но сама на человека не нападает.

Эфа обитает в пустынях Индии

Заповедник небольшой, около 30 км². Он охватывает систему мелководных, глубиной обычно до 1 м, водоемов, разделенных дамбами и заросших густой водной растительностью. Специфика водоемов в том, что они временные: в мае — августе заполняются обильными муссонными дождями, а к марту пересыхают. Эта резко выраженная цикличность — от фантастической, какой-то нереальной насыщенности жизнью прудов и лужиц до опустевших, внешне совершенно безжизненных такыров — поражает тех, кто бывал здесь в разные сезоны.

Бхаратпур — райский уголок для птиц: водоплавающих, пастушковых, куликов, журавлей, голенастых, хищных, зимородков. В октябре — январе их здесь буквально миллионы.

В заповеднике давно ведутся исследования птиц под руководством патриарха индийской орнитологии доктора Салима Али. О здешних пернатых написано немало статей. И все же богатство животного мира Бхаратпура поистине неописуемо.

Самая для нас интересная птица — белый журавль, или стерх. Известно, что в Бхаратпуре издавна существует одна из двух зимовок стерхов, которые гнездятся в нашей стране в низовьях реки Оби. Известно и то, что численность зимующих здесь стерхов неуклонно падает. Если лет двадцать тому назад здесь зимовали до 200 белых журавлей, то в последние годы их бывает не более трех десятков. Поддержание такой уникальной зимовки приобретает международное значение как один из важнейших факторов сбережения небольшой, насчитывающей всего около 50 птиц, обской популяции.

В Бхаратпуре можно увидеть многотысячные стаи водоплавающих птиц — уток, гусей, лысух. Все они прилетают на зимовку из Сибири. В отличие от стерха, этот заповедник для водоплавающих — одно из лучших, но все-таки не единственное место в Индии, где можно неплохо провести зиму.

*Крокодилы днем греются на отмели, раскрыв пасти
для терморегуляции*

Муссонных озер немало на Индо-Гангской равнине. Даже в 20 км от Дели есть такие озера, и на них всю зиму держатся многочисленные стаи сибирских водоплавающих птиц.

Конечно, в заповеднике немало хищных птиц. Здесь обитает орлан-долгохвост — ближайший родственник широко распространенного у нас орлана-белохвоста. У взрослого, точнее старого, белохвоста хвост действительно снежно-белый, а у долгохвоста — с темной полосой. Оба они редкие, занесены в Красную книгу России. Действительно, на карте ареал орлана-долгохвоста захватывает обширные пространства — от низовий Волги до Алтая и даже до Южного Прибайкалья. На этих территориях долгохвостов хотя и редко, но все же встречаются, в том числе весной и летом, изредка даже парами. Но поразительный факт: за последние полстолетия не найдено ни одного достоверного жилого гнезда орлана-долгохвоста в пределах указанного ареала. Ни одного! Прежние находки тоже надежно не документированы. Такое положение и порождает сомнения в том, что орлан-долгохвост действительно у нас гнездится.

Объяснение же его летних встреч, возможно, связано с орланами-долгохвостами в... Индии. Там гнездиться этот хищник заканчивает к февралю — марту, когда муссонные водоемы пересыхают, рыба исчезает, а водоплавающие птицы начинают откочевывать к северу. Не лишено логики предположение, что орланы начинают в это время мигрировать к северу, где в изобилии корма — и рыбы, и птицы.

Но пока это только гипотеза, хотя и заманчивая. Все аргументы в ее пользу либо негативного свойства — не найдено достоверных гнезд долгохвоста на севере, — либо логического. Идеальной проверкой этой гипотезы было бы мечение, желательно цветными крылометками, орланов-долгохвостов на гнездовьях в Индии и организация тщательных наблюдений за ними летом у нас.

Вообще, птичий мир таит в себе немало тайн. Их еще предстоит разгадать орнитологам. Но животный мир Индии богат ведь не только птицами, но и другими животными. В этой стране обитает около 300 видов рептилий и не менее 500 видов млекопитающих. Стаи нахальных обезьян, макак-резусов, которые обитают в парках и пригородах Дели. Немало в городах симпатичных, хотя и нервозно-крикливых, пальмовых белок. Они очень похожи своими полосатыми спинками на бурундуков. Сходство поразительное! Наши соотечественники, работающие в индийских городах, а особенно ребяташки, называют их бурундучками.

Изредка встречаются в индийских городах и дикие мангусты. В этой стране змей, конечно, немало и заклинателей змей — факиров. Обилие «священных» коров, которые свободно перемещаются по улицам больших и малых городов.

Особо почитаемы здесь обезьяны лангуры. Это положительные персонажи всемирно известного народного эпоса «Рамаяна». Герой поэмы — благородный Рама — беспрерывно сражался со злыми демонами и

*Индийские макаки любят жить по соседству
с человеком*

прочей нечистью. Так вот, в одном из таких кровопролитных сражений в самую решительную минуту на помощь Раме пришло войско обезьян под предводительством своего вождя Ханумана, который обеспечил Раме решающую победу. Описание обезьян в «Рамаяне» совпадает не с обликом попрошайек-макак, а с благородным обликом красивых лангуров. На этом основании обыкновенному лангуру присвоено индийское имя — Хануман.

Обыкновенный лангур — довольно крупная серебристо-серая обезьяна с черным лицом. Сидящий лангур высотой до 75 см, а хвост у него до 1 м. Самцы весят до 20 кг, т.е. втрое больше обычных макак-резусов. Живут лангуры в лесах, садах и парках группами по 20–25 особей. Стаю возглавляет самый сильный самец. Питаются они плодами, листьями, цветками деревьев.

Обезьяны, и особенно лангуры, почитаются в Индии как потомки воинов, которые пришли на помощь высокочтимому Раме. Правда, плодами такого покровительства пользуются в основном макаки, примазавшиеся к легендарной славе лангуров. Наверное, поэтому макакам позволено безобразничать повсюду — грабить поля и сады, выпрашивать и даже отнимать у доверчивых туристов орехи и прочие лакомства, жить везде, где заблагорассудится.

Главная причина благополучия диких животных в этой стране — традиционная, тысячелетиями воспитанная благожелательность самого человека. Доброе отношение подавляющего большинства индийцев ко всему живому — фактор огромной значимости в охране живой природы.

Но проблем в деле охраны природы в стране немало. Достаточно сказать, что в Индии интенсивно сводились леса. Сегодня они сохранились лишь на площади, составляющей всего 5 % территории страны. Или возьмем, к примеру, домашних буйво-

Равенала — «дерево путешественников» — родом из Бразилии, но часто встречается на дорогах Индии

лов. Бесчисленные стада этих животных — настоящий бич индийских заповедников, в том числе и Бхаратпурского. Все это негативно сказывается на природе Индии.

Подоплека всего этого — реальные проблемы сугубо экономического характера. Дерево в Индии — огромная ценность и как строительный материал, и как топливо. Поэтому и вырубали леса, что заменить дерево было нечем. Стада домашнего скота — тоже обязательный компонент жизненного уклада населения. А нехватка пастбищ — причина пресса на заповедники.

Сейчас правительством Индии и местными властями принимаются меры, в том числе экономические, по обеспечению оптимальных эколого-экономических отношений населения и окружающей среды.

Как и повсюду, в Индии есть браконьеры. Их «деятельность» стимулировалась безудержным ростом цен на слоновую кость, рог носорога, шкуры хищников на богатых рынках Европы, Северной Америки, Ближ-

КАК ПРИРУЧАЮТ ЯДОВИТЫХ ЗМЕЙ?

Приручение ядовитых змей — дело сложное и достаточно опасное, поэтому не следует им заниматься. Для таких опытов лучше подойдут другие, гораздо более миролюбивые животные. Другое дело, когда этим занимаются ученые или профессиональные дрессировщики, хотя и им очень трудно достичь высоких результатов. Это и понятно: змеи имеют примитивный ум, они не в состоянии привязаться к хозяину, полюбить его, как это бывает у собак, кошек, лошадей и других животных. Приемы дрессировки змей основаны лишь на привыкании ее к хозяину. Прирученную ядовитую змею можно кормить из рук. Она не станет кусать хозяина, потому что хорошо усвоила: он приносит ей пищу.

Индийские факиры, показывающие танцы змей под музыку, хорошо знают биологию и поведение своих подопечных. Они изучают индивидуальный характер каждой змеи и поэтому могут проделывать с ними различные трюки, не подвергая себя опасности.

него Востока. Но если простого индуса не вынуждают обстоятельства, он никогда не убивает животное бесцельно, просто так, ради забавы.

Вероятно, не случайно именно в Индии возникло такое уникальное явление, как религия джайнистов с ее неподвластным логике культом живых существ. Эти люди не имеют права убить даже кусающих их moskitov.

Конечно, нелепо мести перед собой дорогу специальным веничком, чтобы не совершить тяжкий грех: ненароком раздавить ничтожного мураша. Но в этих крайностях как бы сфокусировалось глубинное уважение права на жизнь каждого живого существа, свойственное всему кодексу индуистских традиций. Эти традиции являют собой, согласно современной терминологии, богатейшую базу для природоохран-ных мероприятий.

Энергичные действия правительства Индии по охране редких видов и уникальных природных комплексов в сочетании с благожелательным отношением населения к братьям нашим меньшим — залог успеха в деле охраны животного мира этой страны.

В Монголии

Натуралист, впервые попав в Монголию, всегда стремится в Гоби, иначе нельзя. Гоби — это ключ к осмыслению и познанию удивительной природы этой древней страны. Весь юг Монголии, огромное пространство в тысячи километров, бороздят с востока на запад цепи горных хребтов. Они словно рассекают землю на гигантские ленты. Это все — Гоби. Монголы не считают Гоби единой. Они выделяют 33 Гоби, в их числе три великих. И каждая имеет свое название. Гоби, по-монгольски «Говь», вообще означает пустынную местность. Например, Гольбын Говь — Благородная Гоби, Мандал Говь —

Средняя Гоби. В общегеографическое понятие «пустыня Гоби» входит центральноазиатская система пустынь и полупустынь. Нам пришлось побывать в горном районе Монгольского Алтая, в Шаргын Говь.

Оказывается, что Гоби-Алтайский аймак чуть ли не самый богатый в Монголии редкими видами диких животных. Шестьсот километров, которые пришлось проехать нашей группе, для тысячеверстной Гоби — не расстояние. Но и это небольшое путешествие дало представление об ее удивительном мире. Первое впечатление от Шаргын Говь: а где же классическая пустыня, где пески, барханы?

Необычайно то, что Гоби — не только степь и пустыня, не только пески, горы или каменистое плоскогорье, это все вместе взятое. Рельеф ее чрезвычайно разнообразен. То она плоская, как стол, то холмистая и рассеченная глубокими распадками. Там, где больше трав, там больше и жизни: стада скота, дикие животные... А где земля сплошь покрыта колючей черной щебенкой, там неуютно и пустынно.

Гоби почти везде лежит на высоте примерно 1000 м над ур. м. И хотя это широта Крыма и Кавказа, климат

СМЕРТЕЛЕН ЛИ ЯД ТАРАНТУЛА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

Тарантул — общее название нескольких видов пауков. Они обитают на юге европейской части России и в Средней Азии. Это самые крупные пауки нашей фауны, длина самки около 4 см. На голове у паука расположены 4 пары глаз и мощные острые челюсти, которые соединены с ядовитыми железами. Челюсти — грозное оружие. С их помощью паук защищается. Но они необходимы и для добывания пищи, а питаются тарантулы различными мелкими насекомыми. Тарантул может прокусить кожу человека и ввести дозу яда, однако укус его не смертелен, правда довольно болезненный и оказывает общее действие на организм. Появляется сонливость, затрудняется дыхание. Ранку следует обработать йодом или спиртом, а если отравление серьезное, тяжелое, необходимо обратиться за помощью к врачу.

Барханы — подвижные пески, покрытые ветровой рябью

здесь резко континентальный. Зимой — лютая стужа с ветрами, летом — удушающая жара днем, но ночью в котелке замерзает вода.

В Гоби воды мало. Мелкая речка или небольшое озерцо тут — огромное богатство. Вокруг этих водоемов всегда обилие диких животных. Ими Гоби заселена очень неравномерно. Можно проехать сотни километров и не встретить ни одного живого существа, а можно увидеть столько живности, что покажется, будто ты в зоопарке. Правда, видовой состав животных не очень богат. Зато есть среди них такие, которые в большом количестве водятся только в Монголии. Нам повезло. За несколько дней в Гоби мы видели очень много диких зверей и птиц.

Самой неожиданной была первая встреча. Прямо перед автомобилем дорогу внезапно перелетела большая стая птиц, напоминающих голубей. Это были саджи, удивительные птицы пустынь из отряда рядков. Саджи водятся в Казахстане и Киргизии, встречаются в низовьях Волги и в Забайкалье. Это оседлые птицы, но порой в апреле или мае они совершают очень даль-

Птенцы пустынного филина в гнезде

ние массовые перелеты за пределы своей родины, где, как правило, гибнут. Такие вылеты наблюдаются периодически, хотя не так часто — раз в несколько лет. Причины миграций невыяснены.

Эту загадку пока орнитологи разгадать не могут. Мы видели саджей уже после того, как они вывели птенцов. Птицы, кочуя в пределах своего участка обитания, сбиваются в большие стаи. Район их миграций довольно обширный. Перелетающие группы птиц необычайно оживляют просторы Гоби, придавая ей обжитой вид. Ведь скорость их полета — свыше 80 км/ч.

В сумерках пустыня оживает. Из нор, норок, различных укрытий вылезают сотни, тысячи ее обитателей. Это песчанки, ушастые ежи, суслики, зайцы, хомячки, лисицы. Ночью активнее становятся хищники, и среди них самый грозный — волк. Там, где пасутся стада коров, овец, коз, табуны лошадей, серые разбойники — заклятые враги скотоводов. И с ними ведут серьезную борьбу.

Гоби полна тайн и загадок. Где-то рядом могут быть залежи драгоценных металлов и драгоценных камней, останки динозавров или даже табун легендарных ло-

Сухое русло реки в пустыне

шадей Пржевальского — монголы зовут их «тахи». Некоторые ученые считают, что в Гоби еще сохранились эти редчайшие животные.

Нам удалось посетить Большой Гобийский заповедник. Он имеет две обособленные территории общей площадью 4,5 млн га. Это целая страна! Здесь ведется большая научная работа. Заповедник хорошо охраняется, и в нем есть что охранять. В заповедных горах и пустыне водятся редчайшие животные, занесенные в Международную Красную книгу. Это снежный барс, или ирбис, дикий верблюд хавтагай, пустынный медведь пищуход, красный волк, кулан.

Земля Гоби — единственное место, где в естественных условиях сохранились дикие верблюды. Сотрудники биостанции заповедника с большим трудом отловили двух диких верблюжат. Внешне они походят на домашних, но опытный глаз сразу отметит различие: на вид они сухошавее и подобраннее домашних. Дикие верблюды заметно проворнее, они способны быстрее бегать, причем в быстром темпе и довольно продолжительное время.

*Кустарниковая пустыня — саксаул, кандым,
песчаная акация*

В горах здесь живут рыси, куницы, соболи, кабаны и даже росомахи. На просторах Гоби многочисленны сурки, водятся и степные лисички — корсаки, есть дрофы и куропатки. Конечно, не всех этих животных удалось увидеть. Не так уж много дней мы были в Гоби. Но одна встреча запомнилась — мы увидели уларов, или горных индеек. У этой крупной горной птицы особая слава. У нее нежное вкусное мясо, и ходят легенды, что оно излечивает от многих болезней. Это суеверие обернулось бедой для птиц. Испокон веков монголы использовали его как лекарство, что привело к массовому истреблению уларов. Но сегодня эти птицы находятся под охраной.

Встретили мы и дикое стадо горных баранов. Поистине зоологический рай — так порой называют Монгольский Алтай. Так же, пожалуй, можно назвать и весь огромный край — пустыню Гоби.

У наших друзей

Мы живем во времена больших перемен. Еще недавно на карте мира существовало государство — Советский Союз, но теперь его уже нет. На огромной территории бывшего СССР образовалось 15 независимых государств, причем 12 из них — это Содружество Независимых Государств (СНГ). Намного сложнее, чем раньше, стало путешествовать по независимым государствам, но все же это удастся. Нас охотно принимают в заповедниках, национальных парках, охотничьих хозяйствах, где мы встречаем многих старых знакомых. С нами делятся информацией о состоянии того или иного охраняемого уголка природы. На контакты идут биологи, деятели охраны природы, охотоведы. Нам легко общаться с ними, так как никто из них не забыл русский язык. Более того, между учеными России и других стран СНГ существуют тесные связи в различных областях природо-доведческих знаний.

В этом разделе речь пойдет о природе и животном мире Белоруссии и Казахстана.

В Беловежской Пуще

Немного истории

Беловежская Пуща — один из уникальных лесных массивов Европы и один из старейших заповедников мира, расположенный на территории Польши

и Белоруссии. В наши дни это и заповедно-охотничье хозяйство. Несколько необычно сочетание этих понятий — «заповедник» и «охотничье хозяйство», но длительный исторический опыт подсказал именно такую форму охраны природы.

Есть в Пуще зона полного покоя и абсолютной заповедности. На остальной части численность диких копытных регулируется, производится их регламентированный отстрел. Но основную массу излишка диких копытных отлавливают и переселяют в другие регионы.

Сегодня Беловежская Пуща — это и мировой центр туризма. Более 200 тыс. туристов из разных стран ежегодно посещают этот удивительный уголок природы.

Беловежская Пуща — один из уникальных лесных массивов Европы и один из старейших заповедников мира. Наше знакомство с ним началось в Брестской области. От Бреста до административного центра Беловежской Пущи, поселка Каменюки, около 60 км.

Первая остановка — у подножия замечательного памятника древнего зодчества — Каменецкого столпа, или башни. Есть еще одно название у этой башни — Белая вежа (по-белорусски «вежа» значит «башня»). Сейчас здесь краеведческий музей. Памятнику этому более 700 лет. В далекие времена к стенам Белой вежи вплотную подступали девственные, дремучие леса Пущи, но за семь веков деятельность человека, сплошные рубки, оттеснили лесные чащи. С 30-метровой высоты смотровой площадки башни мы увидели леса лишь на горизонте, примерно в 20 км от нее.

У Беловежской Пущи интересная история. Долгие годы она была местом королевских и царских охот. Одна из так называемых больших охот состоялась в 1752 г. Егеря загоняли в большой загон зубров, оленей, кабанов. Из него в лес шел узкий коридор. На некотором расстоянии от него были построены беседки, в которых находились именитые гости. Проход

*Самцы чистокровных беловежских зубров весят около 1 т,
а отдельные особи достигают 1200 кг*

из загона в коридор открывался, и животные, пробегая по нему, попадали под выстрелы. За один день тогда только одних зубров было истреблено более полусотни.

В 1794 г. Беловежская Пуща отошла к России. Но по-прежнему гремели выстрелы в этих лесах. Следующая «большая охота» была устроена в 1860 г. Тогда за два дня было убито около 30 зубров. Вскоре эти звери повсюду стали редкими, а во многих районах Европы к этому времени и вовсе исчезли.

Пуща пережила все — и опустошительные «большие охоты», и бесчисленные «малые», животных то истребляли, то принимались ретиво охранять. В результате многолетней охраны в начале прошлого века здесь скопилось много крупных копытных — более 5000 оленей и примерно столько же косуль, более 1000 ланей, около 700 лосей и более 600 зубров. Леса Беловежской Пущи не в состоянии были прокормить такое количество диких животных. Начались болезни и падеж. Из-за перенасыщенности животными большая часть лесов лишилась подлеска. Пуща преподнесла наглядный урок, показав, к чему приводит ведение охотничьего хозяйства без настоящей научной основы. Оказалось, что абсолютная охрана леса и копытных при отсутствии хищников — далеко не лучшая форма ведения хозяйства.

В 1939 г. в связи с воссоединением западных земель белорусская часть Беловежской Пущи вошла в состав Советского Союза и уже в следующем году была объявлена государственным заповедником. Однако грянула Великая Отечественная война. С 1941 по 1944 г. Пуща находилась на оккупированной территории. По окончании войны граница между Советским Союзом и Польшей пролегла через ее территорию. Площадь советской части составляла 87,5 тыс., а польской — более 60 тыс. га. После распада Советского Союза восточная часть стала принадлежать Белоруссии. Ученые Польши и Белоруссии, изучающие природу Пущи,

регулярно встречаются, обмениваются научной информацией, координируют планы исследовательских работ.

Основной объект внимания и изучения в Беловежской Пуше — зубр. Некоторые исследователи справедливо писали: что Пуща сохранилась потому, что там обитали зубры, и они же обязаны ей своим существованием.

В прошлом зубры были широко распространены в Западной и Центральной Европе. В середине XVI в. зубры еще жили под Киевом, а в XVII в. встречались в лесостепной части Украины. Но уже в XVIII в. они остались только в Белоруссии, Литве, Польше и на Кавказе.

К началу XX в. в естественной природе зубры сохранились лишь в Беловежской Пуше и на Кавказе. Последний зубр в Пуше был убит в 1919 г., а в 1927 г. та же участь постигла последнего кавказского зубра. Лишь около пяти десятков этих животных остались в зоопарках некоторых европейских стран.

Началась долгая, кропотливая работа по спасению этого вида, ведь он оказался на грани исчезновения. Еще в 1923 г. в Париже, на международном съезде по охране природы, было создано Международное общество сохранения зубра. Началась и организация специальных парков с загонной системой содержания.

В 1929 г. в Беловежскую Пущу завезли несколько зубров из зоопарков Германии и Польши, а в последующие годы сюда же было завезено еще несколько животных. К осени 1939 г. в зубровом питомнике уже насчитывалось 16 зубров.

Начатую работу по восстановлению численности этих зверей прервала война, но стадо зубров во время войны почти не пострадало, животных бережно охраняли белорусские партизаны.

После войны работа по восстановлению стада зубров продолжилась. Во главе рода восстанавливаемого

стада оказались две чистокровные зубрицы, Бизерта и Бискайка, и бык по кличке Плищ. Все беловежские зубры стали получать клички, начинающиеся с «по», например Польша, Полдень. Кровь кавказских животных была внесена в стадо быком Борусом — потомком кавказского зубра, а потомство от этого быка стало уже получать кличку, начинающуюся с «пу», например Пуля, Пушик. Этот порядок сохраняется и сейчас.

Великаны леса

Мы стоим у просторной лесной вольеры. Место это, можно сказать, историческое: здесь начали восстанавливать стадо зубров. В Пуще сложились две линии: чистокровных беловежских зубров и кавказско-беловежских. Позже решили, что нужно оставить только беловежских чистокровных зубров. С 1958 по 1961 г. отсюда в различные регионы были вывезены для разведения 114 кавказско-беловежских зубров. Их завезли на Украину, в Литву и Россию, а в Пуще оставили только чистокровных беловежских.

Как только зубры подрастали, их выпускали на волю, и сегодня они встречаются в лесном массиве площадью более 12 тыс. га. В Беловежской Пуще сегодня на воле более 160 зубров. Самки с телятами держатся недалеко от зубропитомника, а самцы живут отдельно. Иногда самцы уходят далеко за пределы Пуши, на расстояние до 300 км, и возвращаются сюда лишь осенью, в сентябре, когда начинается время турниров. Специалисты считают, что без ущерба для леса можно содержать не более 150 зубров, и сейчас он даже несколько перенаселен этими животными. Принято решение часть зубров отловить и переселить в другие районы Белоруссии и за ее пределы.

Нам сказали, что недалеко от места, где мы находимся, накануне видели зубров. Едем на поиски этих

великанов леса, ведь снять вольное стадо в местах естественного обитания — большая удача.

Дороги в Пуще очень хорошие, по обе стороны растут могучие сосны, дубы, ели. Выезжаем на просторную поляну, залитую солнцем. Запах цветов, листвы, земли — все здесь смешалось в неповторимый аромат большого леса. Мы видели много свежих следов зубров, но самих животных в тот день обнаружить так и не удалось. Пришлось вернуться в гостиницу.

На следующий день рано утром вместе с сотрудником Пущи Федором Петровичем Качко снова отправляемся на поиски зубрино стада. В это время животные выходят на поляны погреться в лучах утреннего солнца.

Машину оставляем метров за двести до поляны. Федор Петрович определил направление ветра, и мы молча приближаемся к поляне с подветренной стороны. Ведь у зубров великолепное чутье и, чуть что не так, звери мигом скрываются в чаще.

Только мы вышли на окраину поляны, как сразу же увидели стадо зубров. Звери от нас метрах в ста. Животных трудно сосчитать, так как одни стоят под деревьями, а другие лежат в высокой траве.

Зубры нас тоже обнаружили, стоявшие животные повернули головы в нашу сторону, но с места не тронулись. Некоторые поднялись с земли. Мы еще не пересекли ту незримую черту, когда звери начинают беспокоиться. Захотелось снять их покрупнее, и мы решили осторожно подойти к ним ближе. Животные забеспокоились, и, словно по команде, в какой-то миг стадо сорвалось с места и с поразительной быстротой скрылось в густой чаще.

— Далеко они не убежали, — сказал Федор Петрович. — Стоят где-нибудь в зарослях и прислушиваются: преследуем мы их или нет.

Мы прошли в сторону, где скрылись зубры, и еще раз полюбовались ими. Но снимать в таком густом

лесу невозможно — очень темно, и мы вернулись к машине.

— Эти зубры живут вольным стадом, — заметил Федор Петрович. — Оно строго организовано. В нем есть лидер — старая, опытная зубрица. Она знает места выпасов и водопоев.

Зубровод рассказал о том, что взрослые быки весят до 1 т и даже более, а высота таких гигантов достигает в холке 2 м. Зубрицы меньше быков. Держатся звери обычно небольшими стадами, чаще по 6—8 голов, но встречаются и крупные стада, одно из них мы только что видели — в нем не менее 30 зубров. Взрослые быки живут обособленно и присоединяются к стаду самок с молодыми телятами только в период гона.

Зубры очень привязаны к излюбленным местам обитания. Летом они кормятся сочной травой, листьями деревьев и кустарников, охотно обгладывают кору деревьев. Очень любят паразитическое растение омелу и сныть. Пасутся утром и вечером, а в жару отдыхают в тени.

В конце августа или в сентябре у зубров наступает время свадеб. В этот период быки очень возбуждены и между ними разгораются турнирные бои. Слабый самец чаще предпочитает ретироваться после первого же столкновения лбами. Нередко турниры завер-

КТО ТАКИЕ МУРАВЬИ-АМАЗОНКИ?

Когда слышишь это название, то так и кажется, что эти насекомые живут где-то в Южной Америке. В действительности же они обитают в средней полосе Европы. Есть такие муравьи и в Подмосковье. А названы они так по имени мифологического воинственного народа, все население которого составляли женщины, отказавшиеся рожать детей. Аналогия касается, пожалуй, только воинственности. Самки муравьев-амазонок исправно откладывают яйца, однако из этих яиц никогда не развиваются рабочие муравьи, а только самки, самцы и так называемые солдаты.

шаются трагически для одного из соперников. Такие случаи наблюдали.

В мае или июне у зубрицы появляется потомство. Зубренок быстро набирает силы и уже через неделю всюду ходит за матерью, которая приводит его в стадо. Телята очень подвижны, игривы. Взрослые звери тоже очень резвы и этим отличаются от домашних коров. Они могут быстро бегать, легко перепрыгивают 3-метровый ров и 2-метровый забор.

Как и все лесные звери, зубры близоруки, но зато чутье у них развито превосходно. Увидев человека или почуяв его запах, они обычно стремительно убегают. Опасны эти животные могут быть лишь осенью, во время гона, когда быки отгоняют всех от своих коров. Отелившаяся самка, защищая теленка, обычно бросается в сторону человека, но, не добежав нескольких метров до него, останавливается и бежит обратно к теленку. Так она предупреждает приближающегося человека: здесь опасно!

У взрослых зубров практически нет врагов. Даже волки зимой редко отваживаются нападать на них. Но от хищников иногда гибнут зубрята.

Леса Беловежья

Почти 96 % территории Пуши покрыты лесами. Есть здесь луга и водоемы, есть несколько речек, вот только озер нет.

Необычность заповедных лесов — в их большом разнообразии. Здесь растет 21 вид деревьев. Великолепны березняки и дубравы. Наиболее распространены боры. Кое-где сохранились корабельные леса из мачтовых сосен, достигающих 30-метровой высоты. В низинах боры сменяются заболоченными сосняками, которые по-местному называются «багно». Почва покрыта мхом, пушицей и осоками. Есть в Пуше

сосново-еловые, сосново-дубовые и грабово-дубовые леса. Замечательны и своеобразны ольсы — леса на заболоченных почвах. Они тянутся вдоль долины рек, опоясывают болота. Ель и черная ольха достигают гигантских размеров: ель — 40 м, а черная ольха — 25 м высоты. Очень много в лесах ветровала. Корневые вывороты высотой до 4 м в сочетании с пышными кустарниками создают хаос девственного, труднодоступного леса.

Всего во флоре Беловежской Пуши более 800 видов высших растений. На охраняемой территории встречаются гигантские ясени, клены, ели, 700-летние дубы и 300-летние сосны, достигающие высоты 50 м. К одному дубу-великану нас привел Николай Иванович Будниченко, лесовод Пуши. Дуб был огорожен низким штакетником, чтобы туристы не приближались к дереву и не повредили его корневую систему. Этому дубу около 700 лет, его высота 60 м. Он как бы символизирует мощь и величие Беловежской Пуши. Из такого дуба, как нам сказали, можно построить пару изб. А вообще дубы занимают около 5 % лесной территории, и половина из них имеет возраст около 600 лет.

Оператору долго не удавалось снять 700-летний дуб так, чтобы показать его величину. Тогда он попросил нас подойти к дубу вплотную, взяться за руки и обнять его. Это смогли сделать 5 человек. В коре дуба мы обнаружили несколько сосновых шишек — это дятел облюбовал могучее дерево, устроив здесь «кузницу».

Николай Иванович решил показать нам настоящие ольсы, и мы долго ехали по дорогам, а затем шли еще пешком. Сколько же здесь ягод! Огромные поляны буквально усыпаны черникой. Во всех лесных ярусах — богатая, интересная жизнь. Лес наполнен птичьими голосами. Орнитологи насчитали в Пуше более 200 видов птиц. Славится она боровой дичью. Здесь

*Беловежская Пуща — один из уникальных лесов Европы
и один из старейших заповедников мира*

немало рябчиков, тетеревов, глухарей. Особенно богаты рябчиками ольсы благодаря обилию корма — почек, сережек ольхи и лещины, а также многочисленным и надежным укрытиям от хищников. В березняках можно встретить тетеревов-косачей. Численность их довольно велика: 6 птиц на 100 га леса.

Трудно представить сосновые леса Пуши без глухарей. Здесь обитает самая крупная раса этого вида: масса тела взрослых самцов бывает более 5 кг. Но глухарей становится все меньше, а причина в том, что вокруг интенсивно осушаются болота. Понижается уровень болот и в здешних лесах. Исчезают клюквенники, а клюкву глухари очень любят.

Птичье население

Обилие птиц в Беловежской Пуше определяется богатством и разнообразием лесов. Кроме того, здесь сталкиваются восточные и западные элементы орнитофауны. В пуше обитают белый и черный аисты, кряква, шилохвость, гоголь, змееяд, осоед, большой и малый подорлики, орел-карлик, луни, черный и красный коршуны, ястребы — перепелятник и тетеревятник, канюк, чеглок, сокол-сапсан, дупель, бекас, длиннохвостая неясыть, зеленый и белоспинный дятлы, ястребиная славка, канарсечный выюрок и множество других видов.

Обычны здесь белые аисты. Их гнезда мы видели на телеграфных столбах, на крышах сараев и жилых домов. Эти птицы привыкли к соседству с человеком, к одному гнезду мы подходили на расстояние нескольких метров. Птенцы, а их было трое, реагировали на наше приближение — затаивались в гнезде, но стоило чуть отойти в сторону, и вот их белые головки снова вырастали над гнездом. Птицы оглядывались по сторонам в ожидании своих родителей с кормом. А вот и

родители. В ближайшем болотистом месте они добывали лягушек или мелкую рыбешку. И теперь в гнезде началась суета.

Белые аисты распространены не только в Беловежской Пуше, но и по всей Белоруссии, где есть водоемы и сохранились болота. В Пуше нет естественных озер, но зато многочисленны болотистые луга и затопленные леса. Сооружены и два новых пруда: один, площадью 20 га, находится в урочище Переров, а другой, в 350 га, расположен неподалеку от первого. Но нас повезли к небольшому старому пруду площадью всего 2 га. Он зарос рогозом и камышом, на нем обилие кувшинок и белых лилий. Подлинное украшение пруда — красавцы лебеди-шипуны, их здесь несколько пар. Лебедей сюда завезли, и они прекрасно освоились на новом месте, образовали постоянные пары и уже несколько лет подряд выводят птенцов.

Мы прошли вдоль берега, но птиц не было — спрятались в заросли. Чтобы мы могли полюбоваться лебедями и снять их, один из егерей поплыл на лодке к зарослям и вспугнул птиц. Вскоре к нам направилась пара шипунов, а за ними — пять серовато-белых птенцов. С появлением птиц старый пруд ожил и еще больше похорошел. Птицы безбоязненно проплыли возле берега, где мы стояли, и оператор смог снять птиц крупным планом — лебеди смотрели в нашу сторону. С разрешения орнитолога мы стали кормить их. И взрослые птицы, и птенцы охотно ели размокшие корочки хлеба.

Зимой пруд замерзает, поэтому для лебедей сооружено зимнее помещение, а также оборудован небольшой незамерзающий прудик; по его дну проложен шланг, компрессор нагнетает воздух, и постоянная аэрация не дает ему покрыться коркой льда.

Встреча с лебедями радует, несомненно, любого из нас. Жизнь этих птиц и их преданность друг другу всегда восхищали людей.

*В заповеднике имеется несколько прудов.
На старом пруду обилие кувшинок и белых лилий*

По соседству с лебедями обитают другие водоплавающие — утки-кряквы. В Пуше создана настоящая утиная ферма. Мы осмотрели добротное зимнее помещение с инкубатором и просторные летние вольеры. В них находились сотни громко пищавших желтовато-коричневых пушистых комочков — птенцов. Когда мы к ним вошли, многие бросились в нашу сторону. Пришлось очень осторожно возвращаться к выходу, чтобы нечаянно не наступить на какого-нибудь утенка. Этим крохам всего около двух недель, но по соседству находятся утята покрупнее — их уже пускают к воде. Небольшой водоем со всех сторон закрыт сеткой — от хищников, которые нередко навдываются к утиной ферме.

Может показаться странным: утиная ферма на заповедной земле! Но Беловежская Пуша не просто заповедник, а еще и заповедно-охотничье хозяйство. Здесь отлавливают излишки кабанов, благородных оленей, косуль и переселяют в другие регионы Белоруссии. А в недавние времена этих животных переселяли также в Россию, Литву и на Украину. Егеря

*Красавец лебедь-шипун. Эту птицу здесь несколько пар,
и ежегодно они выводят потомство*

расселяют по окрестным озерам и уток. Так обогащается фауна Пуши и водоемов, расположенных за ее пределами.

Пернатых хищников здесь разнообразие. Нам показали несколько гнезд ястребов и соколов, но есть в Пуше и другие виды — осоед, орел-карлик, сокол-сапсан (редкие), а также канюк, ястребы—тетеревиатник и перепелятник (массовые).

Всего орнитологи насчитали 20 видов пернатых хищников. В сосновых борах на вершинах мачтовых сосен мы видели гнезда сапсанов. По соседству с обычным черным коршуном селится и западный вид — красный коршун. В глубине леса на толстых нижних суках старой сосны можно обнаружить гнездо молчаливого и скрытного орла-змееяда; своих птенцов он кормит гадюками, веретеницами и ящерицами. В елово-ольховых лесах живут канюк, малый подорлик, ястреба.

Канюк, или сарыч, — самый многочисленный хищник Беловежской Пуши. Несколько десятков его гнезд находят здесь ежегодно. Сохранился и малый

подорлик, всего несколько десятков пар. Нам рассказали, что весной над лесом можно наблюдать красивые брачные игры этих птиц, сопровождаемые мелодичным клекотанием.

Несмотря на видовое разнообразие, общее количество хищных птиц в Беловежской Пуще уменьшается. Дело в том, что вокруг интенсивно осушаются болота, землю отводят под сельхозугодья. Поля обрабатывают ядохимикатами, и они попадают в организм грызунов, которыми питаются хищные птицы. Из-за этого многие птицы гибнут. Уже очень редко можно встретить сапсана, чеглока, змееяда.

Путешествуя по Пуще, мы довольно часто видели воронов. Чем это объяснить?

— По нашим подсчетам, — объяснил орнитолог, — их численность здесь возросла в 17 раз. Так всегда бывает, где становится меньше хищных птиц.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ ИЗ СЕБЯ ЛЕТУЧИЕ МЫШИ?

Как известно, летучие мыши — млекопитающие. Это единственные крылатые звери. В процессе эволюции у них передние лапы преобразовались в крылья и выработался необычный способ ориентации в пространстве. Активны эти животные только в сумерках и ночью. Ориентация их в полной темноте поразительна. Издавая ультразвуки в диапазоне от 30 до 80 тыс. Гц, они воспринимают отраженную окружающими предметами звуковую волну. Таким образом, летучие мыши как бы видят ушами. Последними опытами установлено, что они способны обходить препятствия, можно сказать, микроскопических размеров — тонкую проволоку сечением две десятых миллиметра. Эхолокация не только дает возможность мышам ориентироваться в полной темноте, но и обеспечивает добычу насекомых, которыми они питаются. Летучие мыши, обитающие в нашей стране, совершенно безобидны для человека. Чаще всего они поселяются в дуплах старых деревьев, в пещерах, на чердаках домов, башен или колоколен.

Сегодня отношение к пернатым хищникам, без исключения, однозначное: абсолютная охрана. Беловежская Пуща — один из островков спасения хищных птиц.

Заповедные маршруты

В Беловежской Пуще не только обогащают фауну новыми видами, как это было с лебедями-шипунками, но и восстанавливают те виды, которые здесь когда-то обитали, но по тем или иным причинам исчезли. Так случилось с бобрами.

Бобры обитали здесь с давних времен, но в XIX в. были истреблены. В начале 50-х гг. прошлого столетия из Воронежского заповедника сюда завезли несколько пар этих зверьков, и сейчас их здесь уже более полусотни. Обосновались они по берегам тихих лесных речек.

Подъехав к одной такой речке, на противоположном берегу мы увидели довольно крупное бобровое поселение — высокий конус из веток и небольших бревнышек. Оператор снял бобровую хатку, точнее только ее верхнюю часть, потому что жилая камера находится под ветвями, в земле. Увидеть бобра днем почти невозможно. Это ночной зверек, и из убежища он выходит лишь в сумерках.

Живут бобры семьями, в одной бывает от 5 до 12 зверьков. Приходит время, и зверьки, достигшие 2—2,5 года, покидают семью (обычно это происходит весной), но часто селятся рядом.

Это самые крупные грызуны на территории Белоруссии, в длину они бывают до 1 м, а весят до 20 кг. У бобров мощные резцы, скорость роста которых около 1 мм в сутки. Если бы бобры их не стачивали, то за месяц они увеличились бы на 3 см.

Летом бобры кормятся сочной луговой травой, околотоводными и водными растениями. Поедают кра-

пиву, тростник, камыш, рогоз, кувшинки. Осенью переходят на питание древесными породами, валят очень много деревьев. Одна семья может срубить за осень более 100 осин диаметром до 30 см. Известны случаи, когда бобры заваливали деревья более полу-метра в поперечнике.

Вода — стихия бобров. Они прекрасные пловцы и ныряльщики. Под водой бобр может пробыть до четверти часа, не всплывая. Плотный густой мех отменно предохраняет его от воды и зимних холодов. И конечно же бобры — великолепные архитекторы и строители. Они сооружают хатки, плотины и каналы, по которым сплавляют корм и строительный материал.

В Беловежской Пуще обнаружены конусы из веток до 2 м высотой. Свое жилье звери надежно укрывают от хищников и непогоды. Расселяются бобры по всем водным угодьям Пущи. Это говорит о том, что условия для них здесь благоприятные.

Путешествуя по Пуще, не перестаешь удивляться тому, как она благоустроена. Великолепные просеки издавна сочетаются с полным покоем внутри лесных «кварталов». Противопожарные вышки, хорошая связь, безупречные дороги и мосты — все это уже стало традицией. Дома лесничих и лесников даже в самых отдаленных уголках Пущи в отменном состоянии. Всего здесь 13 лесничеств. И у каждого свое лицо, свой нарядный домик, оригинальное оформление. С большим вкусом сделаны беседки у дорог. Они не инородное тело в лесном ландшафте, а вписываются в него, не нарушая гармонии дикой природы. Во всем этом видна забота и изобретательность тех, кто здесь живет и работает.

Проезжая по дорогам, мы то и дело встречали кабанов, пересекающих дорогу впереди нашей машины. Однажды стремительно пробежал европейский олень. Видели и табунок косуль, которые грациозно промчались мимо нас буквально в несколько прыжков.

В Пуще постоянно живут несколько выводков волков. В каждом из них — от 5 до 10 особей. Эти хищники наносят существенный урон поголовью других диких животных

Немалый урон поголовью косуль, благородных оленей, лосей и кабанов наносят волки. Ежегодно в Пуще находят несколько волчьих выводков, и в каждом из них от 5 до 10 волчат. Нетрудно представить, сколько им нужно еды. Всего же здесь не менее сотни волков. Для регулирования их численности хищников ежегодно отстреливают в охотничьих зонах.

— Нельзя допустить, чтобы волки сильно размножались, — считает главный охотовед Пущи, — иначе они много бед принесут. Но истребить всех хищников мы тоже не в состоянии. У нас есть абсолютно заповедная зона, где волки чувствуют себя вольготно, и там мы их не трогаем. Если в Пуще десятка два волков — это терпимо.

В глухих лесных чащобах обитают рыси. По подсчетам охотоведов, этих хищников здесь около тридцати, и главный охотовед заметил, что такого количества для Пущи достаточно.

Сони — грызуны крупнее мышей и напоминают миниатюрных белок. В Беловежской Пуще чаще дру-

гих встречаются лесные сони. Несколько реже можно увидеть самую крупную из сонь — соню-полчок, а еще реже — орешниковую соню. Эти зверьки питаются желудями, орехами, ягодами. В их меню также насекомые, черви, яйца мелких птиц.

Сони — типичные ночные животные и днем отдыхают в укрытиях. Чаще они селятся в дуплах, пнях, между корнями деревьев или в птичьих гнездах. Иногда заселяют скворечники и дуплянки, изгоняя птиц. По совету главного охотоведа мы вскоре и подъехали к одной из таких дуплянок. Сняли дуплянку с дерева. В ней оказалась взрослая лесная соня и несколько ее детенышей. Трогательное зрелище! Соня не убегала, но испуганно смотрела на нас огромными глазами все время, пока оператор ее снимал. После этого мы осторожно поместили дуплянку на место и пожелали семейству спокойного дня.

Да, снять сонь несложно, когда знаешь, где их гнездо. А как снимать косуль, благородных оленей, кабанов? При встречах на дорогах они бывают в поле зрения считанные секунды. Более того, бегут они из одного темного леса в другой, такой же темный. Единственная надежда — демонстрационные вольеры, где находятся эти крупные звери. Вольеры просторные. В сущности, это небольшие территории леса, огороженные высоким сетчатым забором, чтобы животные не могли убежать, да и туристы могут приблизиться к ним. Ведь можно несколько дней путешествовать по Пуще, так и не увидев ни одного зверя, хотя их здесь довольно много. Каждое животное чутко реагирует на вторжение пришельца и старается скрыться от посторонних глаз. Туристы же приезжают сюда на несколько часов, и им, конечно, хочется увидеть зверей, которые здесь обитают.

Животные в вольерах на виду. За ними можно наблюдать, посмотреть, как их кормят. В определенные часы животным привозят сено, ветки, комбикорма.

Все они сосредоточиваются недалеко от ограды и кормушек. Можно рассмотреть взрослых особей и их потомство, сделать фотоснимки на память.

Звери в таких просторных вольерах обитают в условиях, близких к естественным. Мы сняли всех животных, которые там находились. В одной из вольер жила ручная косуля. Ее подобрали в лесу еще детенышем, выходили, и теперь она обитает здесь. Косули — постоянные обитатели здешних мест, но их численность колеблется, и довольно существенно. Большой урон поголовью нанесли снежные и морозные зимы. Хорошо, что сейчас численность косуль восстанавливается.

Тарпаны, кабаны и олени

Кабан тоже одно из главных действующих лиц Беловежской Пути. Им отведена одна из вольер. Кабаны привыкли к людям, подходят к ограде, берут корм, даже разрешают посетителям почесать им бок или морду.

Егерь, который ухаживает за кабанами, разрешил нашей съемочной группе войти в загон и снять животных с близкого расстояния. Но кабаны попрятались в зарослях. Пришлось им выложить подкормку, чтобы они оттуда вышли. Если проявить осторожность и не делать резких движений, то кабаны могут подойти и взять корм с руки. Вскоре животные привыкли к нашему присутствию. Оператор смело расхаживал среди них и снимал нужные кадры.

С кабанами произошел здесь такой любопытный случай. Во время бури упала вековая сосна и выломала часть ограды в загоне, где обитали кабаны. Утром загон оказался пустой. Но через день здесь снова появились кабаны. Оказалось, что в загон зашли дикие кабаны из леса, а не те, которые здесь жили. Так и остались они в этом загоне. А те, домашние, боль-

ше не появлялись. Видимо, свобода пришлась им по вкусу.

Кабаны — исконные обитатели Пуши. Мы их не раз видели, проезжая по лесу. Следы их деятельности можно наблюдать повсюду. Эти неутомимые «пахари» перерывают большие площади леса и лугов в поисках сладких корневищ и дождевых червей. С 1 м² кабап добывает до 500 г корневищ и более 100 г дождевых червей. Звери собирают желуди, орехи лещины, плоды диких фруктовых деревьев, не прочь полакомиться и мелкими грызунами, яйцами птиц, ящерицами, лягушками.

Вечерами или по утрам, сообщили охотоведы, большие стада кабанов можно видеть на приречных лугах и у опушек леса. Крупные секачи держатся поодаль, а самки с поросятами образуют общие стада.

Кабаньи лежки находятся обычно в глухих местах, среди бурелома. Самки перед опоросом устраивают уютные логова, патаскивая в них кучи веток, мох, тростник. Первые две недели поросята проводят в этом гнезде. Потом самка уводит их в стадо. В местах, где держатся кабаны, всегда есть «купалки» — ямы, наполненные водой и грязью.

Значение кабана в жизни леса велико. Взрыхляя большие площади земли, кабаны способствуют заделке в почву семян деревьев и тем самым возобновлению древесных пород. Благодаря им происходит смена древесных пород, в частности смена дубовых лесов еловыми и березовыми. Велика роль кабанов в уничтожении вредителей леса, особенно личинок майского жука. Но если численность кабанов превышает норму, они начинают наносить вред лесу.

Главный охотовед Пуши показал нам площадки и смотровые вышки, откуда ведется учет кабанов и других животных. В Пуше сейчас около 2 тыс. кабанов. Желających приобрести беловежских кабанов немало. Ежегодно сотни этих животных переселяют в различ-

*Кабаны — исконные обитатели Пущи.
Сегодня здесь их более 2 тыс.*

ные районы Белоруссии и за ее пределы. В суровые зимы кабанов подкармливают. На кормовые площадки вывозят комбикорма, свеклу, картофель, веники, соль. Так человек помогает выжить кабанам в пору бескормицы.

Европейский благородный олень — украшение Беловежской Пущи. Судьба этого вида в чем-то схожа с судьбой зубра. Дело в том, что олени были здесь истреблены еще в XVIII в. Спустя 100 лет их завезли сюда из Германии, и теперь они расселились по всему лесу. Их более 2 тыс. голов, и местная кормовая база еще способна обеспечить такое количество животных. При большей численности олени начнут наносить вред лесу — так считают ученые, поэтому излишки вывозят в другие регионы Белоруссии, а также за ее пределы — в Россию, Литву, Латвию и на Украину. Уже вывезены более 1000 оленей.

Увидеть этих пугливых животных в естественных местах обитания нелегко. Чаще всего их можно встретить на опушке леса или у водопоя, а зимой — у кормушек с душистым сеном и корнеплодами. В пе-

Некогда в лесах Беловежской Пущи обитали лесные тарпаны, но со временем были полностью истреблены. Сегодня этот вид решили восстановить. Пока в заповеднике находятся необычные лошади — тарпановидные

риод рева, в сентябре или октябре, на утренних или вечерних зорях можно услышать трубные голоса красавцев-рогачей.

У вольеры, где живут европейские благородные олени, мы были свидетелями эффектного зрелища. Вольера эта перегорожена на две части высоким забором. Так вот, в середине верхняя часть секции упала, и осталась только низкая перегородка. Олени в удивительно красивом и высоком прыжке легко преодолевали эту преграду. Но как снять такие кадры? Оператор предложил свой вариант: он подойдет к этому проему в ограде, заляжет с камерой, и олени не будут его видеть. Загонщики погонят животных из одной вольеры в другую, и он сможет снять их во время преодоления препятствия. Так все и получилось. Ему удалось запечатлеть удивительно красивые прыжки оленей.

Большим успехом среди посетителей Беловежской Пущи пользуется вольера, в которой находятся

Благородные олени, лоси и косули — всех этих животных можно увидеть в демонстрационных вольерах заповедника.

На снимке — косуля

необычные, тарпановидные лошади. Некогда в лесах Пущи обитали лесные тарпаны — небольшие лошади серой масти, с черными гривой и хвостом и черным ремнем вдоль спины.

В отличие от других лошадей тарпан жил в лесах. Населял он Центральную Европу, где был истреблен в Средние века или раньше. В Беловежской Пуще лесные тарпаны встречались еще в XVIII в. До начала XIX в. они сохранились только в одном зверинце, куда были завезены из Пущи. Но потом их раздали крестьянам, которые использовали этих животных на сельскохозяйственных работах.

В 30-х гг. XX в. в Польше среди крестьянских лошадей стали выбирать тарпановидных особей, которые сохранили черты лесного тарпана. Путем отбора провели работу по восстановлению лошадей с обликом тарпана, и этим лошадям предоставили полную свободу. Они жили в лесу круглый год, и лишь в самое тяжелое время зимы их подкармливали.

Сейчас такие животные, имеющие облик дикого лесного тарпана, живут в питомнике Беловежской Пуши, только их называют не тарпанами, а тарпановидными лошадьми.

Входим в вольеру к лошадям. Они разрешают не только приблизиться к себе, но и погладить их по спине и морде. Как и все лошади, эти тоже с удовольствием угощались сахаром. Никаких следов «дикости» в их поведении мы не заметили. Сохранился лишь облик их дикого собрата.

Заповедных хозяйств в Белоруссии и за ее пределами, желающих приобрести этих лошадей, немало. Сегодня часть потомства тарпановидных лошадей передают в другие заповедники. Работа по воссозданию лесного тарпана продолжается.

Мы поинтересовались: не привлекает ли обилие диких животных любителей легкой наживы, браконьеров. Было приятно услышать, что в Пуше не знают слова «браконьер». Каждый незаконный выстрел в здешних лесах — это ЧП. Природные богатства надежно охраняют лесники, егеря и все те, кто здесь работает.

Чем ценен опыт Беловежской Пуши? Здесь впервые стали применять отлов и перевозку крупных животных, разрабатывались нормы подкормки животных, методы учета их численности. Пуца — научный центр по изучению зубра. Несколько международных совещаний по этой проблеме проходило здесь.

Немало делается работниками заповедно-охотничьего хозяйства и по пропаганде идей растительного и животного мира. Здесь есть Музей природы. Около 200 тыс. человек ежегодно посещают Беловежскую Пуцу, приобщаясь к сокровенным тайнам живой природы.

Совсем недавно решением правительства Белоруссии Беловежская Пуца стала национальным парком. В сущности, этот заповедный край таким

уже был многие годы. Теперь любители природы могут познакомиться с растительным и животным миром этого уникального уголка природы Белоруссии.

Природа Казахстана

Казахстан, без преувеличения, край удивительный. Единый образ природы этих мест соткан из разнообразных контрастов. Реки и водопады соседствуют с высыхающими руслами древних рек. Студеные горные озера находятся рядом с такырами — растрескавшимися плешинами пустынных равнин. Горные роши расположены рядом с душными тугаями. А прохладные альпийские луга раскинулись недалеко от дюн, обжигающих горячим песком.

На территории Казахстана обнаружено немало уникальных явлений природы. Одно из них — степное озеро Тенгиз, которое, по свидетельству ученых, обязано своим появлением упавшему в древности гигантскому метеориту. А в окрестностях курорта Аяк-Калан можно слушать «концерты» самых крупных в стране поющих барханов. На полуострове Мангышлак обнаружена вторая глубокая впадина — Карагис, ее глубина 132 м ниже ур. м.

В Казахстане 11 тыс. рек и озер. Здесь и самое большое в мире озеро — Каспийское море.

Разнообразие ландшафтов и условий обитания предполагает и обилие видов флоры и фауны. Достаточно сказать, что здесь обитает 150 видов млекопитающих и более 450 видов птиц.

К сожалению, освоение новых территорий отрицательно сказывается на видовом разнообразии животных и их численности. Многие из них стали редкими, а некоторые оказались на грани исчезновения.

На территории Казахстана обнаружено немало уникальных явлений природы. В окрестностях Аяк-Калана, например, можно слушать «концерты» поющих барханов

В Красную книгу Казахстана занесено 87 видов животных и 305 видов растений. Из редких видов животных следует упомянуть снежного барса, гигантского слепыша, красного волка, реликтовую чайку, селевинию.

В Алма-Атинском зоопарке

Зоопарки в наши дни — это не только культурно-просветительные и научно-исследовательские учреждения, но и важные резерваты, где нашли убежище многие редкие и исчезающие виды животных. Именно в зоопарках были сохранены от полного истребления зубры, лошади Пржевальского, олени Давида, гавайские казарки и другие виды. Эти же задачи решаются и в Алма-Атинском зоопарке. Его директор Кумек Альмембасв провел нас по территории зоопарка и познакомил с наиболее ценными его обитателями.

*Для дикобразов в зоопарке созданы хорошие условия,
и они стали приносить потомство*

Территория зоопарка небольшая, всего 20 га, и всюду аккуратные клетки для животных, просторные вольеры. Зоопарк славится тем, что здесь немало редких видов.

— Сколько у вас таких животных?

— Более 40 видов. Это редкие хищные птицы — бородач, беркут и кумай, целая стая фламинго, есть архары, винторогие козлы, гиены.

— Они размножаются в неводе?

— Многие стали приносить потомство, ведь наша главная задача — создать редким видам условия для размножения.

— Куда будете девать приплод?

— Часть будем передавать в другие зоопарки Казахстана. Станем обмениваться редкими видами и с зоопарками других стран. Кстати, у нас очень хорошие отношения с Московским зоопарком. А некоторые виды будем выпускать в природу — в те места, где они жили раньше.

В зоопарке хорошая группа дикобразов. Эти крупные грызуны обитают в просторных вольерах. Всего

несколько лет назад здесь стала жить пара дикобразов, и вскоре у них появилось потомство. А теперь есть уже внуки и правнуки.

Даже в просторной вольере снимать их было очень трудно. Животные забивались в угол или прятались в укрытие. Работники зоопарка отловили несколько особей и вынесли их на небольшую лужайку, чтобы оператор мог снять их крупным планом.

Директор зоопарка рассказал о том, что в Казахстане дикобраз стал исчезающим видом, поэтому его занесли в Красную книгу страны.

Поражает необычная внешность этого грызуна. Почти весь он утыкан острыми иглами от 3 до 30 см длиной. Их на теле зверька не так уж и мало — около 30 тыс. Они полые и удивительно легкие: все, что носит на себе дикобраз, весит около 100 г. Достаточно едва уловимого прикосновения к одной из колючек, чтобы мгновенно напряглись все иглы. А это — грозное оружие защиты. Мать смело защищает своих детей, хотя они и сами могут постоять за себя. У месячных малышей иглы такие же острые, как и у родителей.

На лужайке дикобразы быстро освоились и приступили к поискам корма. В природе они питаются различными плодами диких и фруктовых деревьев и кустарников. Заходят на картофельные поля, лакомятся сладкими клубнями. Посещают бахчи и огороды.

— Где они обитают?

— В основном в горных районах. Роют глубокие норы, поэтому дикобразов образно называют горнопроходцами. Глубина входов в их подземные жилища несколько метров, а длина тоннелей с гнездовыми камерами превышает 10 м.

— Отловить их не так-то просто.

— Эти зверьки могут за себя постоять. Давайте подойдем к взрослому самцу.

По мере нашего приближения дикобраз постепенно превращался в большой колючий шар.

На скальных уступах встречаются гнезда редких пернатых хищников — соколов-балобанов

— Ближе не подходите, — посоветовал директор. — Он может пустить в ход свои иглы. Мне однажды довелось наблюдать в горах, как охотилась за дикобразом лисица. Тот убегал, но лисица его догоняла. Вот между ними расстояние в 1 м. Дикобраз неожиданно затормозил. Лисица не успела среагировать и с силой наткнулась на иглы. Несколько игл осталось в ее мордочке.

— Укол их, видимо, болезненный?

— Еще бы. Не каждый зверь может их вытащить. Иглы обламываются, раны долго не заживают. Бывает так, что после встречи с дикобразом хищник на всю жизнь остается инвалидом.

Дикобраз — зверь оседлый, очень привязан к своим норам и дальних миграций не совершает. Ведет ночной образ жизни. Хотя зимой выходит покормиться и днем. В зимнюю спячку, как сурок и другие грызуны, не впадает. Но в холодное время года активность у него снижается.

И все же, почему произошло резкое снижение численности дикобразов в Казахстане? Есть причина, которая имеет естественный характер. В суровые снежные зимы, когда земля промерзает на большую глубину, биологи наблюдали массовую гибель дикобразов. Такие зимы в Казахстане бывают периодически. Но это не главная причина. Сейчас все больше досаждают этому зверю собаки чабанов. Раньше на дикобразов охотились. Теперь охота запрещена, но кое-где их все-таки добывают браконьеры: ценится вкусное мясо этих животных. Вот почему уже сегодня в тех местах, где еще сохранились дикобразы, нужно создать сеть охраняемых территорий.

— А как дикобразы переносят неволю?

— Размножение в неволе — первый признак того, что им здесь комфортно. Они быстро привыкают к людям, откликаются на зов, берут корм с рук. Приплод будем расселять.

Дикобразов отловили сачками, посадили в деревянные ящики и водворили на место — в просторные вольеры.

Алма-Атинский зоопарк — один из немногих в мире, где размножаются пернатые хищники. И среди них есть редкие, например бородачи. Мы попросили показать нам семейку птиц, которые из года в год обзаводятся потомством. К большой клетке в виде

Алма-Атинский зоопарк — один из немногих в мире, где размножаются пернатые хищники. Среди них есть и редкие, например бородачи

огромной полудыни нас подвела заместитель директора по науке Раиса Анатольевна Балахнова.

— То, что бородачи стали размножаться, это обычное явление или редкое? Размножаются ли другие хищные птицы в неволе?

— Соколы, особенно балобаны, приносят потомство во многих зоопарках мира, а вот бородачи размножаются только у нас.

— Сколько этих хищников в зоопарке?

— Пять особей.

— Как вы объясните такое явление, как размножение бородачей в неволе?

— Удачным подбором пар. Мы также стимулируем их инстинкт гнездостроения. Видите, сколько в этой клетке палочек, прутьиков, веточек.

— Когда они приступают к откладке яиц?

— Зимой, в самые морозные дни. В кладке бывает несколько яиц, но птицы оставляют только одно, остальные расклевывают. На свет появляется всегда один птенец.

В просторной клетке сооружена довольно внушительных размеров пирамида из камней. На вершине, в уютном закутке, пара бородачей и птенец. Птицы, как нам сказали, привыкли к людям, наше появление их не тревожит. Вот на слабые ножки поднялся белый пуховичок.

— Это какой по счету птенец?

— Восьмой. Надо сказать, что это очень удачная пара бородачей.

— Сколько лет они живут вместе?

— Более 10 лет. Когда их поместили в одну клетку, сотрудники заметили, что птицы проявляют интерес друг к другу. Тогда их перевели в просторный вольер, дали строительный материал, и они загнездились.

По соседству, в другой вольере, обитала еще одна пара бородачей. И у них в гнезде тоже был птенец.

— А это что за пара?

— Это все дети первой пары — наше богатство, наш генофонд.

— Вы часто их видите. Не заметили чего-либо интересного в их поведении?

— Это моя любимая пара. Очень заботливые родители. Зимой, если очень холодно, они обогревают птенца, а летом прикрывают его от солнца и дождя.

— Чем вы их кормите?

— В их рационе — мясные отходы. Даем им и живой корм — мышей, мелких горных зверьков. Видели бы вы, как родители кормят птенца. Сколько заботы, нежности в их поведении!

— Какую задачу вы ставите перед собой, выращивая хищных птиц в неволе?

— В перспективе, когда птиц станет больше, мы будем выпускать их в те места, где они когда-то обитали, но по каким-то причинам стали редкими или исчезли. Задача эта непростая, но мы над ней работаем. И еще мне хотелось сказать вот о чем: Казахстан — родина многих редких хищных птиц. Здесь обитают орлы,

*Гиганты среди пернатых хищников — черные грифы.
Эти птицы стали очень редкими*

беркуты, орланы, соколы, грифы. Я думаю, что настало время охранять не только тех пернатых хищников, которые попали в Красную книгу, но и всех хищных птиц.

Сотрудники зоопарка говорили нам о том, что сейчас они ведут поиск еще одной пары бородачей, которые бы приняли друг друга и регулярно давали потомство. Это очень важно, ведь в Казахстане осталось всего около 150 пар этого вида. Почему так мало? Потому что в недалеком прошлом вели отстрел всех хищных птиц. Бородачей усиленно преследовали чабаны, которые считали их охотниками за ягнятами. Не зря к бородачам прочно приклеилось название «ягнятники». Но такого обвинения они не заслуживают. Эти хищные птицы ягнят не трогают, питаются в основном падалью, подбирая останки погибших животных. Несомненно, эти пернатые хищники — полезные птицы, настоящие санитары высокогорий.

Не исключено, что некоторые бородачи попадают в капканы, установленные рядом с падалью и предназначенные для отлова волков и лисиц.

Что необходимо предпринять для спасения этих редких пернатых? Прежде всего усилить борьбу с браконьерами. Нужно вести разъяснительную работу среди чабанов, охотников и туристов о пользе, которую приносят бородачи, поедая падаль. Обязательно создавать подкормочные площадки в местах обитания бородачей.

Пришло время организации вольерного центра по разведению этих хищников в неволе. Опыт Алма-Атинского зоопарка в этом важном деле обнадеживает.

Места заповедные

Наиболее эффективно природа охраняется в заповедниках. Их в Казахстане сейчас шесть, но на очереди создание новых заповедных мест.

Нас пригласили посетить Алма-Атинский заповедник, который расположен недалеко от Алма-Аты. Организован он был в 1931 г. Судьба этого заповедника, как и многих других, драматична: в 1951 г. он был закрыт. Восстановили его только спустя десятилетие, в 1961 г.

Раскинулся он в центральной части Заилийского Алатау и в пустынной зоне левобережья реки Или, на площади почти 90 тыс. га. Есть здесь леса — более 6 тыс. га, луга — 70 га и водосмы — на 50 га заповедной территории. Остальное — горы, над которыми возвышается пик Талгар высотой более 5 тыс. м над ур. м.

В горной местности проезжих дорог очень мало. Сотрудники заповедника перемещаются на лошадях. Нас сопровождали егеря Мусахан Самсыбаев и Даржибек Умбетов. Они старожилы заповедника, хорошо ориентируются в горах, знают звериные тропы.

На территории заповедника три растительных пояса: лесостепной, субальпийский и альпийский. Мы

Казахстан — край удивительный: природа здесь собрала воедино все ландшафты. В горах удобнее всего передвигаться на лошадях

путешествовали в нижней части лесной зоны на высотах от 1 до 2 км.

На лошадях вдоль горного ручья поднимаемся к верхней границе леса. На взгляд, до нее рукой подать, но на это уходит целый день. Вдоль ручья и по склонам гор обилие диких яблонь, абрикосовых деревьев и боярышника. Немало кустов шиповника, облепихи и барбариса. В низинах кустарник плотной стеной обступает осины и ивы.

Чистый горный воздух, запахи разнотравья, тихий говор горного ручья, голоса птиц, обитающих в зарослях, кружение одинокого пернатого хищника в поднебесье — все это остается в нашей памяти навсегда. Ведь таких диких мест, не тронутых хозяйственной деятельностью человека, остается все меньше.

Минуем зону лиственных лесов — и перед нами уже темные хвойные леса, состоящие исключительно из ели Шренка с подлеском из рябины и кизильника черноплодного.

Растительный мир заповедника исключительно разнообразен — более 900 видов растений. Сложность

рельефа, мозаичность скал, почв и растительности сказались и на животном мире. В заповеднике обитают более 60 видов зверей и около 200 видов птиц.

В нижней, пустынной части встречаются джейраны и архары. Местами здесь имеются неплохие пастбища, и эти животные держатся там в теплое время года. Но зимой пастбища не в состоянии прокормить их, и звери вынуждены откочевывать за пределы заповедника.

С первого взгляда лесная зона казалась безжизненной, но егеря сказали, что здесь немало зверей. Обитают в этих лесах косуля, марал, встречаются стада кабанов. Однако эти виды нельзя назвать многочисленными. Мешают увеличению их численности глубокие снега и недостаток кормов. А вот тэк, или сибирский козерог, в этих местах процветает. Обитает он у верхней границы леса, в зоне открытых скал и каменистых россыпей, хотя довольно часто спускается в лесную зону.

Немало в заповеднике хищников. Лисица обычна. Она держится в безлесных высокогорьях, где немало грызунов — красных пищух, полевок, лесных мышей, бурозубок. Все эти мелкие животные — потенциальная добыча лисицы, а зимой она промышляет в лесной зоне. Имеются здесь и колонии серых сурков, которые тоже иногда становятся жертвами лисиц или других хищников.

Волки держатся в заповеднике в основном летом, а зимой чаще откочевывают за стадами домашних животных, которые пасутся на горных пастбищах у границ заповедника. Есть здесь немного и белокоготных бурых медведей. Чаще они держатся в густых ельниках, но, когда созревают дикие плоды, спускаются в лиственные леса, где лакомятся абрикосами, яблоками, малиной.

В темных сльниках, мимо которых пролегает наш путь, довольно обычны клесты-словики и жедровки.

В пустынных районах Казахстана довольно обычны сурки

Немало здесь также лесных коньков, тянь-шаньских корольков, джунгарских гаичек. Обычны трехпалый дятел, мохноногий сычик, ястребиная сова. Встречаются ушастые совы и филины. В долине горного ручья мы не раз видели оляпок. Нередки здесь синяя птица и индийская пеночка.

С интересом узнаем, что в заповеднике обитают бородачи. Но сколько этих редких пернатых хищников в горах, никто не знает. Может, одна пара, а может, и больше. Зато немало уларов, горных куропаток-кекликов, тетеревов и даже фазанов.

Вскоре мы остановились па привал. Егеря решили попотчевать нас чаем. Лошадей отвели на небольшую поляну с высоким разнотравьем, но они были у нас на виду: все-таки хищников здесь немало. Вряд ли кто из них решится напасть на лошадей, однако испугнуть могут.

В заповеднике у нас была встреча с очень интересным человеком — кинорежиссером-оператором студии «Казахфильм» Вячеславом Беляловым. Мы много лет знали его по великолепным фильмам о природе Казахстана. И вот встретились. Более 20 лет отдал он любимому делу: съемкам фильмов о животных, при-

роде этой страны. В каждом заповеднике у него немало друзей. Незадолго до нашей встречи ему позвонили и сказали, что видели следы снежного барса. Вот Вячеслав и приехал сюда.

Надо заметить, что он один из немногих, кто встречал снежного барса в природе. И пожалуй, единственный среди кинематографистов, кто снял этого редкого зверя.

— Снежный барс, — рассказал нам Вячеслав Беялов, — одно из самых редких животных, которое мне посчастливилось снимать. Встреча с этим хищником целиком зависит от везения. Ведь этот зверь обитает высоко в горах, а там каждый шаг дается с большим трудом. Да еще и кинокамеру со всем остальным приходится тащить на себе.

— Но тебе повезло.

— Помню, с опытным барсоловом мы искали снежных барсов с мая по август. Облазили весь Центральный Тянь-Шань. Нашли одного. А бывало, что и по полгода приходилось жить в горах, чтобы снять барса.

— Как ты считаешь, сколько их в Казахстане?

— Думаю, пар восемь или десять, может, немного больше.

— Надеешься снять их здесь?

— Надеяться всегда надо. Следы их здесь обнаружены, значит, и звери где-то здесь. Тэков в этих местах немало, а они — основная добыча барса. Похожу, посмотрю, может, и удастся снять. Снежный барс — очень красивый зверь, просто чудо природы.

На небольшом костерке у горного ручья вскипел чайник. Егеря заварили чай на местных травах. Чаепитие у костра располагает к воспоминаниям, почти охотничьим рассказам. А тут такая тема — снежный барс.

Это довольно крупная кошка. Длина тела 130 см и огромный, метровой длины хвост. Несмотря на такие внушительные размеры, весит барс всего около 40 кг.

— Это прирожденный альпинист и скалолаз, — рассказывал Вячеслав. — В горах он выбирает самые обрывистые и труднопроходимые места — там легче подкарауливать горных козлов.

— А на других животных нападает?

— Конечно. Спускаясь в предгорья и даже на равнины у подножия гор, он охотится на горных баранов, молодых маралов, косуль, кабанов. Ловит даже сурков и зайцев, кекликов и уларов. Видели, как он охотится на уларов. Ловит птицу уже в воздухе, при взлете.

Мы узнали о том, что у снежного барса два способа охоты. Один из них — скрадывание. Прячась за камнями и скалами, хищник подбирается к добыче метров на десять-двенадцать, после чего делает несколько больших прыжков и настигает жертву. Иногда барс затаивается около тропы, иногда на камне или скале и поджидает какого-либо зверя, который проходит по горной тропе. Хищник прыгает на жертву сверху. Подобная охота называется подкарауливанием.

Промахнувшись или не догнав добычу сразу, барс вскоре прекращает преследование. Когда животных мало и успешная охота не удастся, хищники приближаются к фермам. Изредка нападают на отары и пытаются утащить овцу или козу. Чаще это случается зимой, потому что глубокий снежный покров затрудняет передвижение хищников и их охоту.

— Вячеслав, а на людей барсы нападают?

— Мне не известно о таких случаях. Может, егеря что-нибудь знают?

— Нет, мы тоже не слышали о нападении снежных барсов на людей, — ответил Мусахан Самсыбаев. — Нам рассказывали чабаны, что даже раненый барс из последних сил старается уйти в безопасное место. Несколько лет назад на одном из кордонов заповедника произошел такой случай. В домик лесника зашел снежный барс. Конечно, жильцы были напуганы. Но зверь вел себя мирно. Как оказалось, он был старый,

не мог уже охотиться, выглядел худым, истощенным. Лесник кормил его несколько дней, но все же вскоре барс умер.

Нам рассказали, что на снежных барсов раньше охотились. В начале XX в. только в Казахстане ежегодно добывали несколько сотен этих красивых кошек. Это свидетельствует о былой многочисленности зверя.

Снежный барс, или, как его еще называют, ирбис, занесен в Красную книгу Казахстана, однако чабаны и охотники по-прежнему отстреливают этого зверя. Трофей соблазнительный: очень высоко ценится шкура хищника. Да и отношение пастухов к зверю, наверное, еще долго не изменится. Барс, как и раньше, будет для скотоводов вредным хищником.

Территория, где обитают снежные барсы, довольно обширна. Их ареал простирается от Памира и Западного Тянь-Шаня до Восточных Саян. По самым оптимистичным подсчетам, здесь живут около 200 барсов, т.е. один зверь на территории площадью более 100 км².

ГДЕ ОБИТАЮТ СКОРПИОНЫ И ОПАСНЫ ЛИ ОНИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

На Земле обитают около 500 видов скорпионов. Размеры у них самые разные, от 1 до 20 см. Самые крупные – тропические виды. В странах СНГ обитает 12 видов скорпионов. Они живут в Крыму, на юго-востоке европейской части России, на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. На вопрос, насколько опасны скорпионы для человека, трудно ответить однозначно. Все зависит, какой скорпион вас ужалил. Одни из них более ядовитые, другие – менее. Когда очень жарко, днем, укус скорпиона действует сильнее, а в холодную погоду, ночью, значительно слабее. Вообще укусы большинства скорпионов болезненны для человека, но не смертельны. Смертельными иногда бывают укусы только крупных тропических скорпионов. Дети обычно тяжелее переносят укус, чем взрослые. Когда скорпион ужалил, появляется боль, возникает опухоль, наступает сонливость, озноб, иногда повышается температура. Через 1–2 дня все эти явления, как правило, исчезают и наступает выздоровление.

В Казахстане, по данным биологов, осталось около 20 пар этих горных хищников — ничтожно мало. А Вячеслав Белялов назвал нам еще меньшее число. Если сохранится пресс на этих животных — браконьерская охота, эти удивительные кошки могут вовсе исчезнуть из природы Казахстана.

Сохранение ирбисов — на совести каждого, кто бывает с ружьем в местах их обитания. Нужно помнить, что воспроизводство потомства у барсов очень низкое. Самка не каждый год приносит детенышей, а лишь раз в два года. В помете обычно бывает от 1 до 3 котят.

В последние годы зоопарки стали важными центрами по воспроизводству снежных барсов. В 1970 г. во всех зоопарках мира насчитывалось около 100 барсов, а сейчас их уже более трехсот. Увеличение произошло в основном за счет малышей, родившихся в зоопарках. В неволе ирбисы очень быстро привыкают к человеку.

Барсам, которые живут в зоопарках, периодически нужен приток свежей крови, в основном от животных из дикой природы. Для нужд зоопарков в Казахстане ежегодно отлавливают несколько ирбисов.

И все же главное — сохранить снежных барсов в естественных местах обитания. В этом отношении незаменимы заповедники.

У казахских орнитологов

Тайны птичьих кочевий изучают орнитологи Института зоологии Академии наук Казахстана. Доктор биологических наук Эдуард Иванович Гаврилов пригласил нас побывать на стационаре, который находится недалеко от Алма-Аты, у озера Сорбулак.

Конец апреля в этих местах — разгар весны. Полыхают цветы урюка, деревья покрылись листвой, все вокруг зазеленело, зацвело. И вдруг случилось непред-

виденное. После двадцатиградусной жары резко похолодало. Ночью было -8°C и выпал снег.

Утром город не узнать. Листья почернели, цветы осыпались. Эдуард Иванович сказал, что такого здесь не было лет сто. Его очень беспокоило, что там с птицами. Многие ведь уже обзавелись кладками, а у некоторых появились и птенцы. То, что мы увидели у озера, нас буквально потрясло. Кладки и птенцы погибли. Для птиц такое резкое похолодание и обильный снегопад — настоящее бедствие.

Человек не в силах был помочь пернатым. Слишком большие масштабы катастрофы. Но орнитологи были уверены, что жизненные силы природы обязательно проявят себя. После того как сойдет снег, птицы снова сядут на гнезда. Время для выведения потомства у них еще есть.

Снежный покров, действительно, к вечеру растаял почти полностью. Десятки говорливых ручейков потянулись к озеру.

— Эдуард Иванович, это озеро естественного происхождения?

— Нет, оно создано человеком. В этом месте естественная котловина. За несколько лет она заполнилась бытовыми сточными водами, а раньше здесь была пустыня. Когда пришла вода, в этом месте быстро сформировался целый мир со своим растительным и животным сообществом. Особенно много здесь птиц.

— Сколько видов вы здесь насчитали?

— Мы обнаружили около 250 видов. Много уток, чаек, лысух, трясогузок, ласточек-береговушек.

— Они постоянно здесь обитают?

— Одни гнездятся, другие бывают на пролетах. За птицами мы ведем наблюдения, отлавливаем их, кольцуем, проводим и другие исследования.

— Как вы отлавливаете птиц?

— Ловушками, паутинными сстями. Если птиц скапливается много, применяем пушечные сети.

— Какие виды здесь самые массовые?

— Утки, чайки и трясогузки. Встречаются и редкие — журавли-красавки. На пролетах их здесь скапливается до 12 тыс. В одной стае иногда можно насчитать несколько сотен особей. Пусть вас не смущают эти цифры. Многие тысячи — и вдруг редкие. Численность журавлей-красавок заметно снизилась только за последние годы. Пришлось этот вид занести в Красную книгу Казахстана. Встречаются здесь и редкие орланы-белохвосты. Видели даже скопу, но этих хищников у озера 1—2 пары.

— Где они находят для себя корм?

— В озере много рыбы — это их основной корм.

Надо уточнить, что в этих местах не одно озеро, а два — Большой Сорбулак и Малый. На Малом Сорбулаке глубина около 2 м. Озеро хорошо прогревается. Здесь немало рыбы, которую птицы кормятся. Особенно крупными вырастают сазаны, но много и мелкой сорной рыбы — это хороший корм для водных и околоводных птиц.

Большой Сорбулак глубже, до 16 м. Берега его еще не заросли водными растениями. Птиц там меньше, но это временное явление.

Ученые сказали нам, что они и сами не ожидали, что в этих местах будет такое обилие птиц. Хотя заказник здесь пока не создан, но охранный режим действует: запрещена охота, к озерам не разрешается близко подъезжать на автотранспорте, чтобы не беспокоить птиц и не загрязнять воду нефтепродуктами.

На озерах прочно обосновались и орнитологи. Несколько раз в светлое время суток они проверяют ловушки и сети. Во время обхода обнаружили буланых выюрков, синиц и трясогузок. Ученые их пометили, надев на лапки легкие алюминиевые колечки, взвесили, обмерили и отпустили. Кольцевание уже даст свои результаты. В этих местах отловили краснозобика из

Юго-Восточной Азии, а журавли-красавки прилетают сюда из Индии.

Совсем недавно казахские орнитологи обнаружили новый вид пернатых. Их образ жизни подробно описал старший научный сотрудник Института зоологии Академии наук Казахстана Эрнар Мухтарович Ауэзов. Вместе со своими коллегами он занимался изучением птиц у озера Малый Сорбулак и обнаружил там реликтовую чайку.

— Истины ради, — рассказал Ауэзов, — следует отметить, что отдельные экземпляры этих птиц были известны еще в 20-х гг. прошлого столетия, но никто из орнитологов не считал их самостоятельным видом. Полагали, что это гибрид каких-то чаек, в крайнем случае подвид. Наша заслуга в том, что на озере Алаколь нам удалось обнаружить целую колонию этих птиц. И доказать, что это самостоятельный вид.

— Вы продолжаете изучать этих чаек?

— Конечно. Каждый год я бываю в экспедиции на Алаколе. Многое нам уже известно о жизни реликтовых чаек, но далеко не все. Немало еще предстоит раскрыть тайн в их жизни. Ну вот, к примеру, одна из них. Мы пока точно не можем сказать, где они зимуют. Из сотен окольцованных птиц в наш институт был возврат кольца только из Вьетнама. Случайность это или закономерность? На этот вопрос нам еще предстоит ответить.

ПОЧЕМУ ПТИЦЫ, ЗАСЫПАЯ НА ВЕТВЯХ, НЕ ПАДАЮТ НА ЗЕМЛЮ?

У птиц имеется специальное приспособление, помогающее им удержаться на ветке и во время сна: по задней части цевки проходит сухожилие, которое стягивает вместе пальцы при сгибании ноги. Как только птицу начинает клонить в сон, она приседает на ноги, и сухожилие натягивается, все крепче и крепче стягивая пальцы ног. Таким образом, чем глубже птица погружается в сон, тем надежнее она сидит на ветке.

Озеро Алаколь, где был обнаружен этот вид, довольно большое. Расположено оно между хребтами Тарбагатай и снежными пиками Джунгарского Алатау.

Озерная Алакольская котловина — настоящее царство пернатых, среди них немало редких и исчезающих. Здесь можно встретить розового и кудрявого пеликанов, малую белую цаплю, черного аиста, дрофу, стрепета, серпоклюва, сажу и других редких птиц. Эти места — природная лаборатория орнитологов. В 1968 г. озеро Алаколь преподнесло ученым сюрприз. На одном из островов, Среднем, им стали попадаться птенцы незнакомых чаек. Окраской они напоминали черноголовых хохотунов, но были значительно меньше их. Путем кропотливых исследований удалось доказать, что это не буроголовая чайка, не подвид и не гибрид известных ранее чаек, а самостоятельный вид. За ним и оставили прежнее название — реликтовая, потому что встречается эта чайка очень редко.

Малочисленные колонии реликтовых чаек известны лишь на некоторых озерах мира. В России эти птицы обитают на озере Барун-Торей, которое находится на юге Читинской области. Их там около одной тысячи пар. Столько же и на озере Алаколь в Казахстане.

Для охраны этих редких птиц в 1972 г. на алакольских островах — Среднем, Улькене, Арал-Тобе и Каменном — был создан Алакольский государственный заказник «Реликтовая чайка». Но главный стационар Института зоологии Академии наук Казахстана находится не у озера Сорбулак, а на Чокпакском перевале. Место это привлекло внимание ученых исключительно высокой численностью птиц во время миграций — весной и осенью. Особенно много на пролетах бывает мелких птиц — воробьев, ласточек, скворцов и др. Бывают дни, когда на пролетах насчитывали сотни тысяч пернатых.

Погода не балует человека в тех местах. Штилевых дней весной и осенью очень мало. Обычно по несколь-

ко суток дует ветер со скоростью 40 м/с. При таком стремительном встречном потоке воздуха большинство птиц не могут преодолеть перевал, и тогда некоторые из них, например грачи и галки, преодолевают наиболее ветреные участки пешком. Другие летят на небольшой высоте и с малой скоростью. Именно эту особенность орнитологи используют при отлове птиц. На Чокпакском перевале установлены гигантские ловушки. Входные ворота шириной 40 и высотой 12 м. Через 100 м ловушка заканчивается приемной камерой.

Больше всего ловят мелких птиц, но залетают в сети и хищные. Несколько раз в ловушках оказывались орлы и даже филины. Иногда пролетающие мимо хищники — ястреба, чеглоки, канюки — устраивают охоту на птиц, оказавшихся в ловушке. Они пикируют на них и пытаются схватить через сетку.

В отдельные годы осенью, в теплые дни и при слабом ветре, через перевал в массе летят крупные стрекозы. Как и птицы, они залетают в ловушки тысячами, но их тут же выпускают.

На Чокпакском перевале иногда кольцуют более 10 тыс. птиц в день. А ежегодно здесь кольцуют до 100 тыс. особей. Пожалуй, ни одна другая орнитологическая станция не работает с таким напряжением.

Кольцевание птиц помогает ответить на многие вопросы, например: сколько лет птицы живут? Оказалось, что максимальный возраст белого аиста — 29, а скворца — 15 лет. Мелкие птицы — синицы, воробьи, трясогузки — иногда доживают до 10 лет.

Кольцевание помогло установить, что скворец за день пролетает более 1000 км, а ласточка-касатка за 4 дня — 2000 км. Иногда проходит 10, а то и 15 лет, прежде чем поступит сообщение, где обнаружена та или иная птица.

Казахские орнитологи просили передать их просьбу телезрителям нашей передачи: если кто-то найдет

погибшую птицу с кольцом на лапке, его следует отослать в Институт зоологии Академии наук Казахстана. Кольца также можно направлять в Москву, в Центр кольцевания птиц. Между казахскими и российскими орнитологами давние хорошие отношения, и с этими кольцами ученые обеих стран разберутся. В письме нужно указать дату обнаружения птицы с кольцом — день, месяц, год, а также точное место встречи.

В заповедно-охотничьих хозяйствах

Еще бытует представление об охотничьих хозяйствах как о местах, где только и занимаются тем, что убивают животных. Конечно, в каждом охотничьем хозяйстве ведется охота, но охота рациональная.

В наши дни охотничьи хозяйства — это своеобразные оазисы жизни и научные лаборатории. Мы посетили Карачингильское заповедно-охотничье хозяйство и, признаться, нигде не видели такого обилия диких животных, как там: на сравнительно небольшой территории обитает более 500 косуль и около 600 кабанов, на водоемах обилие водоплавающей дичи. За животными здесь тщательный уход. Их подкармливают, для них сооружают поилки, выкладывают солонцы, лечат, когда они болеют. Одним словом, проводят целый комплекс биотехнических мероприятий. Постоянно обогащается фауна заповедно-охотничьего хозяйства. Как иногда легко свести на нет тот или иной вид животных и как трудно потом его восстановить! Некогда в тугайных лесах Казахстана водились в изобилии семиреченские фазаны — подвид обыкновенного фазана. В изобилии мы их видели лишь в Карачингильском заповедно-охотничьем хозяйстве. Но и там вначале ничего не получалось с их разведением в неволе. Пробовали это сделать с дикими фазанами, но они бились в клетках. Проблему помогли решить ор-

нитологи Института зоологии Академии наук Казахстана. Им удалось создать оптимальные условия, при которых фазаны стали размножаться.

В охотничьем хозяйстве сооружен фазанарий, где собрано маточное поголовье семиреченских фазанов. Через несколько лет многие тысячи этих необычайно красивых птиц выпустят в различные регионы Казахстана — туда, где они обитали, но из-за хозяйственной деятельности человека и чрезмерной охоты исчезли. Так благодаря охотничьим хозяйствам восстанавливается фауна дикой природы.

У работников Карачингильского хозяйства недавно появилась новая забота: охрана и разведение редких видов животных, занесенных в Красную книгу Казахстана. Один из таких видов — бухарский олень. С директором хозяйства Павлом Михайловичем Вакуленко мы выехали на поиски стада оленей.

Первую группу бухарских оленей завезли сюда в 1981 г. из Таджикистана. Животные хорошо прижились на новом месте, потому что здесь есть все, чтобы они хорошо себя чувствовали: горная речка, заросли тугайных лесов, обилие травянистых растений. Олени стали давать приплод, и сейчас стадо насчитывает более 100 голов. Правда, олени все еще пугливы и близко к себе не подпускают — меньше чем на 200 м к ним не подойти. К счастью, недалеко от усадьбы хозяйства живет ручная оленуха. Она настолько привыкла к людям, что берет корм с руки и даже заходит в контору. Любимое ее лакомство — корочка хлеба, посыпанная солью.

Площадь хозяйства около 10 тыс. га. Как считают охотоведы, здесь могут прокормиться несколько сотен бухарских оленей.

Там, где человек интенсивно преобразует природу, всегда можно увидеть что-нибудь неожиданное. Вот характерный пример. В Казахстане зарегулировали сток реки Или, после чего возникло огромное водо-

хранилище длиной около 200 и шириной 25 км. При затоплении низменности пойменные леса погибли — их своевременно не вырубili. Теперь эти мертвые леса — настоящее царство бакланов и цапель. Их гнезда сотнями облепили рощи тополей, заросли ив и разнообразных кустарников. Колонии бакланов здесь очень большие. Почему процветают эти птицы? Ответ простой: им есть где сооружать гнезда и обильный корм. Что называется, под боком — в 100 м — водохранилище, богатое рыбой.

Мы пробираемся сквозь джунгли этих погибших зарослей к колониям птиц вместе с главным охотоведом Карачингильского хозяйства Александром Кузьмичом Павловым.

— Впервые путешествуем по такому необычному лесу.

— Здесь, где мы с вами идем, недавно стояла вода до 4 м глубиной. Она спала, и этот мертвый лес оголился.

— Но жизнь в нем есть — сколько птиц над нами!

— Больше всего здесь бакланов, но немало грачей и серых цапель. Встречаются также редкие хищные птицы — орлан, скопа.

— Они гнездятся здесь?

— Нет, их гнезд мы не обнаружили. Эти птицы бывают только на пролетах, но условия для гнездования подходящие. Надеемся скоро увидеть у нас и гнездящиеся пары.

— Александр Кузьмич, какая рыба здесь водится?

— Обычная, пресноводная — щука, окунь, лещ. Рыбы много. Когда стоит большая вода, наши сотрудники бывают свидетелями необычных эпизодов. К деревьям, где много птичьих гнезд, подплывают сомы. Стоит какому-нибудь птенцу выпасть из гнезда, как он тут же исчезает в пасти сома. А рыбыны эти бывают довольно внушительных размеров и весят до 15 кг.

Начало мая, жизнь в колониях пернатых, что называется, бьет через край. Чтобы особенно не беспокоить поселения птиц, мы понаблюдали за ними издали. На одном из деревьев насчитали около 20 гнезд бакланов. Они открытые, с хорошим доступом со стороны. Дело в том, что бакланы — летуны неважные. С гнезда они как бы срываются и падают прямо вниз, но затем, после энергичного размахивания небольшими крыльями, полет их выравнивается. За рыбой они ныряют, и довольно глубоко. К гнезду приближаются на большой скорости. Вот почему гнезда у них открытые.

У цапель гнезда могут оказаться в самом неподходящем месте — в зарослях кустарника, например. Подлетать со стороны к ним невозможно, поэтому взрослые птицы опускаются к птенцам сверху. Тоже ведь приспособились.

Колонии бакланов и цапель в Карачингильском хозяйстве находятся под охраной. Вряд ли в другом месте можно увидеть этих пернатых в такой массе.

Главный охотовед сообщил нам, что на этом водоеме хорошо прижилась ондатра. Зверьки сами стали расселяться по реке. Учет показал, что сейчас в Казахстане более 1 млн ондатр. Зверьки эти ценные, промысловые. Ежегодно здесь добывают около 100 тыс. особей без ущерба для популяции. Одна из задач таких охотничьих хозяйств — обогащать природу и рационально ее использовать.

Когда мы покидали птичьи колонии, на возвышенности, в степи, заметили довольно большие стаи журавлей. Там были и красавки, и серые журавли. Они спокойно похаживали, что-то склевывая с земли. Символично, что место для отдыха они выбрали на территории заповедно-охотничьего хозяйства. Даже близость людей их не тревожила, будто знали, что эти места для них безопасны.

На другом берегу водохранилища раскинулись уголья еще одного заповедно-охотничьего хозяйства —

Капчагайского. Именно сюда стали переселять «краснокнижных» куланов из заповедника Барса-Кельмес, который расположен на острове в Аральском море. Нас интересовало, как куланы прижились на новом месте.

На вертолете пересекаем водохранилище — гигантское рукотворное море, вокруг которого сосредоточена жизнь. Облетаем всю территорию заповедно-охотничьего хозяйства. Небольшую группу куланов, голов десять, мы заметили недалеко от берега водохранилища. Видимо, они отправлялись на водопой. Куланы не отреагировали на шум вертолета. Надо полагать, они не раз видели над собой эту металлическую стрелу.

Приземляемся недалеко от конторы хозяйства. Место еще довольно пустынное, но вокруг немало посадок урюка, кизила, разнообразных кустарников. По всему видно, что здесь решили обосноваться с размахом, надолго.

Егерь Жалгамыс Кушелеков рассказал о том, что в их хозяйстве уже несколько групп куланов. К одной из них удалось подойти совсем близко. Животные находились на подкормочной площадке.

Когда-то на этих суровых землях было довольно много куланов. Но последних особей истребили на территории Казахстана еще в 30-х гг. прошлого столетия. И лишь в начале 60-х гг. началось возрождение этих редких животных.

Из Туркмении, из заповедника Бадхыз, где куланы сохранились, в Казахстан, в заповедник Барса-Кельмес, завезли небольшую группу этих животных. Они там быстро акклиматизировались и стали давать приплод. К началу прошлого века там насчитывалось уже более 200 особей. Но к тому времени стал резко снижаться уровень воды в Аральском море. Вода в нем становилась все более соленой и уже была непригодной для куланов — при питье они могли ею отравиться.

Тогда в заповеднике пробурили скважину. Но и этой воды уже не хватало. К тому же все меньше было корма для куланов на самом острове. Естественные пастбища деградировали. Что делать с животными? Было принято единственно правильное решение: переселить их в другие регионы Казахстана — туда, где они раньше обитали, но по разным причинам исчезли.

Началась многолетняя операция по спасению куланов. Операция, надо сказать, трудоемкая и дорогостоящая. Животных надо было отловить. Но как это сделать? Ни одна даже самая быстрая лошадь в мире их не могла бы догнать, ведь со скоростью более 70 км/ч они способны преодолевать довольно большие расстояния. Это очень сильные и очень выносливые животные. И все же это не самое главное препятствие, в конце концов, их можно обездвигить усыпляющими препаратами. Но нельзя без разбора, т.е. подряд, отлавливать куланов. Нужно соблюдать определенную пропорцию: в одной перевозимой на новое место группе должно быть 5—6 самок и лишь один самец. Только такая группа жизнестойка.

С помощью опытных зоологов удалось справиться и с этой проблемой. Теперь предстояло самое трудное — транспортировка куланов. Их нужно было переселять на расстояние более чем 2000 км!

Для перевозки соорудили специальные ящики, для каждого кулана свой. С острова Барса-Кельмес по несколько куланов вывозили на небольших самолетах до города Аральска, а оттуда на специально оборудованных КамАЗах — в места назначения, главным образом в различные районы Прибалхашья.

На побережье Капчагайского водохранилища, в урочище Мынбулак, для животных уже были подготовлены просторные вольеры. Работники заповедно-охотничьего хозяйства, которые ездили за куланами на Барса-Кельмес, рассказывали нам, что их автопоезда с животными по всему пути следования сопровождали

сотрудники Госавтоинспекции. Все понимали, какой ценный груз поручили им доставить к месту назначения. Ведь куланы занесены на страницы не только казахской, но и Международной Красной книги.

Первую партию куланов, всего 23 особи, завезли в Капчагайское хозяйство в 1982 г. Спустя несколько месяцев привезли еще 9 куланов. Всех животных поместили в просторные вольеры, где были созданы необходимые условия для их нормальной жизни: кормушки, поилки, надежные укрытия. Перед выпуском в природу их надо было несколько месяцев передерживать в таких вольерах, чтобы животные привыкли к новому месту обитания и друг к другу.

И вот наступило время первого выпуска куланов в природу. Случилось это в мае. Животным понравились новые места, и они их быстро обжили. Вскоре самки принесли 7 жеребят. Места для этих редких животных оказались самыми подходящими. Водопои рядом — стоит только спуститься к берегу водохранилища, корма весной вдоволь — степное разнотравье. В еде эти животные неприхотливы, едят даже выгоревшие на солнце травы.

Зимой куланов подкармливают — дают сено, отходы зерна. Такие подкормки связаны не только с зимней бескормицей. Они необходимы еще вот почему. В поисках корма куланы могут свободно странствовать по побережью водохранилища, а значит, выходить и далеко за пределы хозяйства, где их подстерегают различные напасти. Три кулана уже стали жертвами волков, но пока ни один кулан не погиб от браконьерской пули, хотя и такое может случиться. Так что подкормка зимой просто необходима. Держатся эти животные кучно.

Как нам сказали, на территории Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства может прокормиться более 300 куланов. Такие же центры по возрождению этих животных создаются сегодня и в других регионах Казахстана.

Полевые наблюдения

Получать информацию о животных ученые могут различными путями. Самый простой — обобщать данные, опубликованные в научной литературе, в Интернете. Более сложный — вести наблюдения за животными в лабораторных условиях. Животные в данном случае могут находиться в клетках или небольших вольерах. Самый тяжелый, но самый эффективный путь — это наблюдать за животными в местах их естественного обитания. Всемирную славу получили и полевые наблюдения за жизнью диких шимпанзе в Танзании англичанки Джейн Гудалл, о которых мы и расскажем.

Джейн Гудалл и дикие шимпанзе

Шимпанзе обитают в глубине африканских джунглей. Они существуют без охраны и наблюдения, дикие и свободные. Сотни тысяч лет назад развились здесь их общие с человеком предки.

Наблюдать за шимпанзе в естественных условиях — значит лучше понять эволюцию человеческого рода. Но наблюдения за дикими шимпанзе — дело трудное и опасное. Сведения об их поведении были в основном догадками.

В 1960 г. решившись раскрыть секреты жизни шимпанзе, английский зоолог Джейн Гудалл приехала в Танзанию. Ее открытия здесь удивят весь ученый мир и, возможно, приведут к изменению определения слова «человек».

В июле 1960 г. Джейн Гудалл, 26-летняя англичанка, начала свое удивительное приключение в африканских джунглях. По просьбе английского антрополога, доктора Л. Лики, она стала наблюдать за повседневной жизнью шимпанзе в Восточной Африке.

Джейн Гудалл — ассистент доктора Л. Лики. От его лаборатории, которая находится в городе Найроби, в Кении, до танзанийского заповедника Гомбе-Стрим пять дней пути. Для девочки, которая ненавидела кукол и коллекционировала червей, наступили особенные дни.

«Когда я приехала в Гомбе-Стрим, — сделала запись в дневнике Джейн Гудалл, — я почувствовала, что заветная мечта моего детства начинает сбываться. Мне всегда хотелось жить среди животных и наблюдать за ними в естественных условиях обитания. В тот день, посмотрев на дикие и суровые горы, где живут шимпанзе, я поняла, что задача моя будет не из легких».

Обезьяний заповедник растянулся на 17 км вдоль западного берега озера Танганьика. Свой лагерь Джейн разбила в 100 м от берега. Экспедиция, организованная Королевским географическим обществом, началась. Результаты этой научной экспедиции позже доктор Л. Лики назовет «самым замечательным исследованием жизни приматов, которое когда-либо проводилось».

Теперь общество Джейн Гудалл будет состоять из повара-африканца, его семьи и помощника-африканца. Во всем остальном она, девушка без специальной подготовки, должна полагаться только на себя.

К вечеру лагерь был почти готов. Утром Джейн отправится на поиски сильных и, возможно, опасных животных и попытается выяснить подробности их поведения, до сих пор неизвестные науке. Ей рассказывали, как однажды испуганный шимпанзе разорвал человеку, который за ним вел наблюдения в природе, щеку и тем самым предупредил: «Ты никогда не должен близко подходить к нам».

Великолепное тропическое утро. Джейн, вооруженная только биноклем, отправляется в африканский лес, где, возможно, первый человек появился около миллиона лет назад.

В заповеднике Гомбе-Стрим на территории площадью 155 км² обитают примерно 100—150 шимпанзе. Пробираясь сквозь заросли 4-метровой травы, при температуре выше 40 °С, Джейн должна найти этих человекообразных обезьян. Всюду по заповеднику разгуливают антилопы, леопарды и буйволы. Но даже мысль о возможной опасности отступает перед желанием найти и изучить неуловимых шимпанзе. В поисках, день за днем, по 12 ч в сутки, Джейн облазила долины заповедника одна за другой, но обезьяны уходили от встреч с ней.

«Мне просто хотелось быть среди диких шимпанзе, — сделала запись в дневнике Джейн, — и как можно больше узнать об их жизни. Сначала где-нибудь и как-нибудь я должна была найти этих пугливых животных. А потом попытаться преодолеть их страх и начать наблюдения».

После двух долгих месяцев обследования территории Джейн только однажды мельком видела шимпанзе. Тогда она решила изменить тактику. Джейн нашла гору высотой 450 м — великолепный наблюдательный пункт. Отсюда она могла обозревать заросшие лесом долины, расположенные внизу. Может быть, отсюда ей удастся увидеть неуловимых обезьян.

И вот наступил этот миг. Обезьяны! Наконец-то! Очень далеко, но, по крайней мере, не убегают. Теперь она сможет хотя бы начать наблюдения за их поведением.

Джейн заметила, что иногда шимпанзе устраиваются на ночлег за несколько часов до наступления сумерек, а так как они спят там, где кормятся, им приходится делать все заново почти каждый вечер. Если на деревьях много листьев и ветви крепкие, тогда это дело нескольких минут. В своих постелях

Шимпанзе

на высоте 25 м шимпанзе с удовольствием отдохнут, когда придет время.

Дни поисков позади. Джейн чувствует, что наконец контакты установлены. Теперь она знает, где шимпанзе, и должна попытаться найти их внизу, чтобы наблюдать за ними с более близкого расстояния.

Дикие шимпанзе убегают от бледнолицей чужестранки, вторгшейся в их владения. Джейн огорчена тем, что не может подойти к ним ближе чем на 450 м.

«Я была страшно расстроена. Я чувствовала разочарование, даже отчаяние. Были минуты, когда я сомневалась, разрешат ли они когда-нибудь подойти к ним ближе».

Лагерь Джейн Гудалл — уютное, хотя и одинокое место. Жара спала, на термометре 20 °С. В палатке повар готовит ужин. Это будет ее первая еда после утреннего кофе, первый раз за 12 ч. А после ужина она до полуночи будет делать записи в свой журнал обо всех наблюдениях этого дня. После всего того времени, что она провела в лесу, наблюдая за шимпанзе, Джейн не может не чувствовать, что сделала очень мало. Она

никогда не предполагала, что ей потребуется так много времени, чтобы подойти к обезьянам поближе.

«Я не потерпела поражения, поэтому у меня было только одно желание — быстрее достичь цели. Мне хотелось быть среди животных, выяснить, как они ведут себя в естественных условиях. У меня не было и мысли об отъезде. Если бы я отказалась от исследований, я потеряла бы всякое уважение к себе».

В сухой сезон начинается лов рыбы. Маленькую рыбку «дагаа», размером с сардинку, продают мешками. Днем рыбаки на берегу, а ночью выходят ловить рыбу.

Пока рыба сушится на солнце, Джейн, которая свободно говорит на языке суахили, начинает новый день. Она решила, что большую часть времени будет проводить на вершине горы.

«Отсюда, сверху, я могла наблюдать шимпанзе на большом расстоянии. Я смогла многое узнать об их поведении. И в то же время у них была возможность привыкнуть к моему присутствию».

Наблюдая за обезьянами с горы, Джейн установила, что они бродят по заповеднику небольшими, постоянно меняющимися группами. В поисках корма проходят до 15 км в день. Группы постоянно меняются по составу и размеру, соединяются и распадаются, и у них нет постоянных вожаков.

Джейн установила, что шимпанзе тратят до 2 ч в день, чтобы почистить друг друга. Этот мирный социальный контакт доставляет им взаимное удовольствие. Большинство групп обезьян живут в согласии и часто смешиваются друг с другом. Самки великодушно делят между собой самцов. Одна группа обнаруживает присутствие другой. Хотя и временно, но появляются у них и вожаки.

Вот возбужденные пришельцы ворвались в группу мирно чистящих друг друга шимпанзе. Похоже, будет великое воссоединение. Но то, что со стороны выгля-

дело столкновением врагов, оказалось в действительности встречей друзей. Еще одна деталь: для шимпанзе раненая нога слишком мало значит по сравнению с неудержимой радостью от встречи с друзьями и любимыми.

Наблюдение с горы имеет свои преимущества. Вскоре для Джейн соорудили здесь небольшую хижину. Теперь рядом с ней туалетные принадлежности, немного кофе и консервы. Но еще важнее то, что она сможет дольше оставаться на горе, чтобы вести наблюдения без перерыва, особенно в то время, когда созревают плоды: шимпанзе кормятся ими и останавливаются на ночлег рядом с ее хижинкой.

В заповеднике Гомбе-Стрим вокруг буйная растительность. Шимпанзе — вегетарианцы, и корма им здесь вдоволь. На еду они тратят до 7 ч в день. Удовольствие от процесса поедания пищи не сравнится ни с чем, даже с удовольствием, которое они испытывают от вычесывания друг друга.

Наступают сумерки. Насытившиеся шимпанзе должны подумать о ночлеге. Джейн тоже проведет в своей хижине ночь — высоко над африканским лесом.

«Есть что-то чарующее в неожиданном наступлении сумерек в лесу, когда на смену дневным звукам приходят таинственные звуки и шорохи ночи. Я всегда наслаждалась этими ночами в горах, когда никого нет рядом. Моя детская мечта осуществляется. Но я и не представляла, что потребуется так много времени, чтобы сблизиться с обезьянами».

Общие особенности поведения шимпанзе для Джейн уже не секрет. Теперь Джейн должна больше узнать об их интимной жизни. Завтра должна проснуться вместе с шимпанзе и как-то попытаться сблизиться с ними.

В конце декабря в африканских джунглях начинается сезон дождей. Теперь четыре месяца дождь бу-

дет идти каждый день. Погода — не препятствие для Джейн в ее стремлении найти контакт с обезьянами. Но вот шимпанзе не очень любят дождь. Кажется, они не знают, куда от него деться. Они сидят мокрые, несчастные и наблюдают за своим собратом, который, как назвала это Джейн, исполняет «танец дождя». Затем, так же неожиданно, как и начались, дождь и танец прекращаются.

Джейн наблюдала за «танцем дождя» с расстояния 100 м. Что это: шимпанзе привыкли к ее присутствию или просто в отчаянии из-за дождя? Она подвигается к ним все ближе и ближе и делает неожиданное открытие — видит, как шимпанзе берет лист, жует его, а потом собирает им воду, которая накопилась в дупле дерева. До этого момента считалось, что только человек способен сделать орудие труда.

«В Уганде видели шимпанзе, которые пили воду из естественных чаш с водой. Но там они просто опускали пальцы в воду и слизывали капли. В Гомбе-Стрим, превратив листья в “губку”, шимпанзе, по сути дела, сделали орудие труда».

Нетерпеливые молодые шимпанзе знают, как пользоваться «губкой», но они пытаются найти более прямой путь, чтобы добраться до воды. Но рукой или головой этого не сделать. Когда-нибудь они научатся пользоваться «губкой» из листьев.

Джейн должна найти новые доказательства того, что обезьяны делают орудия труда, и с этой целью подвигается к шимпанзе еще ближе. В лесу звучит сигнал тревоги. У шимпанзе нет настоящего языка, но ряд криков выполняют коммуникативные функции. Сейчас — это страх. Это значит, что белокурая чужестранка все еще не может подойти ближе.

Джейн решает соорудить прикрытие — щит из листьев, который должен спрятать ее от шимпанзе. Она уже целый год в лесу и надеется, что теперь сможет наблюдать обезьян с расстояния 100 м.

Чем-то недоволен

Наконец щит готов. Джейн выбрала место, где кормятся шимпанзе, и теперь, вооруженная биноклем, ждет. Как она и надеялась, обезьяны пришли.

Джейн рассчитывает, что сможет наблюдать особенности поведения шимпанзе, которые еще никому не известны.

Неожиданно шимпанзе чувствуют, что рядом что-то неладное. Похоже, они что-то подозревают, но не знают, что делать. К Джейн они уже привыкли, правда, если она вдалеке от них. А теперь что делать: остаться или убежать?

До тех пор пока Джейн остается за щитом, решают шимпанзе, они могут остаться. Теперь у нее есть возможность изучать каждого из них в отдельности, узнавать их и дать им имена.

Это Фло. По нашим стандартам она некрасивая. Ее дочь Фифи пока еще живет с семьей. И хотя сейчас она полна юношеского очарования, но уже очень похожа на свою мать и через несколько лет будет некрасивой.

Маленький Флинт, как и все малыши, полон очарования и радости.

Лики, огромного морщинистого парня, легко узнать по яркому бельму на левом глазу и разорванному нижнему веку. Джейн назвала его Лики в честь коллеги.

Голиафа отличает лысый лоб.

Дэвид Грейберд (серая борода) удивительно хорош. Серые усы и спокойный взгляд выделяют его среди остальных.

Флинт отправляется в свое первое путешествие без матери. Идет к огромному самцу Лики. Обезьяньи малыши привыкли к заботе и чувству безопасности.

Очень эмоциональны ссоры у шимпанзе. Как выясняет Джейн, они могут возникнуть из ничего и так же быстро, как возникли, перейти в игру.

Теперь, когда обезьяны разрешили наблюдать за ними, для Джейн наступили счастливые дни. Спрятавшись за щитом из веток, Джейн с близкого расстояния наблюдает за группой обезьян почти из 40 особей. Постепенно шимпанзе начинают к ней привыкать.

«Постепенно шимпанзе начинают понимать, что я не опасна. И после 15 месяцев наблюдения за ними мне разрешено подойти к небольшой группе шимпанзе не прячась. Я думаю, что это был один из самых счастливых и волнующих моментов моей жизни».

Теперь Джейн работает на расстоянии всего 10 м от обезьян.

«Первые дни трудностей и разочарований позади. Теперь обезьяны привлекают меня все больше и больше. Наблюдая за ними, я испытываю огромное удовольствие. Сколько открытий ждет меня!»

В сезон дождей обезьяны становятся неактивными и любят подремать на земле. Некоторые устраиваются в тени, под деревьями.

«Вот прошло уже два года, как я веду наблюдения за обезьянами. Сколько еще времени я проведу рядом с ними? Я и сама не знаю. Но я буду с ними рядом до тех пор, пока не завершу свои исследования».

Терпеливая и настойчивая, Джейн и не предполагала, что еще целых три года она пробудет в африканских джунглях рядом с шимпанзе.

Ближе к лету 1963 г. жизнь в лагере, разбитом на берегу Танганьики, шла по заведенному Джейн распорядку. По-прежнему каждый день она проводит в поле в среднем по 12 ч., и каждый день после торопливого завтрака на рассвете она отправляется на очередное свидание с шимпанзе.

Между тем повар Доминик готовит хлеб насущный. Он выпекает его на горячем африканском солнце. Джейн всегда пробует пищу, которую они едят.

Сегодня она намерена подробно рассмотреть одно из обезьяньих гнезд. Некоторые из них расположены очень высоко, в 25 м от земли, и почти недосыгаемы для Джейн. Одно она обнаружила. Гнездо довольно прочное и достаточно удобное.

Хлеб, который выпекает повар, почти готов. Неожиданно Доминик видит невероятную картину: в лагерь пришли шимпанзе! До этого только однажды одинокий шимпанзе рискнул заглянуть в лагерь, но Джейн тогда пропустила его. А теперь он начинает приводить других обезьян. Повар привязывает полотенце к ветви дерева — условный сигнал для Джейн, что шимпанзе пришли в лагерь.

Осмотрев гнездо, Джейн спускается на землю, чтобы выяснить, где ее шимпанзе, и замечает сигнал. Она спешит в лагерь. Если обезьяны так ей доверяют, то она не должна упустить шанс понаблюдать за ними в лагере.

В лагере она видит сцену, согревающую ее душу: Флинт забрался на верхушку ее палатки. Этот визит означает, что шимпанзе совсем перестали ее бояться и чувствуют себя в полной безопасности. Они даже угрожают ей.

Джейн обнаружила, что обезьяны любят бананы. Она торжествует, когда шимпанзе берет банан из ее

рук. Ей просто не верится, что после стольких бес-
покойных месяцев он действительно ест из ее рук.

Теперь бананов хотят все шимпанзе. Вслед за сво-
ими друзьями в лагерь приходят и другие обезьяны.
Это просто какое-то нашествие на бесплатные при-
возные бананы. Избалованные шимпанзе научились
очищать кожуру с бананов и с жадностью поглоща-
ют их. Некоторые съедают за один присест до 50 шт.
Это настоящая банановая оргия: наевшиеся до отвала
шимпанзе уносят с собой столько фруктов, сколько
могут прихватить. В заповеднике больше бабуинов,
чем шимпанзе. Они видят сцены пиршества и тоже
хотят бананов. Но шимпанзе вряд ли просто так усту-
пят дармовой стол, они крупнее и сильнее бабуинов.
В этой схватке побеждают шимпанзе, а бабуины раз-
биты и отступают. Торжествующие победители при-
нимаются за десерт.

В лагере тем временем происходит немало инте-
ресного. Корзина для белья становится предметом
спора между Фифи и ее маленьким братишкой Флин-
том. Их мать Фло в это время пытается достать из ко-
робки бананы, но открыть ее не может. Не помогает
и удар по коробке. Джейн пытается как-то регулиро-
вать количество бананов, которые уносят с собой эти
обжоры. Она делает крышку для коробки и закрепля-
ет ее проволокой. Теперь она сможет выдавать обезья-
нам паек.

МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СОБАКУ БОКСЕРА? И ЕСЛИ МОЖНО, ТО КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

К сожалению научить боксера разговаривать невозможно. И во-
обще ни одну собаку нельзя этому научить. А зависит это не от раз-
вития психики животного, а от строения его голосового аппарата.
Попугай и скворец, с гораздо менее развитым мозгом, способны
подражать человеческой речи, а у собаки нет таких способностей.
Зато собака гораздо тоньше и глубже, чем любая птица, может по-
нимать человеческую речь во всех ее оттенках. Конечно, слов она
не знает, но их значение улавливает прекрасно.

Жажда бананов у шимпанзе так велика, что они готовы здесь остаться. Теперь Джейн может вести наблюдения за отдельными индивидуумами, ведь обезьяны приходят за своей долей почти каждый день. Они знают, что найдут здесь полное понимание, потому что еще ни разу не уходили отсюда без связки бананов.

В 1964 г. Джейн несколько раз приезжала домой, в Англию. «Люди часто спрашивают, скучаю ли я по дому. Конечно, бывают минуты, когда мне хочется послушать хорошую музыку, а иногда почитать какую-нибудь ненаучную книгу. Но за исключением этого, могу сказать честно, что я совершенно счастлива здесь, в заповеднике, рядом с обезьянами. Жизнь в палатке, умывание в ледяной воде, полуденная жара, проливные дожди и надоедливые насекомые — все это жизнь в джунглях. Эта та жизнь, о которой я мечтала. И я, конечно, не жалею, что выбрала ее».

Теперь между Джейн и шимпанзе нет никаких преград. Но ведь они дикие и сильные животные. При таких отношениях, когда обезьяны находятся теперь рядом, Джейн еще в большей опасности, чем раньше.

«Иногда просто нельзя отказаться поиграть с моими молодыми друзьями. Восьмилетний Фиган всегда нежен, когда мы играем. Но он уже сильнее взрослого мужчины. Вскоре играть с ним будет опасно. Сейчас шимпанзе не понимают, что они сильнее меня. И главная опасность заключается в том, что однажды они осознают свое превосходство».

Шимпанзе достигают зрелости примерно в 12 лет. До этого они проводят много времени, играя на деревьях.

Однажды Джейн провела эксперимент с куклой. Она представляет обезьянам странно тихого нового члена группы и наблюдает за их реакцией. Любопытство Флинта возбуждено, но он, как и все дикие

шимпанзе, боится всего нового. Кукла оказалась невостребованной.

Джейн устанавливает в лесу зеркало. Ей интересно, как будут вести себя шимпанзе. Такими они увидели себя впервые в жизни. Изумленная молодая особа не может поверить тому, что видит. Для нее собственное отражение — таинственная загадка. Она заглядывает за зеркало, чтобы узнать, кто там. Но загадка остается неотгаданной.

Джейн отмечает логический, хотя и наивный вывод шимпанзе и видит, что пожилые обезьяны удивлены своему отражению в зеркале. Терпения рассматривать в зеркале у шимпанзе хватает ненадолго. Вскоре они забывают об этой забаве и приступают к своим обычным заботам.

Теперь, когда Джейн может работать, не прячась от шимпанзе, она делает настоящие открытия. Вот Джейн замечает шимпанзе, который появился из зарослей с добычей в руке. На этот раз его жертвой оказался какой-то небольшой зверек. Шимпанзе поймал его, умертвил и теперь с удовольствием поедает мясо.

«Это был волнующий момент, когда я впервые увидела, что шимпанзе ест мясо. Волнующий и очень важный. Считалось, что дикие шимпанзе могут время от времени есть маленьких грызунов или птенцов. Но обнаружить, что они охотятся на крупных млекопитающих, — это что-то новое. Мне несколько раз довелось видеть, как шимпанзе едят молодых кабанов и оленей. Добывают они и красных мартышек — это самая желанная их добыча».

Джейн подвигается совсем близко к группе шимпанзе. Какая трогательная сценка: Голиаф чистит глаз Дэвиду, а его свободная рука приближается к пальцам Дэвида. Голиаф крадет у Дэвида кусок пищи прямо, что называется, из-под носа. Ну чем не воришка? Джейн не упускает ни одной детали, какой бы мелкой она ни казалась. Почти все, что она замечает, имеет

Решительный прыжок

огромное значение для пополнения сведений о первобытном человеке.

Шимпанзе ловят и едят термитов. При этом они используют небольшие веточки и травинки. Засовывают их в открытые термитные норы и спустя какое-то время достают их с налипшими на них насекомыми. Для шимпанзе термиты — лакомство. Теперь Джейн убеждена, что дикие шимпанзе не только используют, но и делают орудия труда. Они тщательно выбирают

из множества стебельков необходимые им по величине и используют их. Таким образом, обыкновенный стебель или веточка, травинка в руках шимпанзе превращаются в грубое орудие труда, предназначенное для определенной цели.

«То, что шимпанзе используют веточки и травинки, когда едят термитов, было моим самым волнующим открытием. И до этого было известно, что некоторые дикие животные используют в качестве орудий труда различные предметы. Но дикий шимпанзе, когда он очищает веточку от листьев, практически приспособливает обыкновенный предмет для определенной цели и таким образом делает орудие труда».

Существует теория, согласно которой обезьяна превращается в человека на той стадии эволюции, когда начинает делать орудия труда. Теперь, после открытия Джейн, доктор Лики скажет: «Мы должны пересмотреть понятие “человек” и “орудие труда” или считать шимпанзе человеком».

Работы Джейн будут признаны учеными всего мира. Она останется единственным в своем роде свидетелем поведения шимпанзе на воле, в местах их естественного обитания. Джейн подружилась с дики-

КАКОВА СУДЬБА ОРАНГУТАНОВ?

Орангутаны сохранились лишь на двух островах Малайского архипелага – Калимантане и Суматре. Их осталось совсем мало, не более 5 тыс, и они подлежат тщательной охране. Калимантанские орангутаны-самцы весят более 100 кг. Самки мельче. У этих обезьян красно-коричневая шкура и очень длинные руки, вдвое длиннее ног. Рост самцов достигает 1,5 м. Они живут либо в глухих, недоступных тропических лесах, либо в специальных заповедниках. Большую часть времени они проводят на деревьях, но с ветки на ветку никогда не прыгают, как, например, гиббоны. По земле ходят на четвереньках, а по веткам деревьев – вертикально. Питаются они корой деревьев, листьями, плодами. Особенно любят огромные плоды дуриана, или джекфрута, у которых приторно-сладкий вкус и неприятный запах.

ми обезьянами и, сделав это, получила возможность наблюдать за ними вблизи, причем наблюдать самые интимные подробности их поведения.

Пять лет, проведенных рядом с шимпанзе, дали Джейн редкую возможность заглянуть в их личную жизнь.

«У животных, за которыми я вела наблюдения, нет настоящего языка, они не строят жилищ, они не открыли огня. И все-таки они — самые человекоподобные из всех животных на Земле».

Однажды к вечеру одинокая самка-шимпанзе с новорожденным ребенком пришла на просеку Гомбе-Стрим. Она шла одна — видимо, не была уверена в том, можно ли ей подойти к группе обезьян с малышом. Нервничая, она уселась неподалеку в ожидании от обезьян какого-нибудь знака, что ей доверяют. Обезьяну Джейн назвала Мелиссой, а ее малыша Гоблином. Мелисса, смущенная присутствием крошечного младенца, чувствовала себя неуверенной и волновалась. Языком жестов Мелисса попыталась рассказать своим соплеменникам о себе и своем малыше. Чтобы показать им, что ей нужно их доверие, она подошла к группе обезьян и с мольбой протянула руку. Некоторые шимпанзе были очарованы запахом малыша. Мелиссе поверили, и она вместе с детенышем спокойно уселась рядом с остальными. Их обоих приняли в группу.

«Пять лет наблюдений за шимпанзе были самыми плодотворными в моей жизни. Я сделала то, о чем мечтала с раннего детства. Но работа еще не закончена. Это только начало. И я твердо верю, что полное понимание жизни шимпанзе, их повадок и способностей в конце концов приведет к тому, что человек лучше поймет самого себя».

Вскоре Джейн Гудалл защитила докторскую диссертацию в Кембридже. Конечно, она не оставит свои исследования в заповеднике Гомбе-Стрим и вернется к своим шимпанзе.

Полет бумеранга (главы из книги)

В предлагаемых отрывках из своей книги «Полет бумеранга» мне хотелось бы поделиться впечатлениями об одном из самых дальних и длительных своих путешествий — по Австралии. Этот материк, получивший еще название Пятого континента, примечателен прежде всего тем, что весь он лежит в границах одной страны, принявшей на себя почтенное имя материка — Австралия. Это единственный случай в истории континентов нашей Земли.

Немало дней и ночей удалось мне провести в эвкалиптовых лесах, саваннах и пустынях, в горах и на тропических островах, разыскивая на лесных полянах пасущихся кенгуру или выслеживая в кронах эвкалиптов медлительных коала. Я проникся глубоким уважением к австралийцам, которые берегут свою землю, формируя уникальный опыт охраны дикой природы.

Ночь под созвездием утконоса

В первый же день по прибытии в департамент зоологии Австралийского национального университета я познакомился с молодым австралийским ученым Питером Темпл Смитом, который занят изучением биологии утконоса. Высокий и худощавый, с окладистой рыжеватой бородой, он оказался общительным

собеседником и увлеченным исследователем. Он расспрашивал меня с живым интересом об особенностях фауны и охраны природы в СССР и в свою очередь охотно посвящал меня в проблемы, стоящие перед австралийскими зоологами.

Прошло лишь две недели моего пребывания в Капберре, как Питер собрался в очередной полевой выезд для отлова и мечения утконосов. Я с радостью принял его приглашение участвовать в этой поездке.

К нам присоединился молодой канадский зоолог Майкл Алексюк, проводивший в это время свои исследования при Австралийском национальном университете.

Район, где Питер проводит свои работы, находится примерно в ста километрах к югу от столицы. Сначала наш путь лежал по шоссе, но затем мы свернули на проселок. Вокруг сменяют друг друга маленькие поселки, фермы, участки пастбищ, отгороженные проволочными изгородями, и еще не тронутые островки девственного эвкалиптового леса. Местами и лес огорожен — кто-то купил участок и начинает расчищать его под пастбище. Деревья в таких случаях перед рубкой кольцуют, чтобы они высохли на корню. Окольцованный эвкалиптовый лес являет собой грустное зрелище...

Свернув с дороги, открыли калитку в изгороди и через участок пастбища выехали на берег тихой, поросшей кустарником речушки Шолхавен. С другого берега вплотную к реке подходит густой эвкалиптовый лес. Вот здесь-то нам и предстояло увидеть утконосов.

У какого зоолога сердце не замрет от подобной возможности?! Справедливости ради нужно заметить, что утконосы, находящиеся под полной охраной с 1905 г., стали сейчас обычными во всех реках по склонам Большого Водораздельного хребта в Восточной Австралии. Они заплывают даже в большое ис-

кусственное озеро Берли Гриффин, расположенное в самом центре столицы. Однако из-за скрытного ночного образа жизни утконосов очень мало кто, даже из австралийцев, видел в природе, не говоря уж о том, чтобы ловить их руками.

Сразу же начинаем сгружать оборудование — алюминиевую плоскодонку с веслами и пять сетей с оранжевыми поплавками в ярко-красных полиэтиленовых ведрах. Спустив лодку на воду, отплываем и начинаем расставлять сети в наиболее подходящих местах. Это участки, где берег крутой, поросший густым кустарником с ветвями, нависающими над водой. В таких местах и должны быть норы утконосов.

Конец сети подвешиваем к ветке над водой и тянем сеть на расстояние пять — десять метров от берега. Другой конец также набрасываем на ветви вместе с ведром: ночью по ярко-красному ведру легче будет найти сеть. Две сети расставляем наискось от одного берега к другому: ширина речки всего сорок — пятьдесят метров.

Пасмурно, временами накрапывает дождь, поэтому первые утконосы появились, не дожидаясь захода солнца: метрах в тридцати раздастся всплеск — на поверхности воды появляется темная спина утконоса! Животное то выныривает на миг и, захватив порцию воздуха, тут же уходит вглубь, а то всплывает и неподвижно, как бревно, лежит на поверхности воды. Тогда ясно различимы его округлая спина, голова и плоское надклювье. Ноздри, расположенные посредине надклювья, вбирают воздух, а черные круглые глазки внимательно следят за окружающим. Малейшее подозрительное движение — и зверек моментально ныряет в глубину.

Расставив сети, возвращаемся на берег и разводим небольшой костер. Из леса и из кустов несется хор птичьих голосов, перемежаясь с мелодичными трелями лягушек. Особенно выделяется громкое пение

Утконос — одно из самых удивительных животных: с утиным носом, перепончатыми лапами, бобровым хвостом, этот зверь несет яйца, а детенышей выкармливает молоком

небольших толстых лягушек, прозванных бычьими за свое телосложение, но отнюдь не за голос, который у них очень приятен и музыкален.

Над окружающими долину холмами нависли темные дождевые тучи, а из-под их кромки перед самым заходом выглянуло солнце. Над эвкалиптовым лесом на другой стороне реки засверкала яркая двойная радуга.

Оглянувшись на реку, мы вдруг замечаем, что прямо напротив нас, на середине реки, спокойно отдыхает на поверхности большой утконос. С высокого берега его видно гораздо лучше, чем с лодки. В проекции сверху вырисовывается полностью очертание его тела: тупой хвост, кургузое туловище, крупная голова на короткой шее и плоский широкий клюв.

По оценке Питера, плотность популяции утконосов здесь очень велика: на протяжении пятисот метров обитает около двадцати особей!

Пока котелок на костре собирается закипеть, я, памятуя английскую пословицу «Если смотреть на котелок, он никогда не закипит», обхожу окрестности в поисках почвенных животных. Нахожу под валежником и камнями толстых черных тараканов, несколько мелких лягушек, сцинков, а также маленькую, длиной около тридцати сантиметров, изящную змейку. Она относится к семейству аспидовых, но не опасна, хотя и ядовита: рот ее слишком мал, чтобы нанести человеку действенный укус. Однако Питер и Майкл не разделяют моего оптимизма в отношении змейки, не решаются взять ее в руки и просят положить мешочек со змеей подальше от них в ящик. К сожалению, даже среди зоологов приходится наталкиваться на предубежденное отношение к змеям.

Вскоре мы отплываем на проверку сетей. Метров с тридцати замечаем, что в одной из них что-то бьется. Майкл гребет быстрее, Питер поднимает сеть. В ней — утконос!

Попалась небольшая самочка. Питер хватает ее за хвост и высвобождает из пут. Я беру ее в руки, перебираю густой, плотный, шелковистый коричневый мех, похожий на мех бобра. На брюхе шерсть светлее, а нижняя часть веслообразного плоского хвоста голая. Передние и задние лапы вооружены длинными, слегка уплощенными когтями. Пальцы задних ног соединены перепонками, не достигающими до когтей, зато на передних лапах перепонки громадные, в расправленном состоянии они даже длиннее пальцев. Но расположены перепонки не между пальцами, а прикреплены к внутренней стороне пясти (ладони). Поэтому при плавании они расправляются наподобие веера. Сейчас же, когда зверек со страху свернулся клубком у меня на коленях, перепонки передних лап подогнуты внутрь, под ладонь. Когда Питер берет утконоса за хвост, зверек нервничает, делает ныряю-

Усамца на задних лапах — ядовитые шипы

щие движения головой, резко гребет в воздухе перепончатыми лапами.

Опускаем утконоса в большое ведро. После нескольких попыток выбраться он успокаивается и замирает, свернувшись клубочком на дне.

Стоит прикоснуться к утконосу, как он сразу съеживается, опускает голову вниз и старается спрятать мягкий клюв, свернувшись калачиком. Обычно люди, знакомые с утконосом только по рисункам и сухим музейным чучелам, думают, что клюв утконоса — твердое роговое образование, подобное утиному клюву. Но это совсем не так. Мне удастся просунуть руку под брюхо утконосу, и он утыкается носом в мою ладонь, стараясь зарыться в ней. Я сразу ощущаю прохладную мягкость и эластичность его кожистого клюва — он покрыт черной пористой кожей, которая как бы натянута на основу из двух тонких и гибких дугообразных косточек, проходящих по краям надклювья и подклювья. Верхняя часть клюва значительно шире и длиннее нижней. Кроме того, от основания клюва сверху и снизу отходят назад мягкие кожистые щитки, прикрывающие под-

бородок и переднюю часть головы почти до самых глаз. Эти щитки увеличивают поле чувствительности при поиске пищи под водой. Ведь клюв утконоса — основной орган чувств во время ныряния: под водой глаза, уши и ноздри животного плотно закрыты.

Позже мне удавалось подолгу наблюдать за поведением утконоса в огромном аквариуме зоопарка Эрика Уоррелла в Госфорде, близ Сиднея. Я дважды был в гостях у Эрика — энергичного коренастого австралийца с черной седеющей бородой, владельца уникальной коллекции живых рептилий. В обширном парке Эрика Уоррелла помимо гигантских королевских кобр, тайпанов, синезыких сцинков и прочих чешуйчатых гадов живет утконос. Это редкий гость зоопарков, поскольку он в условиях неволи требует особой заботы при содержании. Аквариум длиной в несколько метров и глубиной около метра имеет пологий выход на сушу и дальше — в искусственную нору, где животное прячется во время отдыха. Наблюдая за животным из затемненного зала, я видел, как утконос спускается в воду, ныряет и плавает над самым дном. Голова его опущена, глаза плотно закрыты, на их месте видны два светлых пятна — это выделяется на фоне темно-бурой окраски светло-желтая шерсть сомкнутых век. Чувствительный нос вместе с лобным и подбородочным щитками служит утконосу основным органом ориентации и поиска пищи под водой. Животное держит клюв над самым дном и непрерывно быстрыми движениями поводит головой из стороны в сторону, взмучивая носом придонный ил, обследуя камни и пучки донной растительности. Захватив клювом со дна добычу, утконос поднимается на поверхность и, распластавшись на воде, тщательно пережевывает корм твердыми роговыми пластинками. Эти пластинки заменяют ему зубы, выпадающие еще в раннем возрасте. Пищей утконосу служат всевозможные водные животные — черви, моллюски,

мелкие ракообразные, личинки насекомых. С более крупной добычей он выбирается на берег, чтобы там разгрызть ее и затем проглотить.

Утконосы исключительно прожорливы, не выносят длительной голодовки, поэтому содержание их в неволе сопряжено с постоянными хлопотами по снабжению свежим кормом. Из-за этого даже в Австралии лишь нескольким зоопаркам удавалось подолгу держать у себя утконосов.

Тщательно обследовав пойманную самку, мы отправляемся с добычей к берегу, обсуждая и переживая поимку уникального зверя.

— Ник и Майкл, — обращается к нам Питер, — вы оба просто счастливые люди. Ведь Ник — первый русский, а Майкл — первый канадец, которым довелось собственными руками поймать утконоса.

Мы рассказываем Питеру о внешнем облике и образе жизни бобров, которых каждому из нас приходилось наблюдать у себя на родине. Мы находим ряд общих черт у этих совсем не родственных животных. Аналогии сформировались в результате длительного приспособления к полуводному образу жизни. Их можно проследить в общем сложении вальковатого тела с плоским веслообразным хвостом (у бобра он голый с обеих сторон, а у утконоса — только снизу), в структуре и свойствах шерстного покрова: густой и упругий шелковистый мех хорошо противостоит намоканию, сохраняет кожу сухой и теплой во время плавания в воде.

Много сходного у бобра и утконоса также в строении перепончатых лап, в манере плавания и ныряния, в строительстве убежищ нор (отнюдь не всегда бобры строят хатки, зачастую довольствуясь норами, вырытыми в крутом берегу реки). Примечательно, что эти отдельные черты сходства в морфологии, экологии и поведении выработались у животных не только не родственных, но и резко различающихся по многим

другим особенностям строения, питания, размножения.

Значительно позже я подумал также о том, что можно провести аналогию между утконосом и нашим полуводным насекомоядным зверьком выхухолью. Просматривая фильм о жизни выхухоли, я был поражен сходством этого зверька с утконосом в кормовом поведении. Спустившись из норы в воду, выхухоль плывет над самым дном, взмучивая придонный ил своим подвижным хоботком, и захватывает донных обитателей — моллюсков, червей, рачков. Поймав добычу, она возвращается в нору, где и поедает ее. Все это очень похоже на поведение утконоса.

Через час едем снова проверять сети. На этот раз я сажусь на весла; бесшумно опускаю их в воду и маневрирую в темноте вдоль сетей, давая Питеру возможность просвечивать фонарем сеть под водой. В той же сети, в которую час назад попала самка, запутался крупный самец. Он вырывается из рук еще более настойчиво, но Питер держит его за хвост очень крепко и в то же время осторожно, избегая его растопыренных задних лап. Такая предусмотрительность вполне оправдана: на запястье каждой лапы с внутренней стороны торчит по толстой, слегка загнутой острой шпоре. Шпоры эти светло-желтого цвета, полупрозрачные в свете фонаря. В них таится немалая опасность — самец утконоса отнюдь не так безобиден, как самка. Внутри каждой шпоры проходит полый канал, соединенный с протоком ядовитой железы, которая помещается в основании ноги. Железы содержат нейротоксический яд, смертельный для мелких животных. Для человека укол шпоры утконоса весьма болезнен, хотя и не смертелен. Странно, что утконос не старается воспользоваться шпорами для самозащиты. Он мог бы протянуть лапу назад и вонзить шпору в руку Питера, но вместо этого он бессмысленно растопырил лапы и лишь судорожно подергивает ими.

До сих пор неясно, зачем нужны утконосу ядовитые шпоры. Для защиты от естественных врагов? Но таких врагов у утконоса немного — это вараны, крупные змеи и эндемичные водяные крысы. Для них утконосы представляют лишь случайную добычу. Кроме того, шпорами вооружены лишь самцы — а разве самкам меньше нужна защита от хищников? Может быть, самцы утконосов используют шпоры при борьбе между собой за самок или за индивидуальные участки? Отмечен случай, когда самец поранил шпорой попавшуюся ему «под горячую руку» самочку и та вскоре погибла. Но оказывает ли яд шпор заметное действие на более крупных самцов утконосов, пока неясно.

Поместив обоих пленников в большие ведра в кузове «лендровера», мы сами устраиваемся у костра для короткого сна.

Заглянув перед сном в машину, я обнаруживаю, что утконосы заполнили ее резким запахом, который не был так заметен на открытом воздухе. Он напоминает запах свежельвленной рыбы. Такой сильный запах источают выделения околошейных желез. По этому запаху утконосы легко находят друг друга в природе.

Под утро становится прохладно, я зябко кутаюсь в плед и придвигаюсь поближе к костру. Легкий ветерок шевелит листву деревьев, черное ночное небо освободилось от туч и усыпано яркими звездами в непривычных нашему глазу сочетаниях южных созвездий. За две недели пребывания в Австралии я пока не научился безошибочно находить воспетый романтиками морей Южный Крест. Вопреки представлениям большинства обитателей Северного полушария это созвездие находится отнюдь не на Южном полюсе неба, а в стороне от него, примерно так же далеко, как Большая Медведица от Полярной звезды. Остальные звезды Южного полушария я мысленно группирую

в желаемые сочетания, и вот уже мне представляется очерченный яркими звездами силуэт... утконоса. Конечно, такого созвездия нет на карте звездного неба, ведь все они были поименованы отважными корсарами южных морей еще задолго до открытия этого животного. Но в эту ночь на берегу тихой австралийской речушки, где в темноте плещутся утконосы, мне ясно видится именно такое созвездие.

«Однопроходные яйцекладущие, яйцо кожистое» — такую феноменальную телеграмму послал в начале сентября 1884 г. австралийский зоолог В. Колдуэлл на сессию Британского зоологического общества. Так ученые впервые узнали, что утконосы не рожают живых детенышей, а откладывают кожистые яйца, подобно рептилиям. С того поразительного открытия прошло немало времени, и теперь мы уже знаем многое о размножении утконоса.

И самцы, и самки утконоса обычно проводят день в примитивных коротких норах, вырытых ими под корнями прибрежных деревьев или кустов. Однако на время размножения самку не удовлетворяет такое ненадежное убежище. Она роет сложную и длинную гнездовую нору. Вход ее располагается немного выше уровня воды, и затем нора идет вверх под углом примерно в 30° . От основного хода самка делает один-два боковых тупичка — очевидно, для того, чтобы сбить с толку непрошенных посетителей. Общая длина норы может достигать восемнадцати метров. В конце ее располагается овальная гнездовая камера, которую самка заботливо выстилает сухой травой и листьями.

В этой камере самка сносит от одного до трех кожистых яиц, подчас склеенных друг с другом. Размеры яиц полтора-два сантиметра. Перед откладкой яиц самка забивает вход в нору несколькими земляными пробками. Это поддерживает постоянное тепло в норе и предохраняет от нежелательных визитов в са-

мый ответственный период насиживания яиц. Чтобы ускорить их развитие, самка сворачивается клубком вокруг кладки и насиживает ее в течение одной-двух недель.

Вылупившиеся из яиц детеныши имеют длину чуть более двух сантиметров, они слепые и голые. К этому времени на брюхе самки формируются два оголенных млечных поля. Из скоплений млечных желез, подобно испарине, выступают мелкие капли густого молока, которое детеныши, забравшись на брюхо лежащей на спине матери, слизывают своими мягкими клювами. Растут детеныши медленно и только через четыре месяца покрываются шерстью. В этом возрасте они достигают длины около тридцати сантиметров и впервые покидают нору.

Немало проблем и тревог вызывает у ученых и деятелей охраны природы критическое состояние многих редких и ценных видов эндемичной австралийской фауны. Некоторые виды уже безвозвратно исчезли с лица земли в результате прямого истребления или коренного изменения естественных местообитаний. Численность многих видов достигла такого низкого уровня, что необходимы экстренные меры для их спасения.

Все это по счастливому стечению обстоятельств не относится к утконосам. Хотя этих животных и уничтожали в прошлом веке тысячами ради их шкурок, но скрытный ночной образ жизни с использованием убежищ нор позволил им пережить этот тяжелый период. Запрет отстрела утконосов, действующий уже более восьмидесяти лет, способствовал восстановлению их популяций. Естественных врагов у утконосов немного, и деятельность человека не оказывает явно отрицательного влияния на этих животных. Утконосы населяют реки не только в первичных лесах, но и в сельскохозяйственных ландшафтах, и даже в окрестностях больших городов.

Лишь изредка утконосы гибнут, попадая в верши рыбаков или при искусственном сбросе воды в реках. Интенсивный выпас скота также может приводить к разрушению нор и оголению берегов, что вызывает исчезновение утконосов в этих местах. Но, несмотря на все эти мелкие неприятности, численность утконосов в Юго-Восточной Австралии сейчас близка к оптимальной.

Особую роль в сохранении эндемичной фауны в Австралии призвана сыграть созданная и расширяемая сеть национальных парков и резерватов, где должны быть сохранены все характерные типы местообитаний вместе с населяющими их животными.

Будем надеяться, что и далекие наши потомки смогут увидеть утконоса не только в зоопарках, а ученые откроют еще немало тайн эволюции, экологии и биологии этого уникального яйцекладущего млекопитающего.

Погоня за валлаби

Ранним дождливым утром мы покидаем столицу. В пять часов уже светло — ведь на дворе сейчас декабрь, разгар лета. Небо в плотных облаках, моросящий дождь превращает дорогу в скользкое, опасное для вождения серое полотно. Нас четверо в «лендровере»: руководитель экспедиции доктор Хью Тиндал Биско, его два аспиранта Джон и Мэрилин и я. Едем мы, сменяясь за рулем по очереди. Установили смену по кругу, как на волейбольной площадке: один спит сзади на лежащем месте, другой ведет машину, а двое сидят рядом с водителем. Первым уселся за руль Джон. Я сижу у окна и наблюдаю холмистую местность с чередованием парковых лесочков, полей, пастбищ. Всю дорогу вдоль обочины тянутся изгороди из колючей проволоки, а ближе к асфальту — сплошная лента из

Скалистое побережье острова Кенгуру

сверкающих под дождем, вымытых его влагой бутылок и банок из-под пива. Здесь припято выпитую бутылку или банку выбрасывать прямо в окно автомобиля, благо на этих громадных пространствах дорог пешеходов практически не бывает. Тянущиеся вдоль дороги изгороди показывают, что вся земля вокруг дороги принадлежит кому-либо. В одном месте я обнаружил участок без изгороди и даже обрадовался: может быть, это все-таки ничейная территория? Но Хью меня разочаровал, объяснив, что просто некоторые фермеры не строят заборов вокруг своих участков — это очень дорого.

Через сто шестьдесят километров Джона за рулем сменила Мэрилин. Она ведет машину еще более умело и быстро. На спидометре все время около ста пятнадцати километров в час. При этом она еще нарочито небрежно держит руль одной рукой и то и дело поворачивается в сторону, чтобы перекинуться парой фраз со своими друзьями.

Наша экспедиция организовалась довольно быстро. Мне повезло: в течение первого месяца пребывания в Австралийском университете я был пригла-

шен принять участие в этой дальней экспедиции за островными кенгуру — таммарами или валлаби дама. Чтобы отловить более сотни валлаби для изучения их экологии и физиологии, группа специалистов Австралийского университета и направилась на остров Кенгуру. На нем действительно оказалось довольно много небольших кенгуру, относящихся к особому роду валлаби. Но об этом после, а пока отмечу, что было большой удачей оказаться уже в первый месяц пребывания в этой стране среди специалистов, отправляющихся в дальнее путешествие.

Доктор Хью Тиндал Биско, или попросту Хью, пригласил меня принять участие в этой поездке, желая доставить мне удовольствие, а заодно рассчитывая на мою помощь в отлове кенгуру. Хью уже многие годы ведет исследования по физиологии различных видов кенгуру, изучает рост и развитие детенышей в сумке и другие аспекты биологии размножения. Сейчас его особенно интересуют мелкие виды кенгуру, и в частности валлаби дама.

Хью высок и сухощав, с рыжеватыми редкими волосами. Лицо его обветренное, в рябинках, с тонким носом, светлыми, словно выгоревшими, бровями и всегда улыбчивым взглядом серо-голубых глаз. Он очень увлечен своей работой, и его трудно даже при желании увести в разговоре от темы основной специальности. Два верных помощника Хью — Джон и Мэрилин — такие же увлеченные зоологи. Джон — небольшого роста, плотный, коренастый брюнет с красивыми, выющимися волосами, смуглый, с правильными чертами лица. Внешностью он напоминает не австралийца, а скорее итальянца. Мэрилин — женщина среднего роста, с крупными чертами лица, длинными прямыми волосами, решительная, с твердым характером и соответственно резкими манерами. В экспедиции по ее способности переносить всевозможные тяготы путешествия и готовности всегда по-

Сумчатые медведи коала все время держатся в кронах эвкалиптов. Самка с детенышем на спине

мочь она незаменима. Именно поэтому Хью и Джон довольны ее компанией.

Приближается полдень; проехав около трехсот километров, устраиваем ленч прямо у дороги. Мы уже переваливаем Водораздельный хребет; эвкалиптовые леса становятся суше, светлее. Они похожи здесь на саванновые редколесья Африки — это бросилось мне в глаза еще при обзоре сверху, с самолета. Погода стала солнечная и жаркая. На открытых местах растительность разрежена, с пятнами желтовато-серой голой почвы. Чрезмерный выпас заметно подавляет рост трав. Отары овец меланхолично стоят под палящим солнцем. Еще утром мы видели в окрестностях Канберры их соплеменниц, мокнувших под дождем. Любопытно, где же шерсть получается лучше: в окрест-

ностях дождливой Канберры или в этих засушливых местах?

Во время отдыха нас донимают кустарниковые мухи. Это самые многочисленные в Австралии мелкие мухи, которые особенно докучливы в жарких и засушливых районах. Правда, они не кусаются, но забиваются в глаза, в нос, в рот во время еды и совершенно не дают покоя.

После легкого ленча Хью садится за руль, а я забираюсь назад, на спальное место. Теплый сухой ветер врывается в кабину, приятно обдувает лицо.

Еще через сто миль останавливаемся на заправку в маленьком городке. Жарища! Пьем лимонный сок, который приготовила Мэрилин. На улицах городка пальмы, деревья с синими цветами — жараканды, которые так часто попадаются на улицах Тропической Африки. Хью вспоминает, что эти же деревья видел он и в Индии, и в Колумбии. Начинаем энтомологические сборы. Хью поймал мне крупную красивую стрекозу.

Наступает моя очередь вести автомобиль. Для начала я выезжаю не на ту дорогу, и приходится возвращаться. Чтобы не вызывать удивления моих спутников, веду машину все время со скоростью 90 и более километров в час.

Для меня такая скорость непривычна, но виду я не показываю. Дорога в основном хорошая, так что затруднений нет. Только страшновато, когда мимо проносятся двух-трехэтажные грузовики с шестью, а то и десятью легковыми машинами на борту. От них такая воздушная волна, что приходится буквально вцепляться в руль, иначе машину может сбросить в кювет.

Участки полупустыни и редколесий сменяются возделанными землями: зеленые виноградники чередуются с желтыми полями пшеницы. Все это очень напоминает наш равнинный Азербайджан

Белогрудый баклан

или предгорья Узбекистана. Вдоль дороги то и дело видны останки сбитых машинами птиц и кроликов. Среди птиц можно определить даже на ходу белоспинную ворону и розового какаду. Эти два вида чаще других встречаются и «в живом виде». Хищных птиц немного: в поле зрения попались только один коршун и мелкий сокол. На полянах сухих эвкалиптовых лесов удалось дважды заметить страусов эму. Две группы паслись за изгородью там же, где и овцы. Мои спутники поясняют, что здесь еще не самые лучшие виноградники. Здешний виноград идет на изюм, а вот дальше будет тот, из которого делают вино.

Ближе к вечеру проезжаем небольшой, красивый и чистенький город Милдара, раскаленный, пышущий жаром. Но вот спадает жара, у дороги и над саванной все оживленнее птичья жизнь. Стаи розовых какаду все чаще попадают на глаза. Это большие красно-серые птицы с белыми головами; полет у них свободный, с парением, крылья широкие, взмах глубокий. Издалека подумаешь, что это не попугаи летят, а чайки или хищные птицы.

К вечеру все чаще встречаем попугаев прямо на дороге — видно, они прилетают сюда подкормиться галькой. А вот пара белоспинных ворон расклевывает свою соплеменницу, сбитую автомобилем. Они неохотно сходят на обочину перед самой машиной. Ну, погодите, «каннибалы», и вас подшибут!

Закат солнца над саванной так хорош, что я несколько раз прошу Мэрилин, которая теперь за рулем, остановиться, чтобы снять солнце у горизонта через причудливо изогнутые стволы эвкалиптов. Уже стемнело, когда мы приехали в Рен Марк. Долго петляем по городу в поисках открытого кафе.

После семи часов вечера в этих тихих провинциальных городках их можно найти только у заправок станций. Наконец мы находим такое кафе и прямо из жаровни берем двух огромных цыплят. Покупаем также две бутылки пива — Хью и Джону и две бутылки яблочного сока — для Мэрилин и меня. Отъехав недалеко от города, уже в темноте, при свете фонаря едим горячих цыплят, запивая каждый своим излюбленным напитком. Место нашего ужина — это обочина дороги у самой изгороди, так что живописности особой здесь нет. Мы быстро завершаем ужин, тем более что с наступлением темноты оживляются комары. Хью садится за руль, а я забираюсь назад — отсыпаться. Хью отмечает, что расписание для меня, как в яслях, — после еды сразу сон. Проехав еще несколько десятков километров, в полной темноте останавливаемся на ночлег.

Чтобы проезжающие машины не гудели всю ночь над ухом, мы съезжаем с основной трассы на проселок. Он тоже окружен с обеих сторон колючей изгородью, но мы, пользуясь темнотой, перелезаем через нее и раскладываем матрацы и спальные мешки на сухом поле. Комары тотчас же принимаются за работу, но их немного, так что, укрывшись и высунув только нос, спать можно.

Прыжок-полет

Я рассказываю моим спутникам, каковы комары бывают в тундре, и мне почти не верят.

Перед сном я прошу показать мне Южный Крест. Расположен он довольно далеко от Южного полюса неба. А сам полюс находят от этого созвездия путем сложных геометрических построений.

Южный Крест изображен на флагах Австралии и Новой Зеландии. Любопытно, однако, что на флаге Новой Зеландии в Южном Кресте — четыре звезды, а на флаге Австралии имеется еще и пятая маленькая звезда сбоку. Это сделано для того, чтобы число звезд равнялось числу штатов Австралийского Союза. На небе же в этом созвездии можно насчитать четыре, пять, а при желании и большее число очень мелких звезд. А на самом Южном полюсе или хотя бы в непосредственной близости от него хорошо заметной звезды нет. Даже не очень верится этому — ведь их так много. Черное небо просто усыпано ими. Немало и знакомых созвездий, таких как Орион, Плеяды, заходящие из нашего, Северного полушария.

Жаркий ночной ветерок не охлаждает, но хотя бы разгоняет комаров. Вдали видна темная полоса леса

у реки, и оттуда доносится неумолчный говор — хор лягушачьих голосов, крики ночных птиц. Жизнь там кипит. Но уж, наверное, и комаров поболее, так что мы предпочитаем чистое поле. За полночь ветер стихает, комары начинают брать реванш. Приходится поглубже забраться в мешок. К утру происходит «смена караула»: как только светает, комары отправляются спать, а к работе приступают кустарниковые мухи.

На западе очень хорошо видно зарево — это уже километрах в восьмидесяти от нас столица Южной Австралии Аделаида.

Утром быстро собираемся — и в путь. Моя очередь вести машину. Приезжаем в городок Бароса Вэлли, окруженный самыми знаменитыми виноградниками. Здесь виноград идет уже не на изюм, а на вино. Заходим в погреба известной компании виноделов «Кайзерштуль», где нас угощают местным шампанским. Не знаю, как французское, но наше шампанское все-таки лучше.

Осталось полсотни километров до Аделаиды. Началась опять холмистая местность и пасмурная погода, а у самой Аделаиды даже дождик. Такое впечатление, будто возвращаемся к Канберре: тот же ландшафт и та же погода, только, пожалуй, потеплее. Оно и понятно: здесь и холмы пониже, и пустыня поближе.

Въезжаем в большой и тесный город. Одно из самых высоких зданий — с тремя буквами АМП на крыше, такое же, как в Канберре, только буквы здесь не красные, а зеленые.

Центральные улицы трудно отличить от улиц Мельбурна или Сиднея, те же рекламы тех же фирм: «Джонс», «Кодак», рестораны, такая же архитектура, узкие улочки со старомодными светофорами — все это пестро, ярко, но, увы, стандартно.

Направляемся в Аделаидский университет. Здесь работает друг Хью — энтомолог доктор Бартер. Он по-

казывает нам свои рисунки. Сейчас он работает над рисунком жука. Мне удастся определить его до семейства, и заодно я рассказываю Бартеру о том, где водятся подобные жуки у нас, чем питаются, об их поведении. Так маленький жук помогает нам быстро найти общий язык.

Затем заходим вместе с Джоном в Управление земельных ресурсов, где нам выдают крупномасштабные карты острова Кенгуру. Мы особенно интересуемся расчищенными участками в центре острова, так как именно туда валлаби дама выходят по ночам кормиться. Нам показывают аэрофотоснимки, объясняют, где чьи землевладения и с кем согласовать наши ночные рейды, чтобы избежать конфликтов.

В центре города надо сделать закупку продуктов. Это довольно сложная процедура. Дело в том, что стоянка и даже остановка везде запрещена. Поэтому Джон едет на «лендровере», совершая непрерывный круговой маршрут вокруг торгового центра, а мы, купив необходимые продукты, останавливаемся и, увидев проезжающего Джона, машем ему рукой. Он притормаживает, и мы на ходу закидываем пакеты в машину. К одному из магазинов он уже подъезжает, сзади подгоняют следующие машины, а мы еще не успели подойти с новой партией продуктов. Ему приходится ехать дальше, а нам ждать его на следующем витке. Так постепенно удастся закупить все необходимое.

Наскоро закусываем в маленьком итальянском кафе. Я заказываю шашлык, и действительно подают его на шампурах, только без зелени, такой, как у нас на Кавказе или в Средней Азии. В итальянском кафе обстановка не похожа на типичные австралийские аккуратные, чистенькие и спокойные места общепита. Здесь играет шумная музыка, молоденькие официантки сидят и, окутанные клубами табачного дыма, переругиваются по-итальянски с группой молодых

ребят довольно бандитского вида, которые потягивают пенный кофе капучино.

По узким улицам пробираемся в порт. Здесь большой корабль берет наверх пассажиров, а в трюм — машины. Оставляем свою машину на пристани и идем на судно. Саму машину заведут в трюм портовые шоферы.

Перед тем как подняться по трапу, обнаруживаю, что на моем билете имя «мисс Банкрофт». Оказывается, одна сотрудница департамента зоологии должна была схватить в эту экспедицию, вместо нее поехать предложили мне. Но билеты заказывали заранее, поэтому замесить фамилию на билете не успели.

Контролер берет у всех билеты, я иду последним. Он отрывает контрольный талон у билета и, когда я уже поднимаюсь по лестнице, замечает имя в билете. Контролер бросает мне вслед подозрительный взгляд. Вид у меня весьма экстравагантный — поверх белой кепочки надета шляпа, а на шее — желтое полотенце. Вся эта экипировка нужна была мне во время езды по пыльным дорогам пригородов Аделаиды. Я заговорщически улыбаюсь контролеру, и он озадаченно говорит мне: «О'кей», решив не выяснять, почему «мисс Банкрофт» имеет такую внушительную внешность.

Располагаемся на палубе. Пароход медленно отходит, облавая набережную черным дымом. Вид у Аделаиды со стороны моря довольно мрачный, по крайней мере в пасмурную погоду. Это громадный серый город в дожде и дымах, лежащий в котловине между горами. Поздно ночью, уже в темноте, пароход прибыл в Киингскот — главный город и порт острова Кенгуру. Прямо на корабле нас встречает симпатичный парень лет тридцати. Это Питер Дэвис — сын хозяина фермы, где мы будем жить. Он очень высок и худ, с обветренным лицом крестьянина и застенчивой улыбкой человека, выросшего вдали от шумного общества.

*Причудливые скалы — достопримечательность парка
Флиндерс-Чейз на острове Кенгуру*

Поджидаем на пристани, пока портовые шоферы выведут машины из трюма. Очередная машина появляется из темного трюма, подходит хозяин, говорит «спасибо», садится и уезжает. Приятно, что нет никакой проверки ни с той, ни с другой стороны. Вот и наш «лендровер». Мэрилин и Хью садятся с Питером в его машину, а мы с Джоном едем на нашей. Перед нами ночной остров Кенгуру! Быстро минуем небольшой городок Кингскот и выезжаем на хайвей — главную дорогу острова. Вокруг в темноте мелькают мимо машины густые заросли кустарников и серые стволы эвкалиптов. Небо все в звездах, но на западе тучи, сверкают молнии. Я уже легко нахожу Южный Крест.

За небольшим городком Парнданой хайвей уже без асфальта. Сырой грунт заставляет машины даже при скорости шестьдесят километров в час скользить то налево, то направо. Приходится снизить скорость. Ночь довольно холодная, и поэтому у дороги не видно ни одного животного. Наконец сворачиваем с хайвея налево, на юг, и Джон шутит: «Следующая остановка — Антарктида». Действительно, в этом направлении

за островом Кенгуру нет уже никакой суши вплоть до Антарктиды.

Въезжаем на ферму через проем в ряду цветущих кустов с яркими красными цветами. Питер здесь сейчас один. Родители его — уже старики — живут в городке Парндане, в самом центре острова. Но здесь на ферме есть и телефон, и горячая вода. Мать Питера любит делать чучела. Он показывает нам валлаби, поссума с детенышем и ехидну. Все они очень хорошо сделаны. Поужинав и выпив чаю с местным эвкалиптовым медом, отправляемся сразу ловить валлаби. На мотор «лендровера» прямо перед водителем укрепляем матрац. Туда садится Питер, держа в руке фонарь. Джон и Мэрилин, вооруженные сачками, становятся по бокам на подножки. Я пока сажусь сзади. Все мы держимся за прочную веревку, протянутую треугольником через крышу. Хью за рулем, а я должен помогать при ловле — вытаскивать валлаби из сачков.

Выезжаем на ближайшие поляны и сразу видим несколько пасущихся валлаби. При виде машины они начинают сначала медленно, потом все быстрее скакать к изгороди, ныряют под нее и исчезают в кустарнике.

Можно их ловить только у самой машины за один прыжок, если валлаби зазевался и подпустил близко. Такой промах допускают чаще всего молодые животные и самцы. Если же животное уже спугнуто, догнать его невозможно. Услышав соскочившего с подножки человека, валлаби «включает четвертую скорость» и исчезает, как тень. Оказывается, это очень быстрые животные. Все-таки за два часа ночной охоты нам удалось поймать пять валлаби — двух самцов и трех самочек. Джон, накрыв валлаби сачком, сам легко выхватывает оттуда животное, а Мэрилин приходится прибегать к моей помощи. Держать животное нужно только за основание хвоста, иначе валлаби или вывер-

Австралийский черный лебедь

нется и вцепится зубами (а кусается он очень больно), или обдерет когтями задних лап.

Самцов легко отличить от самок: у них более яркие рыжие плечи, на загривке темная продольная полоса, мощные передние лапы, острая морда и в целом более крепкое и плотное телосложение.

Всего мы видели около пятидесяти валлаби, а также одного серого кенгуру. Это был большой самец, в одиночестве пасшийся на лужайке. Мы не встретили ни одного кролика. Я спросил у Питера, почему нам не попадаются эти столь обычные австралийские животные. Оказалось, что, к счастью, их сюда еще не завезли и уж теперь, конечно, не завезут.

Ветер довольно сильный и холодный, руки мерзнут; изредка идет небольшой дождик. Возвращаемся в три часа ночи. С крыльца дома смотрю на темные силуэты кустарников, окружающих усадьбу. На небе, слегка затянутом облаками, видна луна, наполовину закрытая тенью Земли. Здесь, в Южном полушарии, фазы Луны приходится отсчитывать наоборот. Если Луна имеет форму буквы «С», значит, она не стареет, а, наоборот, растет, увеличивается.

Утром нас встречает яркое солнце. На дворе фермы множество птиц, и прежде всего бросаются в глаза прелестные мелкие голубые крапивники. Они скачут по траве и ветвям кустарников с мелодичным трещанием, похожим на голос длиннохвостых синиц. Здесь же — желтые медососы, обследующие садовые цветы. Особенно часто они присаживаются на розовые щетки боттл браша. В переводе название этого австралийского кустарника означает «щетка для чистки бутылок». И действительно, соцветия очень похожи на этот предмет кухонного обихода.

Можно уловить и знакомые голоса с привычным для нашего уха музыкальным перебором — пролетает над головой стайка ярко-желтых щеглов.

— Может быть, хоть здесь еще нет воробьев? — спрашиваю я Питера. Увы, он показывает мне тут же самочку домового воробья, скачущую под кустом.

— Пока еще здесь их немного, — добавляет Питер. — Видно, местные птицы не хотят пускать в свои сады этих непрошенных гостей.

После завтрака Питер выводит меня за пределы сада и показывает долину реки Саус Вест. Здесь, на этом острове, есть и частные земли, такие как его ферма, а есть и так называемые земли короны, то есть условно принадлежащие королеве Великобритании.

Все большие поляны, которые видим мы с Питером, расчищены им и его отцом. На них собраны копны сена, пасутся овцы и коровы, а вдали видны два островка девственного леса, которые меня особенно заинтересовали. Питер рассказывает, что до их поселения здесь вся долина реки была покрыта хотя и низкорослым, но сплошным и густым эвкалиптовым лесом.

Отправляюсь в оставшиеся участки нетронутого эвкалиптового леса. Между деревьями, в подлеске, растут пальмообразные ксанторреи и колючий низ-

Очковый пеликан гнездится на озерах и песчаных лагунах морских побережий

корослый кустарник. Для начала я переворачиваю обильный валежник. Этот обычный метод поиска почвенных животных сразу дает богатый урожай. Попадают большие жирные тараканы, кофейного цвета скорпионы с мощными клешнями. Под корягами и особенно под лепешками коровьего помета много дождевых червей. Здесь они удивительно проворные: если и не успевают нырнуть в норку, то, попав на ладонь, начинают прыгать, дергая хвостом и головой во все стороны, и стараются спрыгнуть с руки.

Помимо мелких ящериц — сцинков — удалось встретить и довольно крупного самца варана, который прятался под большим бревном. Сделав несколько снимков, я его отпустил, но варан не полез больше под корягу, а побежал в одну из своих нор. Там надежнее, чем на временной «даче». У самой воды на берегу реки слышны из травы громкие голоса лягушек. Австралийцы называют их «буллфродс», то есть лягушки-быки. Голос у них действительно громкий, но совсем не похож на мычание быка. Замечаю, что голоса здешних лягушек-быков отличаются от тех, что пришлось слышать в окрестностях Канберры.

Птиц в лесу довольно много — это и стайки синих крапивников, и выводки попугаев розелл, и группы крикливых розовых какаду. На поле около леса кормятся желтолицые чибисы. Ходят они молча, но, взлетая, издают громкий резкий крик. Над долиной реки быстро пролетает выводок серых уток.

А с небольшого озера снимается и скрывается за горизонтом белошейный баклан. Приятно видеть, что среди окружающих птиц преобладают местные виды. Завезенных из Европы довольно мало, но все-таки опять около пасущихся овец замечаю небольшую стаю обыкновенных европейских скворцов.

Вернувшись к обеду, первым делом разбираю собранный материал. Коллеги с интересом просматривают найденных мною животных и, увидев черного паука, приходят в сильное волнение. Это паук атракс, укус которого может быть смертелен. Наряду с местным каракуртом атракс считается самым опасным из австралийских пауков. Я успокаиваю собеседников: любое животное я стараюсь поймать так, чтобы избежать неожиданного укуса. Заодно напоминаю им, что атракс — близкий родич южноамериканских пауков-птицеедов.

С наступлением темноты снова отправляемся на охоту за валлаби. Теперь мне уже доверено новое дело: я осветитель. Сажу на капоте с сильным фонарем в руках. Сегодняшнюю ночь мы полностью посвятили ловле валлаби и провели на пастбищах, лужайках, в зарослях кустарников около пяти часов. За это время нам удалось увидеть около ста двадцати валлаби, двадцать кистехвостых поссумов и восемь больших серых кенгуру. Охотились мы в основном за самками, потому что самцов раза в четыре больше и они легче подпускают. Поймали восемь самок и одного самца.

Пользуясь орудием осветителя — фонарем, я заодно изучаю, какого цвета и с какой силой горят глаза у различных животных, когда они попадают в луч

Бабочки Далиас собираются большими стаями

фонаря. После небольшой практики можно отличать животных издали по цвету горящих глаз. Так, у посумов глаза горят гораздо ярче, чем у валлаби. Хотя посумы и древесные животные, но по ночам нередко спускаются на землю. И именно здесь мы часто застаем их. Увидев опасность, посум бежит на всех четырех лапах, как бы стелется по траве, и, достигнув опушки, быстро взбирается на ближайшее дерево. На бегу хорошо виден его темный пушистый хвост. Недаром этого крупного сумчатого зверька зовут кистехвостым посумом. По цвету глаз можно отличить и кенгуру от валлаби. Однажды в свет фонаря попало мелкое животное с какими-то очень яркими глазами. Я уже обрадовался, думая, что удалось увидеть новый вид сумчатых, но при ближайшем рассмотрении это яркоглазое животное оказалось одичавшей домашней кошкой.

Перед рассветом, около пяти часов утра, мы едем в аэропорт, где помещаем отловленных животных в специальные картонные коробки, которые утренним рейсом будут отправлены в Канберру. Таким образом, животные уже сегодня попадут в хорошие условия

и будут содержаться в вольерах до нашего возвращения.

Следующей ночью я побродил в одиночку по лесу. Странное ощущение — здесь нет ни одного животного, которое могло бы напасть на человека, видя в нем возможную жертву. Ведь где бы мы ни были: на Дальнем Востоке, в Индии, в Африке или в Европе, — везде есть возможность встретить ночью леопарда, льва, тигра, медведя или волка. Все это крупные хищники, достаточно опасные для человека. Здесь же хищников в обиходном понимании просто нет. В то же время здесь нет древних хищных пресмыкающихся, которые вымерли еще в меловой период. Это как бы переходный период между господством крупных хищных пресмыкающихся и хищных млекопитающих. Сегодняшняя ночная ловля обещает быть урожайной. Мы осваиваем новые районы. Действительно, к девяти часам вечера уже поймано девять штук. Со вчерашнего дня мы разработали новую методику: Хью ведет машину не прямо на валлаби, а сбоку — слева или справа, постепенно заворачивая. Таким образом он останавливает животное. Валлаби замирает на месте, думая, что машина проедет мимо. Именно в этот момент Мэрилин, стоящая на подножке, накрывает животное сачком, не сходя на землю. Затем, выхватив животное за хвост из сачка, она профессиональным жестом нащупывает сумку у животного. Изредка происходит и небольшой конфуз, когда кажется, что мы гнались за самкой, а при проверке сумки не обнаруживается. Если взрослые самцы и самки хорошо различаются, то молодые самцы иногда оказываются очень похожими на самок.

Как только животное попадает в луч фонаря и кто-нибудь первый восклицает: «Это парень!», фонарь сразу переводят на другую особь. Если же определяют: «Это девица», то начинается погоня. Ловим мы в

Жесткошейный ибис населяет берега водоемов

основном самок. Самцов нам нужно немного, всего около десяти процентов.

Я спрашиваю Питера, давно ли отлавливают здесь валлаби для научных целей. Оказывается, уже три года. За это время добыто около пятисот животных. Естественно, что отлов мог стать основной причиной преобладания самок в местных популяциях, так как вылавливали в основном самок.

Иногда в луч фонаря попадает куртина травы или сухой пенек, очень похожие на валлаби. Приблизившись и убедившись, что это не животное, кто-нибудь восклицает: «А это трава валлаби» или «Бревно валлаби».

При новой методике ловли, с заездом сбоку, мне, стоящему на левой подножке, ничего не достается. Дело в том, что Хью лучше видит справа, так как слева ему загораживает поле зрения Джон, поэтому он «подает» животных в основном на сачок Мэрилин. Заметив, что я начал скучать без добычи, Мэрилин предлагает мне поменяться местами. Становлюсь на правую подножку и вскоре ловлю своего первого валлаби самостоятельно. Хью, выхватив его из моего сачка, восклицает: «Русский валлаби».

Во время ночной охоты мы заезжаем на пастбище, где пасутся коровы. Стоя на подножке, вдруг слышу в темноте громкий рев и топот. Оказывается, прямо на нас тяжелой рысью мчится несколько коров. Кто-то сопит в затылок. Прошу Джона посветить назад и обнаруживаю здорового быка прямо у себя за спиной. Джон объясняет: «Не беспокойся, просто эти коровы привыкли, что их кормят с машины, и решили, что мы привезли угощение в такое неурочное время».

Среди дня, отдохнув от ночной охоты, собираемся на экскурсию к берегу моря. Погода прохладная, но на солнце тепло. По извилистой песчаной дороге выезжаем на берег бухты. Светло-желтый пляж, по бокам его черные скалы башни, о них разбиваются громадные холодные волны. За горизонтом — Антарктида! Ветер оттуда и впрямь холодный.

Собираем на песке и по скалам различных моллюсков, выброшенных морем, высохших крабов, скелетные пластины каракатиц. Вокруг пляжа в зарослях низкорослых кустарников то к делу попадают вараны. У самой воды кормится стая мелких чаек. Крупная тихоокеанская чайка стоит, как хозяин, на скале и, когда Джон бросает подбитую им рыбу, первой хватается ее, не обращая внимания на завистливые крики мелких сородичей.

Джон облачился в черный костюм ныряльщика, надел ласты и маску и, вооружившись подводным ружьем, начал охотиться на рыбу. Мне впервые приходится испытать на себе полный костюм «ветсыют», с шапкой, маской, поясными гирями, ластами и трубкой. К сожалению, в бухте сильное волнение, дна почти не видно, песок взбаламучен. Однако все же удастся над мутной придонной водой выследить довольно крупных морских рыб, заходящих в бухту.

В последний день пребывания на острове Кенгуру я взял у моих друзей машину на три часа, чтобы съездить в заповедник Флиндерс-Чейз, расположенный

Куриный гусь

на западной окраине острова. Раннее утро, солнце периодически проглядывает сквозь облака, и по дороге, поросшей зрелым высокоствольным лесом, я периодически снимаю типичные пейзажи. Дорога была пустынной, только навстречу мне попались фермер с сыном, едущие верхом. Перед въездом в заповедник — ворота, небольшой забор, уходящий в глубь зарослей, и плакат, на котором изображен коала и рядом надпись: «Не спалите его!» Еще по дороге мне попалось несколько знаков ограничения скорости с изображением кенгуру.

Приезжаю на кордон, где меня приветливо встречает старший лесничий Джордж Лонсар, одетый в зеленую форму с красивыми нашивками Управления охраны природы Южной Австралии. Он проводит по окрестностям и показывает животных, которых можно встретить поблизости от кордона. На лужайках пасутся группы серых кенгуру; здесь они почти ручные и к ним можно подойти на несколько метров. На обширном сыром лугу расположилась громадная, более сотни, стая куриных гусей — замечательных австралийских эндемиков. Они мирно

щиплют траву, но при попытке приблизиться взлетают и садятся поодаль. Около них прогуливаются две пары эму. Когдаходишь к ним, самцы начинают издавать глухие гортанные звуки, выражая этим свою тревогу.

Долго наблюдаю за пасущимися кенгуру. При медленном передвижении кенгуру опирается на все четыре лапы — поочередно на заднюю и переднюю пару, периодически останавливается и принимает позу собачьей стойки: опершись на три ноги, поднимает правую переднюю ногу. Если обнаруживает что-либо тревожное, поднимается на задние ноги и направляет уши-локаторы в сторону источника тревоги, а затем одно ухо поворачивает назад — для контроля ситуации с тыла.

Наиболее примечательны здесь коала. Они, правда, не водились на острове издревле, а завезены европейцами. Популяция их достигла здесь нормального уровня и находится в большей безопасности, чем на материке.

Мы с лесничим пошли по окрестностям, чтобы найти коала. Их трудно рассмотреть в кроне дерева, но уж если найдешь, то они никуда не убегают. Хожение по лесу принесло нам успех. Сначала Джордж показал мне самца и поодаль самку с детенышем. Я стал наблюдать за этой парочкой. Детеныш уже вполовину взрослого. Сначала он сидел на отдельной ветке, но, заметив, что я все время хожу под деревом, счел за лучшее перебраться поближе к мамаше, а затем вскарабкался ей на спину. Мама лишь слегка пошатнулась под тяжестью своего упитанного недоросля, но не выразила какого-либо недовольства. Вскоре она совсем закрыла свои подслеповатые глазки и мирно заснула. Пришлось попрыгать под деревом и испустить несколько громких воплей, чтобы разбудить ее и привлечь к себе внимание — спящую фотографировать не хотелось. Когда мамаша просну-

лась и сердито поглядела на меня, я сделал несколько неплохих снимков.

Попрошавшись с гостеприимным лесничим, возвращаюсь на ферму Питера. Последний сбор, повторная экскурсия на пляж. Мы едем по новой дороге, и я спрашиваю Хью: «Мы едем на другой пляж?» Хью отвечает: «Нет, на тот же самый». И усмехнувшись, добавляет: «Ты знаешь, чудесное место эта Австралия — к каждому месту у нас как минимум две разные дороги».

После заключительной ночной экскурсии в половине четвертого ночи мы уезжаем. Я веду машину через весь остров до самой пристани. Все спят — и на переднем, и на заднем сиденьях. Когда едешь по холмистому острову на восток, хорошо заметно, что он постепенно снижается: преобладают крутые спуски, подъемов гораздо меньше. Приезжаем в порт Кингскот на рассвете.

Грузимся на тот же самый пароход и солнечным утром прибываем в Аделаиду. В устье реки много моторных лодок: семьи приезжают к берегу на машинах с лодками и сгружают их прямо в воду, некоторые катаются на водных лыжах. По берегу и над водой у корабля много чашек. С корабля сначала сгружают мощные двухэтажные грузовики с коровами и овцами, а затем уже личные машины с нижней палубы. Мы ожидаем своей машины, и Хью отмечает: «У нас в отличие от Англии не леди в первую очередь, а овцы». Действительно, овцы — это символ Австралии, а заодно и ее несчастье. Ведь падение цен на овец в последнее время буквально катастрофическое и, как сказал Питер, сейчас овца дешевле кролика. «Легче овцу убить, чем продать», — говорят отчаявшиеся фермеры.

Из Аделаиды берем курс на Канберру. Ночью в свете фар множество кроликов, около пяти-шести на каждую милю. Много также и сбитых зверьков. Как ни печально, но и мне пришлось сбить по дороге не-

сколько кроликов — они бросались прямо под машину, и увернуться от них на скорости сто километров в час просто невозможно. Мне это очень неприятно, но Джон, сочувствуя мне, объясняет: «Ты не убийца, это они самоубийцы». В четыре часа утра мы останавливаемся на тихой окраине селения и спим до восьми часов под пение петухов и крики пары кукабарр. Когда резкий хохот этих гигантских зимородков раздается прямо над головой, все нервно ворочаются, а меня душит смех. Ведь очень уж долго мои коллеги искали тихое место, чтобы поспать спокойно несколько часов. В перерывах между душераздирающим хохотом кукабарр и пением петухов слышны резкие крики розовых какаду. Для меня, орнитолога, вздремнуть под голоса птиц — истинное удовольствие.

Ехидна с острова Кенгуру

Хотя это древнейшее млекопитающее распространено практически по всему матерiku, обнаружить и наблюдать его в природе совсем не просто. Ехидна ведет скрытный образ жизни; ночная и сумеречная активность, исключительная способность к зарыванию в землю, использование нор и других укрытий во время отдыха помогают ей скрываться от людей.

Мне удалось найти ехидн и провести наблюдения за их поведением лишь во время второй поездки на остров Кенгуру, которую я совершил в конце февраля. Там обитают ехидны, отличающиеся от материковых светлой, желтовато-коричневой окраской и особенно густыми, тонкими и длинными иглами.

Во время первого посещения острова с группой зоологов ехидн увидеть ни разу не удалось. Правда, тогда мы были всецело поглощены отловом валлаби таммаров.

Столкнуться с ехидной нос к носу — большая удача!

Во второй раз я прилетел на остров Кенгуру один и смог посвятить все время обследованию заповедника Флиндерс-Чейз и наблюдению за ехиднами.

Питер Дэвис выкроил несколько часов из своего рабочего дня и провел меня в глухой участок низкорослого эвкалиптового леса близ реки, где чаще всего ему попадались ехидны, и мы приступили к поискам. Сейчас конец февраля — по местным понятиям, конец лета, но на многих эвкалиптах распустились кисти ярко-красных цветов. Под пологом деревьев разбросаны отдельно стоящие ксанторреи, или травяные деревья, с черными столбовидными стволами и шапкой узких жестких листьев на макушке. С первого взгляда ксанторреи напоминают пальмы, хотя на самом деле относятся к семейству лилейных. Почва густо покрыта сухой листвой, повсюду много валежника. Местами заросли молодых эвкалиптов становятся непролаз-

ными. Солнце уже начинает клониться к горизонту, и в глубине леса сумрачно, несмотря на почти безоблачную погоду.

Над лесом пролетает большая стая крикливых розовых какаду. Они направляются на поля убранной пшеницы, чтобы подобрать рассыпанные зерна. В кустах раздаются мелодичные трели и короткие позывы синих крапивников. Выводок из восьми крошечных птичек с вертикально вздернутыми хвостиками скачет по ветвям. Один лишь самец украшен ярко-синей шапочкой и мантией, остальные члены семейки скромного буроватого цвета.

Из-под ног то и дело выбегают и, шурша в сухой листве, прячутся под валежником мелкие коротконогие сцинки. Переворачиваю несколько полусгнивших стволов и нахожу под ними гнезда муравьев, крупных кивсяков, темно-бурых скорпионов с толстыми клешнями.

И вот наконец за одной из валежин мы слышим шорох листвы и видим колючую спину ехидны. Она сосредоточенно бредет вдоль бревна, обнюхивая землю своим длинным носом. Ноздри ее расположены на влажном чувствительном конце вытянутой мордочки. Маленькие сонные глазки близоруко смотрят по сторонам. Мы с Питером бросаемся вперед, но зверек и не думает бежать. Заслышав наши шаги, ехидна останавливается, фыркнув, убирает голову под брюхо и выставляет кверху короткие и толстые спинные иглы.

Внешнее сходство животного с ежом поразительно. Я осторожно дотрагиваюсь до левого бока ехидны, она тотчас же прижимает эту сторону тела к земле. Хочу подцепить ее с другого бока — ехидна наклоняет тело вправо. С некоторой опаской беру зверька за спинные иголки. Помню, что в этих случаях ежи обычно с резким фырканием подпрыгивают, выгибая спину и стараясь ударить своими иглами. Но ехидна

еще не владеет таким приемом защиты, и я легко беру ее в руки. Она сразу сворачивается в плотный клубок, прячет голову и лапы внутрь.

Иголки ехидны толстые, короткие и острые, светло-желтые, с черными концами. Ноги, брюхо и голова покрыты щетинистой темно-бурой шерстью. Особенно мощные иглы расположены на загривке, по бокам тела и вокруг короткого тупого хвоста. По хребту проходит полоска более мелких игл, между ними хорошо виден темный «подшерсток».

Слегка отгибаю ноги ехидны, пытаюсь получше рассмотреть их строение. Зверек напрягает мышцы, сопротивляясь моим намерениям. Все же удастся разглядеть передние лапы с мощными тупыми когтями. Они слегка загнуты и уплощены. На задних ногах когти, напротив, заостренные, причем второй и третий гораздо длиннее остальных — ими ехидна пользуется для почесывания кожи между иголками. На внутренней стороне задних ног чуть выступают из шерсти короткие и толстые шпоры. Значит, нам попался самец: у самок шпор не бывает.

Питер подставляет большой мешок, я закатываю туда колючий шар. Отправляемся на дальнейшие поиски и еще засветло натываемся на вторую ехидну, поглощенную едой. Она нашла муравейник около трухлявого пня и, разрыв его сильными передними лапами, начала слизывать разбегающихся муравьев. Длинный и тонкий язык быстро высовывается и, подхватив лакомство, втягивается внутрь. Попросив Питера остаться поодаль, я бесшумно подкрадываюсь к ехидне и наблюдаю за ней с расстояния в несколько шагов. Она деловито снует языком по поверхности разрытого муравейника, поводя мордочкой и пофыркивая. Время от времени ехидна разгребает муравейник то левой, то правой лапой, заставляя муравьев лихорадочно бегать по поверхности. Но вот ее обеспокоили какие-то кожные паразиты, и она, ловко зад-

рав заднюю ногу, с явным наслаждением почесывает спину между иголками длинными острыми когтями.

Под моей ногой хрустнула сухая ветка, и ехидна тотчас спрятала мордочку и подтянула лапы. Этого зверька мы тоже прячем в мешок вслед за первым. На задних лапах у этой ехидны шпор нет — значит, попалась самочка. Возвращаемся с добычей на ферму и выпускаем пленников в небольшой загон. Ставим им на ночь мисочки с молоком и заранее приготовленными дождевыми червями.

Наутро первым делом направляюсь к загону и обнаруживаю, что одна из ехидн спит, уткнувшись в угол, а другая зарылась в землю так, что с обеих сторон образовались два валика свежевырытой земли, наружу торчат только спинные иголки. Зарывшуюся ехидну приходится откапывать лопатой — иначе ее просто не за что ухватить.

Провожу несколько часов в обществе наших пленниц, наблюдая их поведение. Выпускаю зверьков на лужайку и стою неподвижно. Видят они плохо и, не слыша никаких звуков, вскоре успокаиваются, начинают ходить. Походка у них неторопливая, вперевалку; при этом задние ноги они ставят на землю когтями назад, как бы волоча их за собой, опора падает на повернутую назад ступню и крайний коготь, короткий и уплощенный.

Ехидне, чтобы зарыться в землю до уровня спинных колючек, требуется лишь несколько минут. Роет она в основном передними лапами, уходя под землю наклонно вниз и вперед. Выставив наружу только колючую спину, зверек успокаивается и остается в таком положении, не пытаясь углубиться дальше.

Если ехидну не беспокоить, она не зарывается и не прячется, прогулка ее становится более целенаправленной и содержательной. Она идет медленно, исследуя предметы своим длинным носом, периодически останавливаясь с поднятой передней ногой и

вытянутой мордочкой — ну прямо легавая в стойке. Иногда при изучении встречного предмета ехидна забавно кланяется, поводя носом вверх и вниз и громко посапывая.

На любой посторонний звук ехидна реагирует, резко останавливаясь, втягивая голову, поднимая иголки дыбом и фыркая. Но, если потревоживший ее шум не повторяется, она снова расслабляется, опускает иглы и продолжает свой путь.

Периодически, утомленная хождением, ехидна впадает в кратковременный сон, распластавшись и уткнув в землю свою длинную мордочку.

Одну из ехидн я застал на второй день в загоне спавшей на спине с раскинутыми в стороны лапами! Но чаще всего ехидны засыпают, просто забившись в угол загона, а на воле — в глубь густого кустарника.

Когда пути двух ехидн пересекались, они с сопением обнюхивали друг друга и затем самочка, видимо, смущенная более крупными габаритами самца, уступала ему дорогу. Стоило ей немного замешкаться, как самец внушительно толкал ее плечом и продолжал свой путь.

Найдя корм, ехидны ощупывали его длинным тонким шершавым языком, затем начинали быстрыми движениями языка лакать молоко или подхватывали дождевого червя и заглатывали его, пережевывая своими узкими челюстями, вооруженными, как у утконоса, роговыми пластинками. Немного поев или попив, любопытный зверек непременно засовывал нос под блюдечко, толчком головы переворачивал его и с чувством исполненного долга отправлялся дальше. Впрочем, так же ехидны поступали и с любым небольшим предметом, попадавшимся на пути, — камнем, куском коры или палкой. Желание перевернуть что-либо очень характерно для их поведения при поисках пищи.

Обе ехидны через несколько дней отправились в Канберру на том же самолете, что и я, но только

в багажном отделении. По прибытии они поступили в лабораторию, где зоологи университета продолжили наблюдения над этими животными.

Многие подробности размножения и развития ехидны прояснились только в последнее время.

Большую часть года ехидны ведут одиночный образ жизни, избегая встреч с сородичами. Постоянный район обитания каждой особи имеет радиус около полутора километров, но отдельные животные совершают переходы до пятнадцати километров. Брачный период наступает обычно в сентябре, во время австралийской весны. Тогда у самки образуется на брюхе временная сумка в виде складки, прикрывающей два млечных поля. Примерно через месяц после оплодотворения самка откладывает одно кожистое яйцо (очень редко их бывает два), которое закатывает в сумку и носит около двух недель. Новорожденный детеныш, слепой и голый, лишен колючек; он присасывается к одному из млечных полей.

Во время насиживания и выкармливания самка проводит почти все время в неглубокой гнездовой норе. Недель через десять детеныш достигает веса до четырехсот граммов и покрывается колючками. Самка, уходя на поиски пищи, прячет его в гнездовой норе, но возвращается, чтобы покормить молоком. Через полгода, достигнув веса девятьсот граммов, детеныш начинает вести самостоятельную жизнь.

Уже более полувека ехидна находится под полной охраной государства. К счастью, этот закон редко нарушается, поскольку ехидна не представляет практически никакой коммерческой ценности. Ее колючая шкура не привлекает охотников за пушниной, а мясо почти не употребляется в пищу. Лишь однажды на базаре в г. Порт-Морсби на Новой Гвинее среди прочих даров природы мне пришлось увидеть ехидну. Завезенные в Австралию хищники (лисица и другие) не наносят вреда ехиднам, так как не в состоянии с ними

справиться. Отравленные приманки для кроликов, поедаемые многими местными видами животных, ехидн совершенно не привлекают, лишь изредка они попадают в капканы для кроликов. Сами же кролики там, где они многочисленны, вытесняют других наземных животных, в том числе и ехидн.

В целом же ехидны благодаря своему образу жизни и экологической неприязнательности сохраняются во многих уголках австралийского материка.

Через пески Арунты

С обеих сторон за окнами автомобиля высятся ярко-красные гряды барханных песков, лишённые растительности. А впереди до горизонта тянется широкая зеленая «дорога» — это поросшая травой межгрядовая ложбина. Такие ложбины пролегают с северо-запада на юго-восток и могут служить наземной трассой через пустыню Симпсона, или Арунту, как ее называют аборигены.

Рядом со мной сидит пропыленный и обросший черной щетиной Василь Морарду. На легких участках пути он учится водить машину. Но сейчас, когда дорогу заменяет заросшая кочками колючей триодии ложбина, я не решаюсь доверить ему управление тяжелым «лендровером».

Прошло уже почти три недели, как мы выехали из Канберры, и за это время нам удалось достичь самого сердца Австралийского континента. Мы проехали уже более двух тысяч километров, и из них более тысячи по пыльной грунтовой дороге — Трансавстралийской магистрали, пересекающей материк от Аделаиды до Дарвина.

Теперь, запасшись крупномасштабными топографическими картами, мы совершаем траверс пустыни Симпсона, начав его из городка Алис Спрингс и на-

мереваясь выйти к одинокой ферме Андадо на другом краю безлюдного моря барханных гряд.

Сейчас начало мая — глубокая осень. Температура днем не поднимается выше двадцати пяти градусов. Яркое солнце припекает в середине дня. На небе почти нет облаков. Дождей уже давно не было, но злаки в межгрядовых понижениях еще зеленеют, используя сохранившуюся в почве влагу.

Если через три дня мы не выедем к ферме Андадо, то сотрудники научного центра в Алис Спрингсе свяжутся с фермером по радио и будут искать нас с помощью самолета. Но пока все идет благополучно.

Изредка попадаются небольшие роцицы или отдельно стоящие акации малга, изящные, прямоствольные, с прозрачной серовато-зеленой кроной. С одного такого дерева слетает небольшая стайка волнистых попугайчиков — тех самых, без которых не обходится ни один наш зоомагазин. На земле предков эти яркие длиннохвостые птички имеют лишь один вариант окраски: все они изумрудно-зеленого цвета. Это уже птицеводы в Европе развели синих, белых и желтых.

Два черных пустынных ворона медленно летят над ложбиной, обследуя местность в поисках случайной добычи. Из густых куртин триодии вспархивает стая розовых какаду, крупные хохлатые птицы делают круг и снова опускаются на землю.

Быстро, легко и стремительно пролетают над самой землей две крошечные бриллиантовые горлицы.

На очередной остановке мы обследуем растительный покров пустыни. Приятно размяться после жесткой езды по бездорожью. Под ногами удивительный ярко-красный песок, сыпучий и мелкий. Такую своеобразную окраску придает ему пленка окислов железа, покрывающая каждую отдельную песчинку.

Зеленый покров в ложбине разрежен, им покрыто менее половины поверхности почвы. Основу состав-

*Агама, ящерица-дракон, стремительно бежит
по сыпучему песку*

ляет триодия Базедова, образующая мощные колючие куртины. Стоит положить ладонь на поверхность куртины — ощущаешь множество уколов. Да, вряд ли такой злак окажется съедобным для каких-нибудь домашних животных, кроме верблюдов. Между куртинами триодии видны и другие злаки, а также разнотравье. Ближе к подножию барханной гряды растительный покров становится все разреженнее, а на склоне ее видны лишь отдельные экземпляры зигохлоса, птилотуса и кроталарий.

По крутому склону, увязая в красном песке, вскарабкиваемся на гребень восьмиметровой гряды. Сверху открывается великолепный вид на безлюдный и безбрежный ландшафт. Зеленые ложбины, рассеченные выпуклыми рыжими спинами барханных цепей, тянутся параллельно. Ширина каждой из них достигает двухсот — трехсот метров. Склоны покрыты затаившей ветровой рябью, нарушаемой кое-где следами крупных темно-серых жуков-чернотелок и розовато-серых ящериц-драконов.

У основания бархана под куртиной видна маленькая воронка, из которой то и дело выбегают су-

стливые черные муравьи. А вот и «чудо природы» — ящерица-молох, покрытая сверху и с боков острыми, но на ощупь довольно мягкими шипами. Молох охотится на муравьев и вначале не замечает нашего присутствия. Мы выдаем себя упавшей на него тенью, и тотчас молох растопыривает лапы, выгибает спину, упирается мордочкой в песок, выставив вперед рогатый затылок. Такой оборонительный прием, возможно, смутит недостаточно смелого хищника.

Почти из-под ног вспархивает небольшой рыжевато-ватый куличок — это замечательный австралийский зуск, живущий в глубине пустыни, вдали от воды. Он быстро скрывается среди травы, а мы, приглядевшись к ровной рыжей почве, замечаем оставленного птенца. Малыш еще не летает, покрыт бурым пухом, ему приходится затаиться, плотно прижавшись к земле. Сейчас он похож на небольшой камешек, лежащий на песке. При этом птенец не забывает строго ориентироваться по солнцу, повернувшись к нему спиной. В таком положении глаза его оказываются в тени и не выдают своим блеском присутствия птицы.

В лощине на плотном, слежавшемся песке замечаю стелющееся растение с серо-зелеными резными листочками и ярко-красными цветами, сидящими на длинных цветоножках. Каждый изяшный цветок вооружен эффектной шпорой. Это пустынный горошек Стёрта, и сейчас время его цветения. Встречается он на песчаных почвах во внутренней Австралии. Красочный облик этого растения невольно привлекает взгляд, и недаром оно служит эмблемой штата Южная Австралия. Однако открыто оно было на дальнем северо-западе материка. Пустынный горошек оказался одним из первых растений, попавших в Европу из Австралии.

За семьдесят лет до того, как знаменитый ботаник Джозеф Бэнкс смог посетить Австралию вместе с Джеймсом Куком и собрать свой уникальный гер-

У тупохвостого сцинка хвост похож на голову

барий, на северо-западном берегу Австралии высадился бывший пират Уильям Дампир. Этот человек, посвятивший молодость скитаниям по Атлантике и грабежу испанских и португальских судов, впоследствии направил энергию в более полезное русло и совершил три кругосветных путешествия, составив ценнейшие карты многих южных морей Тихоокеана. Во время одного из этих плаваний Дампир обследовал северное побережье Австралии, именовавшейся тогда Новой Голландией, и в 1699 г. нашел там пустынный горошек, собрал его и засушил. Любопытно, что собранные бывшим пиратом растения сохранились до сих пор и украшают гербарий Оксфордского университета.

Имя Дампира запечатлено в научном названии пустынного горошка — *Clianthus dampieri*. Английское же название — *Sturts desert pea* — воскрешает в памяти имя другого отважного путешественника — Чарлза Стёрта, который вновь нашел это растение через полтора века после Дампира на противоположной окраине его ареала. Отправившись в 1844 г. из Аделаиды на север, он нашел и собрал пустынный горошек в районе Брокен Хилла. Эта экспедиция Стёрта открыла для

географов глубинные районы материка. Стёрту удалось обследовать восточную часть пустыни Симпсона и убедиться, что в центре материка нет гигантского озера, как тогда предполагали.

Закончив описание растительности и сборы насекомых, собираемся трогаться дальше и неожиданно натыкаемся на следы, крупные, округлые, так хорошо знакомые всем, кто был в пустынях Средней Азии. Это верблюды! Взбежав на гряды, вглядываемся в направлении уходящих следов и видим вдаль одинокую фигуру одногорбого верблюда, пасущегося в зеленой ложбине.

В памяти всплывают новые героические страницы исследования Австралии. Чарлз Стёрт не смог исполнить свою мечту — пересечь Австралию с юга на север. Отважный Роберт О'Харра Бёрк в августе 1860 г. отправился из Мельбурна вглубь материка с караваном из двадцати пяти верблюдов, закупленных в Афганистане.

Ему удалось к февралю 1861 г. пересечь континент и выйти на берег залива Карпентария. Однако на обратном пути, уже в мае этого года, герой вместе со своим спутником Уильямом Уиллсом погиб в глубине пустыни, оставшись без припасов и даже без верблюдов, которые раньше, чем люди, погибли, не выдержав тягот пути и голода.

В 1862 г. другой исследователь, Джон Макдуалл Стюарт, без верблюдов благополучно пересек Австралию от Аделаиды до побережья Арнхемленда и вернулся обратно, причем именно Стюарт проходил где-то здесь, по окраине пустыни Симпсона. Нужно заметить, что он совершил этот выдающийся переход с третьей попытки, после двух неудач — в 1860 и 1861 гг., когда накопил уже большой опыт пустынных экспедиций.

После Бёрка верблюдов неоднократно завозили в северные районы Австралии, используя как транспортное животное. К началу века их было здесь более шести

Крупный ковровый питон

тысяч, но затем автомобили оттеснили на второй план «пустынного вездехода» и брошенные верблюды одичали. Теперь одиноких бродяг, дальних потомков тех верблюдов, можно встретить в глубине пустыни.

Довольные впечатлениями, мы с Василем садимся в «лендровер». Трогаемся с места, но через пятьдесят метров мотор вдруг чихает и... глохнет. Наступает непривычная тревожная тишина. На щитке приборов еще полбака бензина. Обескураженные, выбираемся из кабины и лезем под капот.

Василь — специалист по ядерной физике, и помощи в починке мотора ждать от него не приходится. Но по крайней мере он поддерживает меня своим искренним сочувствием и неподдельной заинтересованностью. В десятый раз проверяю все узлы и детали, пытаюсь завести мотор — никакого результата. Утомившись от жары и ползания под «лендровером», сажусь на колючую куртину триодии. Собираем внеочередной «военный совет». Что делать? Ждать, когда через пару дней нас начнут искать с самолета? А вдруг они найдут нас и обнаружат, что в машине какая-нибудь пустячная неисправность? Вот уж бу-

дет позор! Пойти вперед пешком к ферме Андадо? Смотрим на карты. До нее еще больше сотни километров — по песку и по жаре!

Опять принимаюсь подкручивать, простукивать, продувать. И вот наконец-то повезло! Оказывается, забился песчаной пылью бензопровод от запасного бака.

Прочищаем его, и снова слышится мощный рев мотора!

На второй день после романтического ночлега под звездами в глубине пустыни мы видим впереди несколько домиков. Андадо! Но что это? Вокруг — ни души. Лишь черные вороны да горлицы оживляют безмолвный пейзаж. Ферма давно заброшена. Постройки уже изрядно поедены термитами. Только гора пивных бутылок за стеной главного здания не поддается челюстям этих неумолимых насекомых.

От заброшенной фермы начинается старая, но ясная колея. И вот через час езды на горизонте появляется большая ферма с загонами для скота, конюшнями, бассейном артезианской воды и даже... маленьким самолетом.

Нас радушно встречает сухощавый высокий мужчина с приветливым обветренным лицом, протягивает нам широкую огрубелую ладонь.

— Знаю, знаю, о вас мне по радио из Алис Спрингса сообщали. Как дорога? — радушно приветствует он нас. — Мы в прошлом году с сыном тоже ездили этим путем в Алис Спрингс.

Обмениваемся впечатлениями за крепким чаем, расспрашиваем о жизни в этой глуши.

— Мои родители жили на той старой ферме, которую вы видели. Но там плохо идет вода из колодца, и мы перебрались сюда, ближе к краю пустыни. Отсюда уже начинается малга кантри¹.

¹ Малга кантри — ландшафт пустынного редколесья с господством акации малга.

Корабли пустыни

— А зачем вам самолет? — спрашиваем мы.

— Стада у меня пасутся свободно, уходят далеко в пустыню, и когда приходит пора гнать скот в Аделаиду на продажу, то найти его нелегко. Раньше я искал их на мотоцикле, а теперь быстро нахожу стада с самолета. И еще... — усмехается фермер, — примерно раз в месяц такая тоска заедает в этой глуши, что я сажусь в самолет и лечу в Аделаиду. Выпьешь там с друзьями бочонок-другой пива, обменяешься новостями и анекдотами — как-то и полегчает.

Перед расставанием фермер идет в холодильник, где висят коровьи туши, и отрезает нам увесистую телячью ногу.

— Перед ночлегом пожарьте себе на костре, устройте аборигенное пиршество да вспомните добрым словом мой заброшенный уголок.

Поздний вечер. Мы с Василем сидим у костра, поджариваем телятину и вспоминаем наше путешествие. Глядя на пламя и с наслаждением вдыхая сухой ночной воздух, долго еще обсуждаем увиденное и пережитое в глубине австралийской пустыни.

Коралловое ожерелье

Ранним августовским утром большая шхуна с громоздким названием «Торрес — Стрейт Айлендер» отчаливает от острова Терсди и берет курс на северо-восток, к самым северным островам Большого Барьерного рифа. Дует свежий восточный ветер, температура воздуха перед восходом солнца — двадцать один градус. На борту нас всего десять человек: шкипер с четырьмя матросами, четверо местных жителей, возвращающихся домой после отпуска, проведенного на острове Терсди, и я.

Цель моей поездки — ознакомление с работами по сохранению морских черепах. Сотрудник Австралийского национального университета доктор Роберт Бастард организовал на нескольких островах специальные фермы, где местные жители выращивают морских черепах до таких размеров, когда им уже не страшны морские хищники. Тогда подросших животных выпускают на волю. Таким путем смертность молоди морских черепах снижается до десяти процентов, а в природе гибель черепахат достигает девяноста процентов.

Роберт Бастард, а попросту Боб, пригласил меня совершить с ним инспекционную поездку по черепаховым фермам. Нужно было проверить, в каких условиях содержатся животные, соблюдается ли режим кормления, смены воды и т.п. Ведь вся эта сеть ферм находится под эгидой Международного союза охраны природы, и Боб персонально отвечает за ее эффективность.

Боб остался на причале: у него еще есть дела на острове Терсди; завтра он догонит нас самолетом. Наш путь пролегает между холмистыми материковыми островами — это вершины гор, которые поднимаются со дна океана. Они расположены на опустившейся под воду окраине материка.

*Крохотный поселок островитян на острове Дарли
прячется под кронами пальм*

С восходом солнца ветер усиливается, волны начинают заливать палубу, пассажирам приходится скрыться в тесной каюте. Экипаж судна прячется от брызг позади каюты.

В полдень на горизонте появляется первый коралловый остров — Су Айленд. В отличие от материковых коралловые острова лишь чуть возвышаются над уровнем моря. Издалека Су Айленд выглядит ярко-зеленым пирогом на желто-белом подносе. Буйная зелень окаймлена пляжем из кораллового песка. Хорошо видна окраина рифа, окружающего остров: цвет воды с темно-синего меняется на светло-зеленый. Так обозначается рифовая отмель — «крыша» кораллового рифа.

Наша шхуна становится на якорь у края отмели, к берегу мы добираемся на моторной лодке. Из-за наступившего отлива даже моторка не может подойти к берегу — приходится проделать остаток пути по колесу в воде, лавируя между острыми скелетами кораллов.

После короткой стоянки и обеда на Су Айленде снова забираемся на шхуну и к ночи прибываем

на остров Коконат. Этот коралловый островок сплошь засажен пальмами, мы спим на песке под мирный шелест листьев.

Еще до рассвета в прохладной темноте отправляемся в путь и к восьми утра уже достигаем острова Йорк. Это сравнительно крупный коралловый остров, здесь есть посадочная площадка для маленького самолета. На берегу нас поджидает Боб, прилетевший сюда вчера вечером. Здесь организованы три черепаховые фермы. Одну из них содержит пожилой мужчина, другую — молодая девушка, а третью — толстый здоровяк средних лет, оказавшийся по совместительству единственным местным полицейским. Черепахи покрупнее содержатся в бетонных бассейнах, а мелкие — в старой ванне, в больших тазах. «Главное — дважды в день менять воду и давать свежий корм», — настой-

ИЗВЕСТНЫ СЛУЧАИ ГРУППОВЫХ ВЫБРОСОВ КИТОВ НА БЕРЕГ. КАК ЭТО ОБЪЯСНИТЬ?

Места, где происходили такие трагедии, разбросаны по разным частям света. Обычно это низменные берега, подводные песчаные отмели, пляжи, галечники или участки илистых наносов. Не всегда «обсыхание» происходит на песчаном грунте, но почти всегда, когда возникают затруднения в навигации животных. Как правило, катастрофам сопутствуют непогода, сильный, направленный к берегу ветер, высокая зыбь. Во время шторма поднимается масса воздушных пузырьков, частиц песка и грунта. Возникают помехи, вносящие ошибки в работу гидролокатора китов. Это обычная обстановка при «обсыхании». Обычная, но не единственно возможная. Например, при лоцировании пологого мелкого дна эхо не всегда возвращается, что и дезинформирует животных. Известный российский океанолог Авенир Григорьевич Томилин пришел к выводу, что причина массовых «обсыханий» заключается в выработанных стадным образом жизни средствах общения. Несколько особей, попав в беду, начинают подавать сигнал бедствия. Повинуясь инстинкту сохранения вида, другие животные устремляются на помощь. Все спасательные работы приводят лишь к гибели всего стада.

*Ребристые «магнитные» термитники на острове Терсди
высотой более двух метров*

чиво объясняет Боб. Он показывает на несколько черепашек, пораженных грибковыми заболеваниями. Это произошло потому, что недостаточно часто меняли воду. Теперь их придется лечить, и Боб оставляет фермерам лекарственную мазь.

После обеда совершаем уже вместе с Бобом последний переход на шхуне к конечной цели нашего путешествия — острову Дарли. Этот небольшой, но гористый островок был виден еще с Йорка. В северной части он более крут и покрыт лесом, а в южной — полого спускается к морю, склон там травянистый. Внизу видна открытая бухта с песчаным пляжем и широким коралловым рифом. Начался прилив, на лодке мы подходим к самому пляжу.

Нас встречает почти все местное население. Впереди вождь деревни в пурпурной тунике, завязанной спереди большим узлом, полицейский в зеленой форме и широкополой шляпе, учитель, священник и несколько старейшин в ярких туниках. Длину туники они меняют в зависимости от погоды или дальности прогулки — от мини выше колен до макси по шиколотку.

Живописная деревушка, окруженная кокосовыми пальмами и посадками бананов, гостеприимно курится дымом костров. По случаю прихода шхуны будет большой «кайкай» — праздничное пиршество.

На отмели у берега видны высокие квадратные загоны из бамбуковых жердей — это черепаховые клетки. Они установлены прямо на рифовой отмели, и проблема смены воды отпадает: она сама сменяется с очередным приливом. Зато в шторм бывает, что забор рушится, черепашки обретают свободу раньше намеченного срока и становятся добычей хищных рыб.

Свою первую экскурсию я начал незадолго до заката солнца, вооружившись сильным фонарем и решив обойти остров кругом, пусть даже придется вернуться лишь к утру.

Белый песчаный пляж усеян обломками кораллов, раковинами, близ линии заплеска тянется полоса выброшенных водорослей. Среди разнообразных даров моря особенно поражает красотой формы раковина наutilusа — головоногого моллюска. Строгая симметрия хорошо отличает ее от асимметричных раковин брюхоногих моллюсков.

Местами песчаный пляж прерывается выходами черных скал, и на них буквально кишат мелкие черные сцинки. Поймать их невозможно: они молниеносно скрываются в расщелинах.

Быстро темнеет, приходится включить фонарь. В лучах света по песку разбегаются прозрачные песчаные крабы. Они держатся у самой кромки воды и с каждой волной отбегают повыше, но тут же сбегают вниз, когда волна откатывается и оставляет за собой мелких животных — желанную добычу крабов.

Неожиданно впереди появляется темная преграда — пляж сменяется зарослями мангров в илистой лагуне. С трудом перешагивая через дугообразные корни, пробираюсь через лагуну. Здесь, на илистом дне, обитают более крупные и темные крабы.

Крупная зеленая черепаха

Из мангров поднимаюсь на склон и попадаю в тропический лес. Толстые стволы крупных круглолистных деревьев — пизонии и турнефорции — перемежаются с прямыми изящными стволами длиннолистного пандануса, которые держатся на конусе из воздушных корней. К ветвям деревьев прилепились черные наросты — это поселения термитов. В сыром лесу они предпочитают жить повыше над землей.

Листья деревьев кое-где «сшиты» по два-три вместе в виде толстых пакетов. Это тонкая строительная работа тропических муравьев экофиллов. Стоит тряхнуть ветку, и из пакета сыплются прозрачные зеленые муравьи. Попав на голову, руки или за шиворот, они наносят болезненные укусы.

В подстилке раздается шуршание — крупные коричневые ящерицы сцинки выбегают из-под ног. На стволах деревьев, слившись с корой, застыли ночные ящерицы — гекконы. Между ветвями висит огромное колесо плотной паутины, а в центре ее — крупный и длинноногий паук нефила. На листе сидят большие черные тараканы и ярко-зеленые кузнечики. Переворачиваю валежник — несколько длинных, до пят-

надцати сантиметров, сколопендр скрываются в подстилке. Под другим сдвинутым бревном оказывается целая компания коричневых скорпионов с толстыми клешнями. На тонких ветвях среди листвы прячутся ярко-зеленые квакши.

Дневные экскурсии в лесу хотя и менее таинственны, но также богаты наблюдениями и впечатлениями. В кронах деревьев слышно воркование горлиц. На просветах по краям тропинки порхают красочные бабочки. У цветов тюльпанового дерева и гибискуса на опушке леса выются желтогрудые нектарницы, а над устьем маленькой речки ярким пятнышком проносится сине-зеленый зимородок. Из-под ног стремительно выскакивает полуметровый варан и пулей взлетает на дерево, скрываясь в кроне.

После завтрака местный учитель приглашает меня на рыбную ловлю. Пользуясь приливом, выходим в море на моторной лодке. Под нами «крыша» кораллового рифа, образованная мертвыми кораллами. Хотя сами кораллы не могут жить в теплой и бедной кислородом воде лагуны, жизнь на «крыше» пестра и богата.

Дождавшись отлива, я покидаю лодку, стоящую на якоре у внешнего края рифа и, пока учитель рыбачит, отправляюсь пешком по мелководной лагуне.

Повсюду видны черные и желтые «колбасы» — это голотурии, дальние родичи морских звезд. Движение их заметить невозможно, так медленно они ползут по дну. Но о направлении их перемещения можно судить по следу, тянущемуся за ними. Если дотронуться до голотурии, она выпускает из ротового отверстия белые клейкие нити. Так же медленно, как и голотурии, движутся по дну лагуны синие и красные морские звезды. Поразительно разнообразие брюхоногих моллюсков. Среди них особенно красивы моллюски рода ципрея, или каури. Мелкие молочно-белые каури прячутся целыми группами

под обломками кораллов, реже попадаются крупные пятнистые каури. Особой осторожности в обращении требуют моллюски рода конус: их «нога» вооружена твердой роговой пилочкой. Стоит схватить конуса, как он высовывает свою пилочку и режет руку, внося в ранку сильный яд.

В тени крупных обломков прячутся длинноиглые ежи. Потревоженные, они быстро забегают на другую сторону камня, шагая на своих длинных иглах. Собравшись перевернуть небольшой обломок, я неожиданно обнаруживаю, что это рыба. Недаром ее называют рыба-камень: маскировка под облик замшелого камня превосходна.

Из укрытия выныривает небольшой осьминог и пытается улизнуть, но я успеваю подхватить его сачком, чтобы хорошенько рассмотреть и сфотографировать.

Возвращаюсь к лодке и, вооружившись трубкой и маской, плыву вдоль наружного края рифа, где стена его круто уходит в темную глубину. Здесь уже господство живых кораллов. Медленно парю в воде над фантастическим «садом», роль цветов в котором выполняют кораллы. На концах хрупких ветвей нежные розетки всех возможных цветов — розовые, белые, фиолетовые. В основание коралловых построек вросли крупные двустворчатые моллюски — тридакны. Их створки окаймлены ярко-синей бахромой. Внутри коралловых зарослей прячутся пестро раскрашенные рыбки, а над поверхностью рифа медленно бродят более крупные хищные рыбы — групперы, королевские окуни, макрели. Некоторых удастся подцепить на крючок с насадкой из сардины.

В темной расщелине, извиваясь, скрывается змеевидная мурена. На глубине пяти метров вдоль коралловой стены проплывает морская черепаха. Медленно взмахивая передними лапами, она постепенно уходит вглубь.

Экспедиции продолжаются

После успешной рыбной ловли возвращаемся в деревню, где нас ждет Боб. С ним вместе мы проверяем работу девяти фермеров острова Дарили. Особенным усердием отличается Тимото — пожилой островитянин, не жалеющий времени для ухода за своими питомцами. И черепахи у него самые крупные и красивые, с хорошо сформированным, гладким и блестящим панцирем. Скоро можно будет выпускать их на волю и они поселятся среди окрестных рифов.

Содержание

От издательства	3
Одиссея Николая Дроздова	4

Тайны живой природы

На Мадагаскаре	7
В Танзании	14
На Кубе	25
В США	30
На Гавайях	51
В Зимбабве	63
В Индии	75
В Монголии	85

У наших друзей

В Беловежской Пуще	91
Немного истории	91
Великаны леса	96
Леса Беловежья	99
Птичье население	102
Заповедные маршруты	107
Тарпаны, кабаны и олени	111
Природа Казахстана	117
В Алма-Атинском зоопарке	118
Места заповедные	126
У казахских орнитологов	133
В заповедно-охотничьих хозяйствах	139

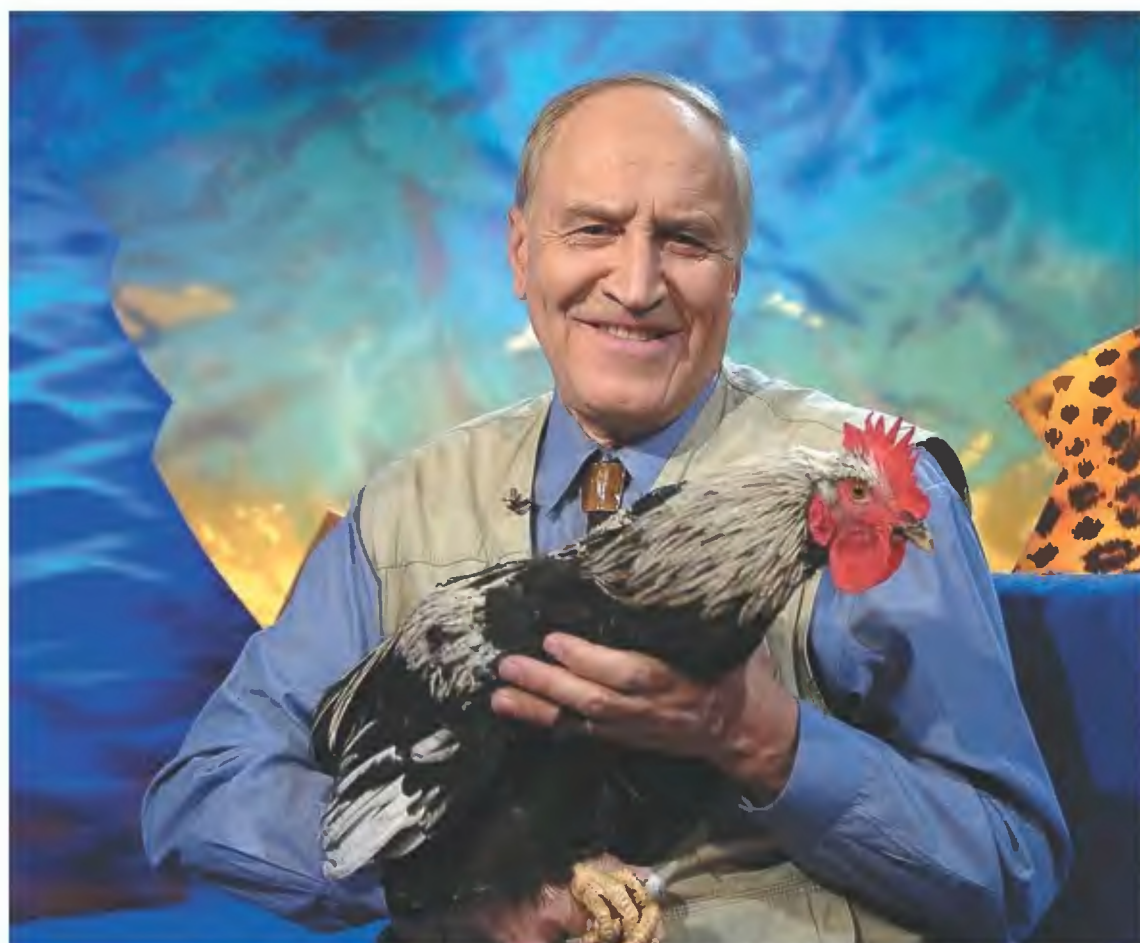
Полевые наблюдения

Джейн Гудалл и дикие шимпанзе	146
-------------------------------------	-----

Полет бумеранга (главы из книги)

Ночь под созвездием утконоса	162
Погоня за Валлаби	174
Ехидна с острова Кенгуру	198
Через пески Арунты	205
Коралловое ожерелье	214

Научно-популярное издание

Дроздов Николай Николаевич

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ**

Выпускающий редактор *В.И. Кичин*

Редактор *Т.А. Руденко*

Корректор *И.В. Алферова*

Дизайн, верстка *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 31.05.2017. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Cambria». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 7. Тираж 1200 экз.

Заказ №